

Геннадий Башиннов

БЕЗСТАЖНОЕ

Героический Рейд

Они просто хотели в очередной раз запустить любимую игру, поставив перед новой сессией галочку у надписи "Героический режим". Но игра стала жизнью, где нет респаунов, и каждый стремится выжить любыми способами. Для меня всё ещё серьёзней. Я не помню, кто я. Я не знаю, почему я оказался здесь на несколько секунд раньше остальных. Я знаю лишь только то, что стал невольным свидетелем начала гибели этого мира. А теперь являюсь непосредственным участником событий, которые её завершат.

Часть первая. Не для героев. Смерть I

Медленно — куда медленней, чем мне хотелось — мир приобретал цвет.

Тяжёлые чёрные тучи заслоняли половину небосвода. То тут, то там виднелись вспышки, но молний не было видно, они бушевали где-то в глубине туч. Стоял практически полный штиль, лишь изредка моё лицо обдавал шершавый порыв горячего ветра.

Вот-вот, с минуты на минуту иссиня-чёрные тучи лопнут, как давно назревший гнойник, и начнётся буря.

В горле у меня пересохло, я стоял, глотая тягучую слюну. Голова раскалывалась. Судорожно вздохнув, я склонил голову, от чего в сухую пыль под ногами упали несколько капель пота.

Где-то недалеко заплакал ребёнок.

Плач, плач, дитя, твои слёзы будут первыми. Потом будет дождь, что смоем грязь. А после всё умоется кровью.

Я ещё раз судорожно сглотнул и неуверенно шагнул вперёд. Тело плохо меня слушалось, и я чуть не упал. В голове снова плыло. За второй шаг я поплатился несколькими вспышками боли в висках и затылке, но третий сделал уже почти уверенно.

Зрение, наконец, сфокусировалось, и я рассмотрел несколько покосившихся зданий, окружающих вытоптанную площадку, посреди которой я и стоял.

Следующий приступ головной боли чуть меня не прикончил, но я твёрдо усвоил две вещи. Первая — я не знаю, как я сюда попал (и «сюда» — это куда?). Вторая — я не знаю, кто я. Впрочем, порядок не важен, если уж ты, откровенно говоря, не знаешь ни хрена. Но узнать, где я, будет проще.

Я сплюнул в пыль и зажмурил глаза. Не помогло. Тяжело сел и потёр виски. Тоже не помогло.

Задул ветер, ещё тёплый, но стало гораздо прохладней. Упали первые капли дождя.

Я застонал. Мир вновь выцветал. Тучи будто рассекли на несколько частей, они всё ещё шли единым фронтом, но часть была уже НЕ ЗДЕСЬ. Моя голова тоже как будто разлетелась на несколько частей. Младенец замолк. Заткнулись сверчки. Мир замер.

А после зашёлся в агонии. Это невозможно описать. Будто одновременно пространство скручивалось в узлы и разрывалось на части. Я невесть как оказавшись на ногах, таращил глаза, мычал и страдал вместе со всей планетой.

Сплошная стена дождя захлестнула меня. Я стоял, глотая солёную от пота воду, стекающую по моему лицу, и судорожно пытался понять, свидетелем чему мне пришлось стать.

Посеревшие тучи заволокли всё небо, ливень превратился в плотную морось, пыль под ногами раскисла в жидкое дерьмо. Стало чертовски холодно.

Почему-то я знал, что хорошей погоды уже не будет. И вообще ничего хорошего не произойдёт. Мои ноздри заполнял запах смерти, пугающий, но и будоражащий одновременно.

Из-за моей спины раздался приглушённый возглас. Обернувшись, я увидел парня в плаще, стоящего на четвереньках.

— Что за нахрен? — закричал он, явно обращаясь ко мне. — Где я?

— Я не знаю, — честно признался я.

Через минуту нас, ничего не понимающих и испуганных, было уже несколько десятков.

Выживание I

Я бежал через поле, судорожно перезаряжая свой арбалет. Второй куда-то подевался, но если я умру, он мне не понадобится. Стрела — железная игла длиной в пядь — встала наконец в желоб. Я натянул тетиву, намереваясь прикончить преследующую меня тварь, но тут земля под моими ногами превратилась в болото. Ноги мгновенно увязли, и я по инерции воткнулся лицом в склизкую траву.

Чудовище — дикая прямоходящая помесь рыбы и кошки ростом в два метра — прыгнула мне на спину и вмяла в густую мёртвую траву, которая норвила забиться мне в рот и нос, лезла за шиворот и стягивала шею.

Вот мне и крышка...

Но моб, как мы их по привычке называли, не пытался меня прикончить, а просто валялся, будто решил вздремнуть.

— Прости, тёзка, я опять слажал!

— Если бы это был не ты, я бы решил, что кто-то пытается меня прикончить, — пробурчал я, выпутываясь из травы.

— Да ладно ты, — отмахнулся Алексей, — здесь в радиусе пары километров кроме наших никого не осталось. Мы ж слоупоки.

Да, мы никуда торопились. В общем-то, острой нужды в этом пока не было: у нас оставалось ещё три дня, чтобы преодолеть каких-то десятков километров.

— Лёх, пошли соберём, что нападало.

Я кивнул.

И, кстати, меня зовут не Алексей. Вернее, я не знаю, как меня зовут. А в тот момент, когда вымазанный в грязи парень поднялся с четверенок и сказал, что его зовут Лёха, а потом спросил, как моё имя, других вариантов у меня не было. Потому что я не знал ни одного имени. Вообще. Я знал, что такое имя, зачем оно нужно и когда им пользуются, но не помнил ни одного. Зато сейчас знаю навалом.

Правда, большая часть их носителей уже мертва.

Я подобрал второй арбалет, сломанный кинжал пришлось бросить — последнего живого ремесленника мы встретили три дня назад. Да и тот пёк пироги из желудёвой муки. Но мы были рады и этому. Желудёвая мука — не так уж и плохо, когда нечего жрать. С едой проблемы начались, кажется, с месяц назад. Впрочем, тогда на это особо внимания не обращал, ведь примерно тогда же сняли мораторий на убийства. Я зажмурился и опустил голову. Это были неприятные воспоминания.

— Смотри, что там, — сказал мой напарник, указывая куда-то в кусты.

— И что? — спросил я, подыскивая в своём скудном снаряжении что-нибудь колюще-режущее, на что можно было нанести яд. Кроме большого листообразного острия копья на обломанном древке ничего не нашлось.

— Тропа какая-то.

Я быстро осмотрел кусты. Вроде чисто. Но всё равно лучше дождаться остальных.

— Вот тебе и вычищенные под корень локации, — грустно ухмыльнулся Алексей.

Я не стал спорить. Когда объявили о закрытии части локаций, народ, который никуда не собирался и с упоением вырезал всех, что попали под руку, с не меньшим упорством устроил

гонку, стараясь оказаться как можно дальше от опасных зон. Мы не стали торопиться. И, кажется, не прогадали: несмотря на практически полное отсутствие полезного лута и неписей, мобов здесь всё ещё оставалось достаточно.

Если, конечно, к здешним применимы такие понятия, как «НПС» или «моб». Я в этом сомневался.

Подошли остальные. Коротко посоветовавшись, мы решили двигать в лес впятером и проверить, куда ведёт тропа. В низине мы нашли стиснутый кустарником ручей. Я приблизился к воде первым и, сев на корточки, принялся. И уже через пару секунд покачал головой. Вода, как и всё здесь, пахла мертвечиной, причём очень сильно. Думаю, даже если бы эту зону не объявили закрывающейся, здесь вряд ли кто-то остался бы надолго — всё, что не перебили игроки, умирало. Может быть, это была какая-то болезнь или проклятье, мы как-то говорили на этот счёт. У меня тогда на языке вертелось слово «скверна».

— Сколько у нас осталось воды? — спросил Павел.

— Литров пятнадцать, — отозвался Антон, проверяя свои сумки. — На первое время хватит.

— Всё равно. Проверяем, что там, и в темпе двигаем на юг, больше ошиваться здесь не будем. Хватит подбирать остатки.

— Думаешь, там будет больше добычи? — фыркнула Юлия. — По-моему там тоже уже всё вычистили.

— Как и здесь? — насмешливо спросил Алексей, указывая влево.

Там лежали пять медвежьих тел, не слишком-то свежих, судя по вони. Из их шкур торчали обломанные стрелы, у двух медведей не доставало конечностей. Хоть мух нет, их скверна выкашивала ничуть не хуже, чем других живых существ.

Алексей приблизился к трупам и принялся что-то бормотать над ними. Это заняло какое-то время, но вскоре перед нами медленно вышагивали три пета. Хорошо, когда в пати кроме обычного друида есть ещё и некро-друид.

Местность начала повышаться, кустарник сменился лесом. Здесь ещё можно было встретить редких птиц, на паре веток я увидел живых пауков — мерзких тварей размером с блюдце с кроваво-красными каплевидными узорами на жирных мягких брюшках. Судя по карте, мы приближались к уже разведанной территории. Я как разведчик собирался уже заворачивать отряд на юг, но тут мы выбрались на небольшую лесную полянку.

Ровно посередине возвышался камень, поросший длинными лоскутами лишайника. На камне восседало сразу три существа. Первой была рыжая тварь, похожая на помесь совы и человека — глаза-блюдца с вертикальными зрачками, когтистые пальцы на ногах, мощные руки, бочкообразное туловище; она была одета в белые лохмотья. Второй был явно мужского пола, носатый леший с большой дубиной в когтистых лапах. Третей оказалась прекрасная, но бледная девушка лет шестнадцати, облачённая в белое рубище с длинными рукавами. Они заметили меня, но никакой агрессии пока не проявляли. Рыжая даже зевнула, обнажая двойной ряд клыков. Стрыга, значит.

— Осторожно! — бросил я за спину.

— Осторожно! — передразнила меня рыжая тварь и расхохоталась.

— Осторожно... — растянул леший, его смех больше походил на заторможенное свиное уханье.

— Осторожно, — завораживающе прошептала девушка. Несмотря на приятный голос и

эротичные интонации, в нём слышались потусторонние ледяные нотки. От девушки веяло могильным холодом. Знакомое ощущение, с разными видами нежити мы встречались уже не раз и не два.

Меня догнали остальные игроки. Завидев неписей, медведи «оживились» — один даже издал несколько скрипучих полурыков-полустонов. Ожившие мертвецы — очень агрессивные твари.

— Мишка... — прошептала девушка. Она буквально спорхнула с камня и очень — очень! — быстро очутилась около медведей. Её тонкие длинные пальчики погрузились в шерсть одного из них, послышался хруст, заставивший мои волосы шевелиться на затылке, и медведь повалился на землю. Его голова была вывернута на сто восемьдесят градусов и отделена от туловища. Буквально через пару секунд к нему присоединились и другие два. Со смехом, в котором более явно слышались те самые могильные нотки, она ухватила одного, швырнула его к камню, схватила других за шерсть и оттащила туда же. Казалось, что это обычная девушка с огромными плюшевыми игрушками, но, чёрт возьми, это были настоящие медведи центнера по три весом. Девушка уселась под камень и со смехом принялась играть с трупами.

— Хорошая девочка, — своим пронзительным голосом сказала стрыга.

— Хорошая девочка...

— Хорошая девочка! — И смех в три глотки. Жуткий, завораживающий... или, скорее, сковывающий тело, подавляющий волю.

— Мы любим загадки, — сказала стрыга, обращаясь к нам. — Не хотите сыграть?

— А что нам за это будет? — угрюмо спросил Павел. Он продолжал задавать этот вопрос каждый раз, хотя в последнее время от него было мало прока.

— Вам? — рыжая тварь расхохоталась. — А что вы хотите?

— Опыт, — оживился наш лидер. — Деньги. Зелья. Вещи.

— Опыт, да. Вы получите бесценный опыт! А теперь слушайте загадку. Пять живых тушек по лесу идут. Пять живых тушек приходят на полянку. Пять живых тушек опыта хотят. Сколько живых тушек выйдет из леса?

— Пять? — облизав губы, спросил Павел. Антон подался вперёд, готовясь принять на себя первый удар.

— Не правильно! Четыре или ни одной! Кто хочет остаться и поиграть с Топлюшей? Ему не понравится игра, но, на самом деле, умереть быстро — это настоящий подарок, когда весь мир гибнет медленной и мучительной смертью. Ну, так что? Долгая и мучительная смерть или быстрая игра с Топлюшей?

Будто подтверждая слова стрыги о неприятной игре, утопленница выдрала у одного из медведей нижнюю челюсть. Её одежда испачкалась в чёрной густой слизи, тонкие грациозные руки теперь больше напоминали скрюченные когти.

— Хорошая девочка!

— Хорошая девочка...

Утопленница подняла голову и, улыбаясь, произнесла:

— Хочу человека!

— На решение загадки у вас есть пять минут! — сказала стрыга. — Решайте быстрее и уходите.

— Мы решили, — ответил Павел, усмехнувшись. — Мы уйдём впятером.

— Неверный ответ!

— Неверный ответ...

— У меня будет пять игрушек, — рассмеялась утопленница. Она отбросила медведя и протянула руки ко мне. — Ты будешь первым, прячущийся.

Она буквально телепортировалась ко мне. Тонкие пальцы вцепились в моё левое плечо так крепко, что я сразу понял — не вырваться.

— Она выбрала, — прокаркала стрыга. — У вас есть тридцать секунд, чтобы уйти. Мы же не звери.

— Мы... — начал Павел.

— Идите, — шепнул я. — Идите. Мы не справимся. — Говоря это, я смотрел в глаза Топлюще. Бездонные, чёрные, они поглощали меня. Я почувствовал возбуждение, рассудок мутнел. Мне захотелось схватить это гибкое тело и... Смерть во время секса — не самый плохой конец, так ведь?

— Идите.

— Нет. Тебя зачаровали. Мы тебя не бросим.

— Идите. Так будет лучше.

— Вы видите? Он сам хочет остаться. Уходите.

Но вместо ответа друиды одновременно жажнули заклинаниями. Ледяные глыбы и хлысты воды обрушились на сидящих на камне мобов. Ко мне подлетел Антон, он протаранил утопленницу щитом, но та и глазом не повела. Давление на мою руку так усилилось, что, казалось, затрещали кости, но я по-прежнему твёрдо стоял на ногах, хотя должен был корчиться на земле от боли. Но уже через миг руки на моём плече уже не было. Утопленница, так же глядя только мне в глаза, хлестнула правой рукой по щиту воина, того будто машина сбила — он повалился на траву и прокатился.

Но мне этого хватило. Наверное, визуальный контакт не был так силён, как тактильный. Я набросил Плащ, кастанул на тварь сцепку заклинаний из Ослепления и Метки и рванул в сторону. Утопленница завизжала.

— Где ты, игрушка?! Я ничего не вижу!!! Плохая игрушка! Я буду долго с тобой играть... Вот ты где!

Она бросилась на меня, но промахнулась — видимо, подействовал Плащ. А вот Ослепление я использовал в пустую — вряд ли утопленницу можно отнести к живым существам, а слепота поражала только живых. Я рванул по окружности поляны, доставая арбалеты.

Ребята успешно боролись с двумя другими чудовищами. Ну, может, не совсем успешно, но пока не проигрывали — и стрыга, и леший только успели слезть с камня, по ним хлестали ледяные осколки и вода, а ветер тормозил движение. Под их ногами медленно зашевелилась мёртвая трава, больше напоминающая склизкие щупальца. Но либо они лягут под этим натиском, либо у ребят кончится мана, и их уже ничто не спасёт. Разве что Антон задержит чудовищ, но он до сих пор не мог подняться.

Утопленница бросилась на меня во второй раз. Я ушёл от её прыжка и разрядил ей в лицо арбалеты. Одна стрела угодила в левую глазницу, вторая рядом с носом, но это даже не затормозило тварь, разве что вызывало раздражённый вопль. Бросив арбалеты, я схватил обломок копья. После третьего прыжка, я воткнул его в ту же глазницу, где уже торчала стрела.

Яд, конечно же, на нежить не подействовал, но рана оказалась достаточно серьёзной — утопленница на миг остановилась, трясая головой. Мне нужно было время — для прямых

стычек мои способности не очень-то годились. Но времени, как всегда, мне особо никто не дал: Топлюша уже через пару секунд продолжила преследование.

Я резко отступил, но теперь утопленница меня достала. Удар её крохотной ладошки зацепил мой бок, меня опрокинуло на землю. Ещё один прыжок, но я успел откатиться и подняться на ноги. По крайней мере, под действием Плаща Теней я мог сравняться с ней в скорости.

Рядом послышался визг, переходящий в утробное рычание. Окровавленная стрыга в разодранной одежде повалилась на землю, из её левой груди торчала едва заметная прозрачная стрела, один из спеллов Юли. Ледяной ливень тем временем кончился, Алексей судорожно пил зелье маны. Антон поднялся на ноги, но его шатало. Впрочем, он кое-как принял на щит удар дубины лешего. Он выглядел ещё хуже стрыги, но передвигался. Впрочем, то ли силы у лешего было меньше, чем у утопленницы, то ли он порядком ослабел — воина только пошатнуло от удара. Второй, правда, он бы, скорее всего, не выдержал, но моб не торопился атаковать во второй раз: его правая рука безвольно болталась, дубина уткнулась в землю.

А мне не надо было отвлекаться! Я с трудом увернулся от броска утопленницы, но она схватила меня левой рукой за плащ и рванула к себе. Правая рука поднялась для удара, я непроизвольно закрылся тесаком — последним своим оружием...

Удар пришёлся мне в маску, но он не был сильным. На траву повалились отрезанные пальцы утопленницы — она ударила прямо в лезвие. Топлюша издала вибрирующий визг, отпуская мой плащ. Я ткнул левым кулаком её в шею. Зря. Получил мощный толчок в грудь и повалился на траву, но убивать меня она уже расхотела. Утопленница бросилась в сторону камня и будто сквозь землю провалилась. Я разглядел тусклый отблеск воды в траве. Готов поклясться, что никаких луж на полянке раньше не было.

Тем временем Антон с Юлей совместными усилиями — ударами щита и резкими порывами ветра — повалили лешего на землю, и воин лихорадочно наносил по его голове и плечам удары мечом. У моба уже не было половины головы, но он всё ещё дёргался. Впрочем, это продолжалось недолго.

Когда леший затих, я осторожно подошёл к луже. Или, вернее, колодцу — дна видно не было, а мне уж очень не хотелось проверять, что там.

— Ну что, Лёх, не развлёкся с девахой? — бодро спросил у меня тёзка. — Нырять-нырять, не теряй времени.

— И думать об этом тошно.

Вообще думать было тошно... Начался отходняк от заклинания контроля разума. Головные боли до конца вечера обеспечены...

Если бы не новый, двадцать пятый уже, уровень. Я почувствовал, как по жилам растекается тепло.

Уже сто пятьдесят ловкости, сто силы и восемьдесят выносливости. Глупые цифры, который говорили мне только то, что я стал чуточку сильнее. Скажем, будто вышел из качалки и на мои плечи сразу выросли мускулы. Да, будто мы в игре, но и не совсем так. Если плестись в хвосте пати, не использовать способности, не тренироваться по вечерам, то вырастет только уровень, а статистика нет. Именно из-за этого мы и задержались — мы слишком долго пытались здесь жить, не обращая внимания на квесты. А потом... БАХ!.. зона закрывается, респаун монстров отменяется, убивайте, ребята, кого хотите — мобов, НПС, друг друга...

Сколько требуется времени, чтобы обычные люди принялись с остервенением резать всё, что попадётся под руку? На самом деле, не слишком-то много. Нам дали оружие, силу и разрешили делать всё, что угодно. Большая часть народа, конечно же, не торопилась убивать себе подобных. Но хватило нескольких отморозков, чтобы всё стало с ног на голову. Сначала ты видишь обобранные трупы незнакомых тебе людей, причём, над девушками — их по понятным причинам всегда не хватало — издевались особенно сильно. Потом кто-то пытается напасть на тебя. Гибнет кто-то из твоих знакомых, друзей или просто партнёров по пати. Ну а потом, увидев любого незнакомого человека или, что хуже, группу, ты начинаешь думать о том, что если ты не убьёшь их сейчас же, они убьют тебя.

Нет, многие, как и мы, пытались избегать стычек с другими игроками. Но однажды начавшееся насилие не остановить. А средством против насилия всегда было только большее насилие.

— Совсем нечего ободрать, — констатировала Юля, отходя от трупа стрыги.

— Ну что, — сказал Павел, разглядывая карту. — Тогда немедля двигаем на юг, здесь больше делать нечего.

Я затолкал тесак за пояс, зарядил арбалеты, набросил на себя Плащ Теней и двинулся по тропе в обратном направлении. Осторожность никогда не помешает...

Игра I, II, III

Я угрюмо смотрел на своё отражение. Ну да, моё лицо, такое оно и должно быть. Двухдневная щетина, растрёпанные тёмные волосы, небольшой шрам на правой скуле. На вид мне лет двадцать пять, вряд ли больше.

Никакого отклика внутри. Я даже не могу вспомнить, откуда у меня этот шрам. Хотя, казалось бы, неплохая зацепка для того, чтобы начать вспоминать хоть что-нибудь.

За ночь появилось человек пятьдесят. Все они уже разбрелись, собираясь выполнить первые квесты. Они все уверены, что мы в невероятно реалистичной игре. Я... я не знаю, что думать.

Я прекрасно знаю, что такое игра. Понимаю, что это за класс такой «Убийца». Я даже знаком с какими-то безликими шаблонами из РПГ-игр. Но кроме понимания шаблонов у меня за плечами ни черта нет.

И я не знаю, что мне делать. Значит, придётся отыгрывать предложенную роль.

Нервно сглотнув, я вышел из-за деревенских ворот и затоптался на месте. Никакого просветления не пришло. Делать нечего, нужно идти дальше.

А мир-то пустоват. Не видно ни одного моба (в голове прозвучал ещё один щелчок, отсчитывающий количество знакомых терминов, но не приносящий никакой действительно нужной мне информации). Поросшие невысокой травкой холмы с редкими пятнами цветов, узкая дорожка да виднеющаяся вдаль мельница. Там, наверное, живёт невеста, о которой мне говорил трактирщик. Туда и пойду.

— Добро пожаловать в мир Параллели, — сказал мне в ухо приятный женский голос. — Хочу напомнить вам, что вы выбрали героический режим. Вы сможете умереть лишь раз.

Меня чуть кондрашка нехватила. Пару раз глубоко вздохнув, я медленно проговорил:

— Я уже это понял.

Воспоминания о парне, который решил добровольно выйти из игры и для этого вскрыл себе вены, не давали мне уснуть этой ночью.

— Вы выбрали класс Убийца. Это воин, специализирующийся на молниеносных атаках со спины или из укрытия. Убийца делает свою чёрную работу без жалости, убивая монстров или других игроков, оставаясь незаметным для других. Пока вам доступна только обычная атака, но при получении второго уровня вы сможете получить одну из доступных вашему классу способностей. В дальнейшем основным вашим оружием станут арбалет или лук. Холодное оружие вы, конечно, тоже будете использовать, но только для того, чтобы добить жертву, вступление в ближний бой, особенно с контактными бойцами, нежелательно.

У вас есть коэффициенты силы, выносливости и ловкости. Сейчас мы их выясним.

— Как-то странно, — пробормотал я.

— Ничего странного. Вы выбрали героический режим. Вы находитесь в игре. Вы — это вы. И ваши возможности и способности напрямую зависят от вас. Вы хотите продолжить обучение или выставить ваши показатели на единицу?

Я — это я. Круто. Может, забить на всё и удовлетвориться таким глубоким познанием собственной личности? Единственное, что я уяснил точно — я никуда не собираюсь «выходить», и параметры на единицу мне не нужны.

— Хочу.

— Пробежите со всей возможной скоростью расстояние до мельницы.

Я бросился бежать.

Становилось страшно. Этот голос будто вернул мне способность мыслить, напрочь отбитую у меня произошедшим за ночь. Я могу умереть только раз. Значит ли это, что я вернусь домой, когда умру (домой — это, интересно, куда)? Или я умру навсегда? Жизнь это или игра? По всем ощущениям жизнь, но, чёрт побери, я же оказался в игре? Что за голос? Как...

Вопросы, вопросы. На них нет ответов. И пока я их не найду. Не знаю, как попал сюда. Не знаю, что со мной будет...

Меня будто наполнило гелием. Такое ощущение бывает во сне, когда ты бежишь, а тебе кажется, будто ты вот-вот взлетишь. Я попал в настоящее Приключение. И будь, что будет.

Гелий кончился как-то незаметно и слишком уж быстро. До мельницы я добежал, задыхаясь, и едва подавляя рвоту. Всё-таки семь или восемь сотен метров — тяжёлая дистанция, особенно, если бежишь как одурелый с самого начала. Да ещё последние метров пятьдесят пришлось бежать в гору.

Я долго сидел на мягкой траве прежде, чем мне удалось отдышаться. Голос не появлялся, и я уже решил, что он мне почудился, но, спустя ещё какое-то время, девушка сказала мне:

— Выносливость — шесть очков. Средний показатель. Для Убийцы это очень мало.

Наверное, у меня была какая-то сидячая работа. Эй, сознание, есть какой-то отклик? Нет? Ну что ж, и к этому можно будет привыкнуть.

— Закусите. Еду вы найдёте под крыльцом мельницы.

Я поднялся и подошёл к крыльцу. Сама мельница не слишком впечатляла — едва ли восьми метров в высоту. Её крылья едва вращались под слабым ветерком. Ни мельника, ни дочери не видно. Да и двери закрыты намертво. Мало того, у двери не было даже ручки. Экономия на ненужных деталях?

Под крыльцом лежал небольшой свёрток. Я размотал полотенце и нашёл три полоски вяленого мяса, полголовки сыра и краюху хлеба. Мясо оказалось чудовищно жёстким и солёным, и я решил оставить его на чёрный день. Хлеб было тоже грубоват, но вполне съедобен. А сыр и вовсе пресный и чуть-чуть более мягкий, чем мясо. Я затолкал остатки еды в мешок и принялся спускаться под холм, туда, где виднелся выложенный камнями родник. Вдоволь напившись ледяной воды, я уселся на травку и принялся ждать дальнейших указаний. Ждать пришлось минут пять. Зато отдохнул.

— Сейчас мы узнаем очки ловкости.

С руганью я подскочил с места, едва увернувшись от возникшего из ниоткуда камня, настоящего валуна. И едва умудрился избежать встречи с другим. А потом и третьим... Я скакал с места на место, падал, катался по земле ещё с минуту, пока мне прямо в лоб не угодил один из камней. Было больно, но не так, как могло бы быть — от булыжника, летящего с такой скоростью, я бы запросто отбросил копыта прямо там. Но камень рассыпался в мелкую пыль, оставив наливать на моём лбу приличную шишку.

— Вы получили семь очков ловкости. Средний показатель для Убийцы.

— А класс нельзя поменять? Быть может, магом было бы лучше?

— Вы выбрали свой класс раз и навсегда. Отдохните пять минут.

Я уселся на один из оставшихся валяться на траве камней. Происходящее казалось мне идиотизмом. Невольно я пожалел толстячков, решивших выбрать этот класс. Черноват

юморок у создателей. Глупые маги, неповоротливые убийцы, слабые воины. Что дальше? Паладины-маньяки?

Боюсь, что здесь такое возможно.

От мыслей меня отвлѣк голос советчика (или учителем её назвать?):

— Возьмите камень, на котором сидите и поднимите его.

Я послушал.

— Теперь камень побольше.

— Понял смысл, — буркнул я, взглядом выбирая следующий камень.

— Уровень силы — семь. Хороший показатель для убийцы. В сумме показатели средние.

А теперь слушайте меня очень внимательно, я расскажу вам основы.

От этих показателей зависят те способности, которые вы можете получить, их эффективность. Так же они повлияют на ветвь в дереве развития, которую вы сможете выбрать из предложенных, но некоторые ветви, исходя из ваших показателей, будут заблокированы. Дальнейшие тренировки улучшат вашу статистику и разовьют способности. Вы получили новую жизнь и здесь всё, как в жизни. Чем больше тяжестей вы перетаскаете, тем больше ваш показатель силы. Если вы получите навык «Скрытность», вы должны прятаться в тени как можно чаще. Ваш яд будет действовать тем лучше, чем больше врагов вы отравите. Думаю, дальше объяснять не стоит.

Помните, что это новая жизнь. Если вам вырвут сердце — вы умрѣте. Оторвут голову — вы умрѣте. Раны будут болеть, сломанные кости — тоже. Совет: старайтесь как можно быстрее останавливать кровотечения. Никогда не недооценивайте противника. Вас может убить даже кабан, если вы позволите ему сделать это. Зелья и артефакты лишь усиливают регенерацию. Пример: если вы сломали ногу и выпили зелье восстановления, не спешите вставать — кость будет срастаться от двух до шести часов в зависимости от сложности перелома.

Вы будете уставать. Усталость снижает показатели. Согласитесь, логично, что уставший человек уже не может поднять большой камень...

— Стоять! — резко сказал я. Меня трясло. Что-то всё это дерьмо шло в разрез с моими пусть и не самыми полными представлениями об игре. — То есть ты хочешь сказать, что это жизнь? Никаких очков жизни? Никаких очков маны? Просто раны зарастают быстрее? Просто... — я задохнулся.

— Вы почти точно всё поняли. Вы живѣте здесь, в нашей Игре. Ни жизни, ни маны у вас нет, но для удобства вы будете чувствовать колебания параметра выносливости. Закройте глаза, поймѣте, как это работает. Красный цвет в ваших глазах видите? Уровень выносливости зависит не только от того устали вы или нет, но и насколько сильно вас ранили. Багровый цвет, который вы видите — параметр Злобы. Высокая ловкость помогает уменьшить расход Злобы на используемые способности. Вы можете заболеть или отравиться. Вам помогут зелья.

Думаю, если вы вникли в суть, на этом стоит закончить.

Вы получаете второй уровень. Получен базовый навык «Скрытность». Враги не обращают на вас внимания в течение двух минут. Расход Злобы — одиннадцать процентов.

Голос замолк. Я стоял, вдыхая влажный после вчерашнего ливня воздух. Значит так, да? В игре, но и не игре, слишком уж всё по-настоящему. В жизни, но и не совсем.

Тяжело вдохнув, я поправил заплечный мешок и направился в сторону ближайшего

леска. Где-то там должны быть кабаны, а мне нужны десять языков на свадьбу.

II

Ночью я пытался убедить одного парня в том, что из игры самостоятельно лучше не выходить. Я уже рассказывал, что перерезанное в «игре» горло выглядело очень правдоподобно? Нет? Ну так вот, выглядит оно как самое натуральное перерезанное горло, из которого хлещет кровь. Начинает пахнуть кровью, фонтанирующая из раны кровь пачкает тех, кому не посчастливилось находиться рядом, крови наливается столько, что становится не по себе, целые лужи чёртовой крови. Очень реалистична агония, тем более выражение глаз у умирающего, когда он в последний момент понимает, какую сделал глупость, и пытается зажать себе кровоточащее горло, но утекающую жизнь уже не остановить. Труп тоже чертовски хорошо нарисован. В трёхмерной графике. Да ещё и вес имеет, прямо как в жизни какой-то. В полночь, правда, появляются эдакие чистильщики — очень зубастые твари, которые начинают натурально сжирать тела с костями. Их пытались отгонять, но без особого толку. Вскоре на них просто перестали обращать внимание. Да и санитарную обстановку чистильщики порядочно улучшали.

В первый день не в силах найти ответы на два интересующих меня вопроса, я просто решил отыгрывать роль, то есть пошёл за языками кабанов. Второй день я решил провести так же. А что ещё было делать?

На выходе из деревни меня сразу встретила троица волков. Шагах в двадцати от ворот лежало растерзанное тело. К счастью, убив игрока, волки потеряли к нему всякий интерес, иначе мои и без того расшатанные нервы сдали бы окончательно. А парнишка, судя по всему, бежал к деревне... Стали бы волки на него нападать за воротами? Чёрт его знает.

Я набросил на себя Скрытность и, вытащив из ножен кинжал, принялся обходить волков. Те шатались на небольшом пяточке травы столь же бесцельно, как и кабаны, у которых нужно было вырезать языки. Что ж, тем проще. Подкравшись к одному из волков, я по рукоять всадил клинок ему под брюхо и принялся кромсать тело, намереваясь добраться до сердца. Волк, громко скуля от боли, повалился на бок и задёргался, поливая неестественно зелёную траву кровью. Я повернулся, чтобы заняться двумя другими...

Но в этот момент мне в правую руку вцепились волчьи челюсти. Это было очень больно. Заорав, я разжал руку, роняя кинжал, и пнул зверюгу в живот.

«Скрытность потеряна, следующее использование через тридцать секунд. Хороший Убийца так себя не ведёт», — затарабанил в моей голове неживой женский голос.

Что, мать вашу, происходит!!!!???

Я пнул волка ещё раз, тот отпустил мою руку и отскочил назад. Если раньше зверя занимало только моё запястье, испачканное в крови его собрата, то теперь, кажется, он увидел меня всего. Целиком то бишь. Наверное, из-за крови на руке он меня и заметил. А теперь... чёрт...

А ведь он не один!

Я резко развернулся назад, чтобы увидеть, как на меня летит другая волчья туша. Взвывая, я рванул в бок, уходя от прыжка. Акелла промахнулся, но только на этот раз. А я потерял кинжал, и правая рука совершенно не собирается меня слушаться. Да ещё и болит чудовищно. Кровь хлещет так, что понятно — без перевязки не обойтись.

Я повернулся к волкам. Те, скаля зубы, принялись расходиться. Что мешало укусившему меня волку атаковать, когда я повернулся к нему спиной? Наверное, искусственный идиот,

он здесь умом не блещет, стоит только попробовать поговорить с кем-то из неписей, как это становится понятно. Других объяснений нет. Вряд ли основной массе игроков понравится игра, превращающаяся с первых уровней в превозможание. Что ж, возможно, это даст мне шанс...

А мне, чёрт возьми, нужен кинжал! И до перезарядки Скрытности ещё почти двадцать секунд. Да и поможет ли она мне раненому?

Я нашёл глазами кинжал. Оба волка были чуть позади него, в пяти шагах слева и шести справа соответственно. Я облизал пересохшие губы. Волки продолжали удаляться, обходя меня по окружности.

Десять секунд до Скрытности.

Ещё слишком близко. Если я брошусь за кинжалом сейчас, они перережут мне дорогу. Вряд ли я справлюсь с одним из них в рукопашной за пять секунд Ослепления, да ещё и с покусанной рукой.

Пять секунд.

Волки уже почти зашли мне, скажем так, во фланги. Твари... Но ещё...

Три секунды.

Я рванул к кинжалу. Волки с тихим рычанием бросились на меня.

«Вы получили двести пятьдесят очков опыта». Как же «вовремя»!

Я свалился на землю, хватая кинжал левой рукой, и покатился. Мне в ногу вцепились волчьи челюсти. Я наугад бросил Ослепление, ушёл в режим Скрытности. Давление на ногу ослабло и мне удалось высвободить икру. Сев, я навалился на ослеплённого волка и неуклюже принялся пырять его кинжалом, стараясь нанести как можно больше повреждений.

И тут на меня напал третий волк. Он вцепился в уже раненую ногу и принялся терзать её. Вопя от боли, я ткнул ему в глаз кинжалом. Промазал, угодил в ухо, располосовав его пополам. Но тварь даже... гм... ухом не повела, продолжая терзать мою икру.

«Скрытность потеряна, следующее использование через пятьдесят пять секунд. Хороший Убийца так себя не ведёт».

Да, мать вашу, знаю я, что не ведёт! Как же больно...

Я ударил волка ещё раз, в шею. На сей раз попал, но не то, чтобы удачно — клинок прочертил полосу по загривку зверя, шерсть налилась кровью. Но волк разжал челюсти и на миг отступил мою икру.

Чтобы броситься на меня, метя уже в горло.

Я едва успел прикрыться правой рукой, волк вцепился мне локоть и принялся трясти. Я орал в голос от мучающей меня боли. И, чёрт возьми, сколько я уже потерял крови?

«Вы получили двести пятьдесят очков опыта».

Зашибись...

На меня навалилось какое-то вселенское безразличие. В глазах темнело. Наверняка мои параметры сейчас неуклонно падают. И что? Вдруг, умерев, я действительно окажусь... Где я окажусь? Кто я?

Я вспомнил про игры, знал, кто такой Акелла и при каких обстоятельствах он промахнулся, но всё, что касалось моей личности, оставалось для меня неведомым.

«Быть может, сейчас кто-нибудь придёт и спасёт меня. Так ведь всегда бывает... Кто-нибудь...».

Но никто не приходил. Ни загулявшийся фермер, ни Алексей, которому приснился

жуткий сон о моей смерти, разбудивший его и отправивший на мои поиски. Никто.

Я сам с собой... И кроме меня самого никто меня не спасёт.

Я взвыл и принялся тыкать в волка кинжалом. Удары выходили слабые, но это действие будто бы пробудило меня. Затуманенным взглядом я видел волка, терзающего мою руку. Я ещё раз ударил тварь в живот и тяжело повалился на землю. Челюсти разжались, чтобы через миг сжаться на моём левом плече. Я уронил кинжал и закрыл глаза. Запала и чувства самосохранения хватило на короткий миг.

Сколько, интересно, прошло времени? Немного.

Но Ослепление перезарядилось.

Я бросил заклинание. Челюсти разжались, волк жалобно заскулил, но я почти не слышал его. Я и тело-то своё едва ощущал.

У меня есть десять секунд. Уже, наверное, меньше...

Я нашарил правой рукой кинжал, с трудом сжал ноющую ладонь на рукояти и, навалившись на волка, принялся наносить удар за ударом. Это было тяжело, но я продолжал монотонно пырять тварь в бок. Почему-то в тот момент мне казалось, будто я бью не волка, а вонзаю кинжал в мягкую землю, и вот-вот на меня обрушится тяжёлая волчья туша, на шее сомкнутся челюсти, которые принесут смерть и успокоение...

Когда волк затих, я тяжело поднялся и, пошатываясь, сделал два шага, но упал. Уперев лоб в землю, я с трудом стянул со спины рюкзак, завалился на бок и окровавленными пальцами принялся развязывать тесёмки.

И только потом вспомнил, что ещё вчера пристроил оба своих зелья на пояс. Слабо хихикая, я нашарил отсеки для зелий. Те расстёгивались на удивление легко. Перед глазами плыло, и я влил в горло оба пузырька. По вкусу напоминало воду с сахаром.

Не знаю, сколько понадобилось времени, чтобы я пришёл в себя. Но, вроде бы, солнце поднялось не сильно. Кровотечение остановилось, раны лишь немного ныли, а правая рука так и вовсе почти пришла в норму. Я тяжело поднялся на ноги, но снова сел. Надо восстановиться.

Жутко хотелось есть. Я развязал рюкзак и, давясь, сжевал кусок вяленого мяса. Мне стало немного лучше.

На воображаемой панели висело не прослушанное сообщение. Что ж, пусть болтает...

«Вы выполнили побочное задание «Волки-людоеды». Вы получаете тысячу очков опыта и новый уровень. На четвёртом уровне ваша выносливость повышается на единицу, и вы приобретаете способность «Отравленный кинжал». Убийца наносит на свой кинжал сильнейший из существующих ядов. Никто не уйдёт от возмездия, даже если сам убийца уже мёртв».

А вот этого очень бы не хотелось...

До следующего уровня ещё четыре тысячи восемьсот пятьдесят очков опыта. Но отравленный кинжал — это уже что-то.

Посидев некоторое время, я поднялся и направился к погибшему. Как я и думал раньше, это был игрок. Значит, монстр, убивший игрока, становится сильнее? Все равны в этом мире.

Я долго колебался, резать кабанов и собирать лут с игрока — не одно и то же, но всё-таки обшарил сумку и пояс погибшего — другой возможности восполнить запас зелий у меня не было. Нашёл пять медяков и два зелья — здоровья и магии. Парень едва достиг второго уровня, возвращался, чтобы отдать те злосчастных десять кабаньих языков трактирщику.

Дальнейшие уровни давались так же трудно, хотя в тот раз я был к смерти наиболее близко. Инстинкт самосохранения подсказал мне, что лучше бродить по здешним лесам не в одиночку. Я прибил к пати Алексея, с ним мы и путешествовали по окрестностям.

Естественный отбор в этом мире был жесток. На третий день нашего пребывания мы выдвинулись на фарм впятером. Вернулись вчетвером, и это только потому, что мы подобрали раненого парня в лесу на обратном пути. И это был не такой уж плохой результат, некоторые крупные пати и вовсе пропадали без следа.

Раны болели. Хождение по лесу и драки были утомительными. Мне надоело смотреть на смерти знакомых. Но другого выбора не было.

Игра была жестока. Но когда она перестала быть игрой, стало ещё хуже.

III

Люди, люди, люди... Сотни людей, тысячи.

Народ сходил с ума каждый по-своему. Вечерами и ночами прибывало ещё много людей, так что хаоса только добавилась. Самые спокойные и рассудительные принялись выполнять квесты; самые ленивые уселись разглагольствовать о том, в игре мы или нет; самые психованные катили истерики или «выходили».

Проблемой некоторых ребят было то, что им едва исполнилось по восемнадцать-двадцать лет, то есть они были, по сути, ещё детьми. Кто-то до сих пор не мог оторваться от мамкиного подола. И всем им нужна была помощь и поддержка, всем хотелось поплакаться в жилетку. Будь такие пришельцы единицами, им бы, скорее всего, помогли. Но их было слишком много. Нашлись бы среди нас лидеры или опытные ребята, им бы, скорее всего, помогли. Но мы сами находились в этом мире только несколько дней.

Кроме Алексея я познакомился ещё с одним типусом — Василием. Это был обычный студент-раздолбай, предпочитающий проводить время за играми, а не за учёбой. Но, оказавшись в игре (все по-прежнему продолжали верить в это, даже несмотря на убеждения о том, что всё по-настоящему), он не слишком-то радовался.

— Ну его на хрен это дерьмо, — бурчал он весь вечер. — В жизни жить заставляют — учиться, профессию получать, здесь — играть, квесты выполнять, качаться. А я не хочу, задолбал. Буду расслабляться, всё равно ни хрена не изменится.

Эти мысли мучали и меня. Прошло четырнадцать дней, а я так ничего про себя и не вспомнил. Чтобы заполнить пустоту внутри, я пару раз приложился к бутылке. Потом с похмелья отказался идти фармить... ну, с подобного, наверное, запой и начинаются.

Мы с Василием болтались в таверне, поглощая пиво и вино целыми бурдюками. Я не знал, кто я, и что мне делать дальше, а Васька просто не хотел ни хрена делать. У меня тогда был седьмой или восьмой уровень, а мой собутыльник забил на квесты и мобов уже на четвёртом. Правда, здесь, чтобы получить даже четвёртый уровень требовалось не меньше двух дней упорных усилий. Кое-кто умирал, даже не вкачав третий уровень — первый, который нужно было фармить.

— Реалистична графика, — восторгался кто-то из новоприбывших. — Ну прям полное погружение, как в книжках!

Восторгающийся склонился над трупом одного из истериков, нажавшим кнопку «выход» сразу же. Парня тут же вырвало. Да, развороченная до позвонков шея — не лучший вид.

— Хэй, за вас, ребята! — заорал Василий, поднимая бокал. — За вас, смертнички!

Его как обычно игнорировали.

Вернулись Алексей с Павлом. Сегодня они выбрали какую-то девчонку. Её, кажется, пытались изнасиловать, я не помню, был пьян. Это была Юля. Физическое насилие по отношению к другим игрокам хоть и запрещено, находились те, кто решался попробовать. А уж на моральные издевательства запрета никакого нет. Запугать можно почти любого. Не хочешь бегать по здешним холмам и лесам, собирая лут и подбирая квестовые предметы? Отбери у слабого, если сможешь, конечно. Я как-то видел, как один парень заартачился. Ему снесли голову топором. Потом всех ублюдков из пати, что пытались его ограбить, втоптали в грязь. Ну, в смысле, некая сила сначала превратила их в кровавую пыль, а потом эту кровавую пыль втоптали в грязь. После этого стало как-то поспокойней, но ненадолго.

— В общем, всё встаёт на свои места, — бубнил Павел, набивая себе рот тушёной свининой.

— Что встаёт? — тупо переспросил Вася и хохотнул.

— Происходящее.

— А, ну тебя к чёрту, — отмахнулся мой собутыльник и ушёл. Он не хотел ни в чём разбираться.

Я, несмотря на опьянение, остался послушать. В общем-то, мне тоже было плевать. Просто в моей голове и так было слишком мало информации, так что я пытался узнавать как можно больше.

— В общем, мы в игре, — чётко сказал Павел.

Я фыркнул, едва не подавившись пивом. Вчера он так же категорично заявил, что всё происходящее вокруг — реальность.

— Пошла основная линейка квестов, — принялся пояснять мне Алексей. — Мы наши троицу, что своровала у Цветочного Короля его васильковую корону. И они дали нам квест на поиск проклятого кузнеца, у которого есть осколок молота. Это в игре для нашей фракции точно было.

— До патча, — сказал я.

— До.

— И до патча ты умирал, когда твоему персонажу откручивали голову? Или твоему персонажу хотелось ссать, когда ему пытаются откусить руку бешеный волк?

— А в реальной жизни ходят бессмертные повара, которым ни по чём ни острейшая ледяная глыба, ни топор? Если в реальной жизни убить волка, его рана затянется через пять минут, он вскочит на ноги и снова побежит выслеживать добычу? В реальной жизни кто-то в твоей голове вручает тебе новые способности, повышает твои характеристики?

Это разговор заходил не в первый раз за последние пару недель. Я знал, что Лёха прав, хотя и слабо представлял себе реальный мир.

Вернее, стоило кому-то сказать что-нибудь такое про настоящий мир, как у меня в голове будто открывалась книга, и я вспоминал об этой вещи. Не всё, конечно. Когда мне принялись рассказывать, как нужно вырезать аппендицит, ничего, кроме развороченных внутренних органов, мне не представилось.

Но Алексей кое в чём был и не прав. Да, здесь многое, как в компьютерной игре. Но... почему мы тогда здесь оказались? И главное — как? Почему трава горькая? Почему болят раны? Еда приносит чувство насыщения, а выпивка пьянит.

Кто-то предполагал, что мы попали в эксперимент. Экспериментировать могли кто угодно — от спецслужб до инопланетян, тут всё зависело от степени упоротости человека.

Кто-то верил в то, что мы «сорвались», то есть нас затянуло в игру, и мы теперь — кучки электронов на серверах. Кто-то заверял, что виновата магия. В общем, предположений куча и каждое следующее фантастичней другого. Впрочем, и ситуация-то фантастичная.

Народ искал подтверждения своим теориям. Некоторые бегали по окрестностям, выискивая заветную белую стену или просто местность, по которой невозможно пройти. Непроходимая местность встречалась, но была вполне естественной, пара придурков даже свернули шею, проверяя реальность во-он такой скалы. Экспериментаторов сразу поубавилось, но если ты не можешь доказать природу вот той условной хрени, то она сразу же становится подтверждением твоих догадок. Так что у нашего мира есть потолок в сто метров, да — выше скал не было. Кто-то, по большей части из тех, что уходили на юг, не возвращался. Остальные же могли лишь констатировать, что на самом северном острове близлежащего архипелага и в море никаких барьеров нет.

Пара парней, помнится, притащили чей-то труп (игрока грохнули не они, иначе поплатились бы) и принялись его препарировать, выискивая какие-нибудь нейрочипы или что-то вроде этого. Не нашли ни хрена.

Кто-то...

Да, что все перечислять. Помню парня, который решил, что раз он здесь, то он — бог, вакантная должность по местному заднику ведь пустует. Его растерзала куча кабанов, которыми он пытался управлять. Будучи даже не друидом, а воином.

Но сегодня у меня для Алексея и Павла был сюрприз.

Я подозвал трактирщика.

— Привет, Гренн, — сказал я.

— Привет.

— Есть ли у тебя какое-нибудь задание для меня.

— Нет. Зайди завтра, герой. Может, ты хочешь у меня что-нибудь купить или снять комнату на ночь?

— И что? — спросил Пашка. — Всё по-старому. Стандартный набор фраз.

— Погоди, — шикнул я. — А что, Гренн, как дела?

«Дела плохо, тебе нужно поговорить со старостой деревни», — так обычно отвечал трактирщик.

Но сегодня он — уже в пятый или шестой раз — выдал отборный поток матерщины, причём, отличающийся от той, что я слышал раньше, и посоветовал сходить удавиться, потому что все его задолбали, разве не говорил он, чтобы шли к долбанному старосте? Или вообще, шли-ка мы во все четыре стороны, если дальше будем его отвлекать от дел.

— Значит, мы в игре? — спросил я у ошалевших друзей.

— Может, ИИ? — предположил Павел каким-то жалким голосом. — Развился ИИ. Или проснулся из-за общения с настоящими игроками, как тебе?

— Думаю, эта версия столь же обстоятельна, как и та версия с головоногими моллюсками, присосавшимися к нашим мозгам. Так что мы ни хрена не знаем, — констатировал я. — И ни хрена не понимаем. И все наши домыслы — дерьмо собачье.

— И что же ты тогда предлагаешь?

Я указал на бутылку. На меня, как обычно, посмотрели с неодобрением и жалостью. Посмотрел бы я на них, если бы хоть у кого-то вместо одного вопроса, где мы, был бы ещё второй вопрос, кто я.

С этого дня начались странности.

Выживание II

До границы запретной зоны мы добрались уже практически затемно. Заночевать решили на разведанной территории. Особых опасностей здесь мы не ожидали, а вот что ждёт нас по ту сторону моста — не известно.

Все, кроме меня, здесь (на южной оконечности полуострова) уже бывали — сдавали какой-то квест, я в то время ещё искал истину на дне бутылки. Стоит ли говорить, что не нашёл?

Над фьордом был построен длинный — метров двести — мост. Раньше с нашей стороны сидел тролль, когда-то стандартный бессмертный НПС. Сейчас его полуразложившееся тело покоилось рядом с костями огромного водоплавающего с восемью парами лап, четыре из которых при жизни существа явно были атрофированы.

— Что на ужин? — делано бодрым голосом спросил Паша.

— Варёные свиные копыта с овсом, — сухо отозвалась Юля. Её эта шутка не забавляла уже пару дней. Альтернативой служили только вороньё да крысы — единственные живые существа, как-то приспособившиеся к местным реалиям. Впрочем, скверна не щадила и их, а жрать дохлятину не хотелось совершенно.

У нас был небольшой НЗ — немного вяленого мяса, сушёных овощей и «витаминных» трав, но их оставили на крайний случай. Или на какой-нибудь праздник. Правда, никто не мог сказать, какое сегодня число. Мы провели здесь что-то около двух месяцев. Причём, я на несколько секунд дольше, чем все остальные.

Почему именно я оказался здесь первым? Ну, ответ у меня один на все вопросы: хрен его знает.

Мы кое-как разместились между большими валунами на берегу. Здесь небольшими булыжниками было выложено кострище. Выточенные ветром и водой углубления в больших камнях давали достаточно укрытия от дождя, хотя от сквозняка помогали не очень.

Пока Юля готовила, я отправился прогуляться вдоль линии прибоя. Мерзкий дождь кончился, но низкие тучи и не думали куда-то пропадать. Кажется, последний раз хорошая погода была ещё в первые недели нашего пребывания здесь. Впрочем, как раз то время я плохо помню.

Долго я не гулял. Наткнувшись на кучу дохлой рыбы (видать, кто-то вывалил целую повозку), я завернул обратно, но там вместо рыбы гнило несколько человеческих трупов, причём никаких следов насильственной смерти я не заметил.

Умирающий мир. Безбожие. Теперь в это легко поверить.

Тяжёлый смрадный дух витал и у моста. Я взобрался на склизкие брёвна настила и постоял на них, угрюмо глядя на тот берег. Никаких признаков жизни...

Нет, лгу.

На тропу опустились две вороны и принялись терзать что-то, что я сначала принял за куль каких-то тряпок. Насмотрелся я уже на такие кули, и всё равно поначалу даже думать не хочется, что это чьё-то тело. И не так уж и важно, игрока или кого-то из местных.

В темноте я вижу прекрасно. Вернее, начал прекрасно видеть где-то на рубеже двадцатого уровня. Примерно в то же время Слепление стало пассивной способностью, а я заполучил Метку.

На ловушку не было похоже — противоположный берег просматривался прекрасно. Так что можно сбегать и проверить тело, может, удастся собрать какой-нибудь ценный лут. Но всё равно лучше сделать это быстро.

Я набросил на себя маскировку и припустил по мосту.

Впрочем, бежал я недолго.

Мост начал шататься, будто по нему били волны. Но. Волн не было. И мост не шатался. Ну, то есть и шатался, и не шатался одновременно. Наверное, мне просто показалось... если бы меня не вело из стороны в сторону. Я едва удерживал равновесие.

Я замедлил шаг, потом и вовсе остановился. В глазах троилось. Я стоял на одном мосту... и на каком-то другом одновременно. Мимо меня торопливо прошли три призрака, они тащили на спинах тяжёлые корзины под завязку набитые рыбой. За ними шагали две потасканные бабы. Увидев меня, одна из них смачно сплюнула в мою сторону, показала мне сложенные в «козу» пальцы, а вторая уселась прямо напротив и помочилась.

И, чёрт возьми, в этом не было ничего странного. Они отгоняли призрака.

Вот только откуда они взялись? И почему они считают, что призрак это я, а не они?

Я осторожно попятился назад, а после сорвался на бег.

Кажется, этот мир продолжает удивлять.

Наши как будто ничего не видели. Они продолжали заниматься своими делами — чистить оружие, устраивать лежаки. Юля морща носик разливала по тарелкам вонючее варево.

— Копыта по ходу стухли, — угрюмо проговорил Павел.

— Соли просто нет, — пробубнил Антон, чуть ли не с носом погружаясь в тарелку. — А так норм.

Сейчас по вечерам мы в основном отдыхали. Раньше — когда у нас была нормальная еда и достаточное количество зелий выносливости — продолжали качать статистику. В этом плане всё было как в реальной жизни: больше бегаешь — больше скорость и выносливость, поднимаешь тяжести — больше силы и так далее. Я в основном упражнялся в стрельбе, бегал и играл в прятки. На полном серьёзе играл, иначе ни моя Метка, ни Скрытность так эффективно не действовали бы.

Но когда ты выбился из сил, совершая тяжёлый переход, а в желудке у тебя пресная бурда, больше похожая на клейстер с костями, дополнительно тренироваться особо не охота. Друидам и магам в этом повезло больше — Алексей, Павел и Юля разложили в свете костра свитки.

— Чем сегодня будем развлекаться? — деланно бодрым голосом спросил наш вожак.

— А что есть?

— Легенды, товарные накладные, жалоба на... блин, я даже это имя читать не буду... в общем, человека настолько тупого, что он любит заниматься сексом с пупком. Хм... магические формулы вам ни к чему.

— Нам и интеллект ни к чему, — напомнил я, имея в виду ещё и Антона. У меня на способности уходила Злоба, уровень которой зависел от выносливости, а у воина Ярость, зависящая от силы.

Вообще, всё кроме увеличения статистики полетело к чертям, даже некоторые способности перестали работать, оставался лишь небольшой набор из пяти-шести способностей, заточенный под выполняемую роль — я, как ассасин, прятался, стрелял и отравлял, Антон танковал и рубился, хотя раньше у него было что-то вроде ауры,

восстанавливающей выносливость всем в пати, и таких примеров куча. В общем, ничего себе специализация. Никаких входящих сообщений, никаких вызовов справок, только «Вы получили новый уровень, ваша статистика выросла». Последний квест, который мы получили, заключался в том, чтобы привести какого-то паренька в сиротский приют. Паренька мы не нашли, а от приюта остались лишь обугленные руины. Что за ублюдки это сделали, я даже думать не хочу.

— Ладно, погнались читать легенды, — решил наконец Павел. — Алексей.

Лёха взял свиток. У него хорошо поставленный голос и читает он, как говорится, с чувством, толком, расстановкой.

— «И вышел Корд супротив Гаспа...», — начал некро-друид со свойственным для легенд пафосом.

Я зевнул и поудобней устроился между двумя камнями. Рассказывать про видения на мосту я пока что не собирался. Вообще, лучше держать странную информацию при себе. Быть может, я слишком боюсь, но не хотелось бы, чтобы меня приняли за психа. Со мной и так куча всяких странностей, теперь ещё и призраки нагрянули.

Алексей продолжал читать историю, но её я то ли слышал, то ли где-то вычитал — в первое время от нечего делать я брал местное чтиво и в свете лучин читал его с кружкой-другой вина.

Корд с Гаспом, кстати, воевали на протяжении тысячелетий, чаще всего побеждал Корд, но его противник раз за разом умудрялся воскреснуть, выбраться из заточения, вернуть себе память...

Вообще, история этого мира — Сердца — началась с Гаспа. Вернее, известная нам история.

Когда-то, тысячи лет назад, первый Творец, известный под простолюдинским именем Гасп, получил силу, способную изменить этот мир. Силе нужно было найти применение, и новоиспечённое божество решило создать идеальный мир. Но его благая цель не была достигнута. Люди воевали друг с другом из-за каждой мелочи. Великая Империя, созданная им, рухнула, погрузившись в пучину междоусобной войны. Поля устилала трупы, дороги с обеих сторон застроили виселицами, у ворот городов стояли колья с насаженными на них людьми.

Разочаровавшись в своём Творении, Гасп бросил этот мир и создал новый. Но и этот мир рухнул вслед за первым. Бросив и его, Гасп занялся новыми Творениями, но каждый раз что-то шло не так, и каждый раз всё, что он создавал столетиями, рушилось в один миг. Наконец, устав от этого, Гасп решил уйти. Он разочаровался в себе, разочаровался в людях. Но главное, он разочаровался в способности Творить. Он строго приказал своей дочери-полукровке Алу, рождённой от человеческой женщины, чтобы она не допустила того, чтобы в мире появился новый Творец. Посягнувших на это право он строго приказал убивать. В помощь ей Гасп создал странное существо под именем Корд. Он не был ни зверем, ни человеком. Его тело покрывала шерсть, пальцы заканчивались когтями, а во рту были звериные клыки. Но мыслил он и вёл себя, как человек. Гасп наделил Корда огромной мощью, сравнимой с мощью его дочери, но недостаточной для того, чтобы начать своё Творение. Корд был абсолютно предан своему хозяину и Алу, и верно служил им. Алу подарила ему молот из магического камня, и Корд гордо носил его, используя на благо хозяев.

Так прошло девятьсот лет. Корд и Алу убивали всех, кто начинал познавать силы

Природы слишком глубоко и обладал слишком большой мощью. Алу была предана делу, которое оставил на неё отец. Но Корд, как и всякое разумное существо, начал сомневаться в том, что они поступают правильно. Время шло, Гасп всё не появлялся, и он разочаровался в своём создателе.

Однажды они нашли парня, познавшего Природу слишком глубоко. Это был молодой маг, который хотел облагодетельствовать весь род людской. Он уже почти пересёк черту, после которой он смог бы стать Творцом. С огромным трудом Корд и Алу убили его. Последними словами юного мага были слова о том, что он просто хотел сделать мир лучше.

Это стало последней каплей. Корд сам возжелал стать Творцом и убил Алу, так как другого выхода он не видел — преданная делу отца, она бы помешала ему. В его мотивах не были и грана жажды власти или честолюбия. Он просто хотел сделать этот мир лучше, исправив все ошибки, сделанные своим создателем.

После убийства той, кому он так долго служил, Корд, пожираемый муками совести, разбил свой молот на мелкие осколки и рассеял их по миру. Он не хотел, чтобы оружие, убившее так много не состоявшихся Творцов и его хозяйку, ту, что он любил всем сердцем, когда-либо ещё увидело свет. Спустя сотни лет Корд стал Творцом и начал управлять этим миром.

Корд не был таким идеалистом, как Гасп, поэтому и не пытался создать идеальный мир. В итоге его модель мира вышла куда более жизнеспособной и настолько тяжёлых потрясений не испытывала. Изучая доступную ему ойкумену всё лучше, Корд понял, что она лишь небольшой уголок открытой Гаспом вселенной Спирали. И тогда божество решило найти своего создателя, чтобы покаяться в убийстве Алу, а так же просто для того, чтобы встретить равного.

На поиски Гаспа много времени не ушло. Древнее божество частично сошло с ума, возненавидело человечество и решило, что спокойная жизнь не для него. Его войска из сильнейших воинов и чародеев Спирали скитались между мирами, уничтожая всё, что попадалось под руку. Гасп едва не убил пытавшегося его образумить Корда, и с этого дня началась их война.

В последний раз Гасп появлялся около сотни лет назад, и Корд в очередной раз его победил. Казалось, что в Сердце Спирали окончательно установился мир, но однажды Корд пропал. Просто бесследно сгинул. Ни один жрец не мог сказать, куда он делся. Большая часть решила, что это один из этапов борьбы со старым божеством, так что Корду продолжили поклоняться.

Прошло немного времени, лет десять, и пустое место заняли Властелины — выходцы откуда-то из окраин Спирали, так и не познавшие Бездны Творения, но накопившие достаточно сил, чтобы уничтожить или подчинить всех конкурентов за лакомое место бога. Властелинов было несколько десятков, но их число быстро сокращалось — любимым занятием новых богов являлась борьба за власть. За шестьдесят лет правления их осталось всего тринадцать. Их силы достигли невероятных размеров и, что самое важное, были примерно равны. Агрессивные новые боги на время успокоились, но тут их настиг главный бич бессмертных существ — скука. Творить они были неспособны, но разрушать — ещё как.

И тогда на этот мир обрушился ставленник одного из Властелинов. Или сам Властелин. Что началось после и так понятно — нашествие тьмы, скверна... Конечной целью игры было его уничтожение. Ну а для того, чтобы свергнуть полубога нужно оружие, способное его уничтожить. Поэтому-то мы и собирали осколки молота Корда. У нас когда-то было десять

осколков, всего должно быть девяносто девять, но после того как игра «сломалась» наши осколки испарились, и мы уже не надеялись найти остальные.

Наш противник засел в центре материка, условно поделенного на семь «кусков пиццы», каждый из которых принадлежал своей фракции. Мы принадлежали к фракции нордлингов, занявшей — ваш Кэп — северную часть материка. Мне, в общем, с фракцией (или классом) не повезло: самые слабые убийцы и охотники были именно у нас. Зато мощные воины и друиды, за них и держались, мы с Юлей выполняли в основном вспомогательные роли. Я почти всю драку нарезал круги, бросая Метки и стараясь нанести как можно больше урона стрелами, Юля восполняла ману и выносливость да пользовалась слабыми магическими ловушками и нюками.

Друиды же и воин представляли куда большую опасность для наших врагов. Павел был мощным стихийником (пользовался он в основном водой и льдом), а Алексей (за исключением бури из острых ледяных осколков, вызывающих кровотечение) управлял мёртвыми растениями и животными. Антон же был острием нашей атаки. Он шёл вперёд, расшвыривая всех врагов своим щитом, а если получал серьёзные травмы, превращался в кого-то вроде берсеркера. В «кого-то вроде» я говорю потому, что настоящими берсеркерами были паладины нашей фракции. К сожалению, смертность среди обезумевших воинов была куда выше средней, так что найти настоящего берсеркера быстро стало нетривиальной задачей.

Алексей уже замолк. Кажется, все спали. Глубоко же я задумался...

Я всегда оставался на часах первым, как-то вошло в привычку. Тем более, мне не нужно было патрулировать окрестности, достаточно одной Слежки — стоило кому-то ступить в тень, как я его обнаруживал. На многих это не действовало, но ничего лучше у нас не было, да и не ожидали мы никого встретить.

Прошла пара часов. Я уже собирался идти будить Алексея, как противоположный берег как будто ожил. Над лесом в паре километров на юг-восток поднялся высокий столп света, но почти сразу опал. Через четверть минуты до меня донёсся тяжёлый звук взрыва, над деревьями на той стороне взвились птицы.

— Что происходит? — резко спросил Павел, выбираясь из своего так сказать лежбища.

— Кажется, там какая-то заваруха.

Мы выждали пару минут, но взрывы не повторялись.

— Пойдём туда, — твёрдо произнёс друид.

— Ночью? — хмыкнул Антон.

— У нас есть первоклассный убийца, который видит в темноте. Может быть, кому-то нужна наша помощь.

— А ничего, что помощь может понадобиться нам? — проворчал Алексей.

— Мы просто посмотрим, — быстро проговорил Павел, уже начиная сборы. — Никто же не говорит, что нам обязательно нужно лезть на рожон.

В этом был весь наш предводитель. Кругом происходит чёрт знает что, а он готов лететь куда-то непонятно куда, надеясь, что его помощь пригодится. Надеюсь, что ему удастся кого-то спасти.

Но никто не спорил, все молча собирали припасы и проверяли оружие. Поэтому мы вместе. Лёха любит поворчать, Антон поспорить, Юля выполняет все приказы беспрекословно, а я... я уже бегу по мосту, выискивая для пати лучший путь и отслеживая возможных противников.

Птичий гомон уже прекратился, наверняка, они, будучи гораздо мудрее нас, расселись по своим ветвям, чтобы поспать в эту ненастную ночь. Больше на первый взгляд никакой живности в лесу не было. Конечно же, только на первый взгляд, но никаких пакостей нам, кажется, никто не готовил.

Полторакилометровая пробежка, и мы на месте.

Неписи будто сошли с ума. Или, скорее, начали вести себя как обычные люди.

К примеру, кузнец не вышел на работу. Почему? Да пили вчера с мясником. Какой-то парнишка пытался заставить его работать, но кузнец зарядил его на три буквы и сломал нос, стоило тому заартачиться.

Всем новоприбывшим давали простенький квест собрать десять кабаньих языков. Мол, на свадьбу дочери трактирщика нужны. Копчёные языки — местный деликатес.

На следующий день после того моего разговора с Алексеем и Павлом трактирщик вывалил за ворота целый воз протухших языков и заявил, что если ещё какой-нибудь урод принесёт ему хоть один, он затолкает этот язык этому уроду в задницу. Не говоря уже о том, чтобы дать за них целых десять медяков.

Следующие несколько дней самым распространённым и дешёвым блюдом были те языки, что хозяин успел закоптить. А муж посадил дочь трактирщика на воз с пожитками и укатил куда-то на юг. Вася об этом сильно жалел — на ежедневной свадьбе бесплатно наливали.

Но на эти странности можно было бы не обращать особого внимания. Вскоре начались более неприятные вещи.

Нага, живущая в местном озере, давала задание принести ей морской рыбы, мол, соскучилась по хорошей рыбёшке. Сначала никто не обратил внимания на то, что пропали несколько человек, которые ушли выполнять этот квест. Но потом прибежал перепуганный парень, он вопил о том, что на них напал бессмертный НПС. Мы — Паша, Алексей, Юля чуть-чуть протрезвевший Вася, я и ещё пара ребят — отправились проверить, что там происходит.

— Вот тот холм, — сказал Павел, указывая на возвышенность в полукилометре от нас. — За ним второй, пониже. Там озеро, где и живёт нага.

— Мы уже этот квест проходили, — напомнил Алексей. — Заново его нам не дадут.

— Я не проходил, — подал голос Вася. — И Лёха тоже. Так что давайте-ка мы его возьмём.

— Дело говорит, — кивнул я. — Вот только говорят, что нага нападает на одиночек, так что пойду я один, потому что у меня уровень повыше. Вы страхуйте.

За вторым холмом нас действительно ждало небольшое озеро с кучкой странных существ, напоминающих рыб. Они копошились на мелководье и ползали по заросшему травой берегу. Их передние плавники были сильно развиты, с помощью них и хвоста рыбёшки неуклюже передвигались по суше. Но больше меня интересовала сама нага — почти человеческое туловище торчало на длинном и мощном хвосте, скорее напоминающим змеиное, но с рудиментарными плавниками. Тварь была уродливой и очень жирной, даже её кожа лоснилась так, будто её намазали маслом.

— Хэй, человек! — крикнула нага и помахала мне рукой.

Я был под прикрытием заклинания Скрытности, но полурыба меня заметила. Это уже внушало определённые опасения.

— Иди сюда, не волнуйся!

Пожав плечами, я принялся спускаться к озеру. Остановился я на расстоянии тридцати-

тридцати пять шагов от твари — я мог дотянуться до цели Ослеплением на расстоянии до десяти метров. Всё-таки рисковать не хотелось. Пусть даже это и НПС.

Моя осторожность вызвала приступ хохота у наги.

— Ну и трусливые же пошли сухопутные, — сказала тварь. Её голос был слишком грубым для женщины, но и мужским его назвать было сложно. Половых признаков я тоже не заметил, а плоское лицо без растительности и каких-либо выдающих черт скорее подошло бы манекену, чем живому существу.

— Какие есть, — сухо прокомментировал я, продолжая с любопытством изучать нагу. Дышала она явно ртом, но на шее можно было заметить красные полосы, тянущиеся практически от уха до ключицы. Жабры, скорее всего. В подтверждения моей догадки одна полоса слегка приоткрылась, демонстрируя мне кроваво-красную структуру, состоящую из множества слоёв. Зрелище было малоаппетитным.

— Что пошли за времена, — покачала головой нага. — А ведь когда-то детишки бегали ко мне толпами, чтобы поплавать и послушать, как мне жилось на дне морском. Я же не здешняя, из моря пришла. Не хочешь послушать?

— Валяй, — кивнул я и уселся на траву, всё ещё не рискуя приближаться к твари. Наши, конечно, подстрахуют, но тварь может раздавить меня за пару секунд.

— Было это лет пятьдесят назад. На море разразился шторм, и в крушение попала рыбацкая лодка с тремя моряками. Мои сородичи обычно радуются, когда происходит такое — считается, что это бог Море приносит нам жертву. Понимаешь, животные редко тонут в море, а морская рыба и водоросли сильно приедаются. Иногда нам удавалось разнообразить диету растениями с суши и пресноводной рыбой, но по земле мы передвигаемся не так уж и быстро, а люди ненавидят нас, считая, что все утопленники в море, да и в реках, на нашей совести. И не стану спорить, что многие погибли именно из-за нас. Но большую часть мы находили уже мёртвыми и съедали.

Так вот, лодка, попавшая в шторм, была обычной лоханкой, которая и по тихому морю едва ходит, а тут началась настоящая буря, способная отправить на дно даже большой корабль. Мы с тремя товарками принялись кружить около неё, ожидая, когда же она перевернётся. Тогда мы бы помогли морякам утонуть, а после уволокли бы их в свою деревню и устроили пир. И вскоре лодка действительно...

Ах, ты ж мать твою! — заорала нага, отвлекаясь на свой... выводок? Нет, не похоже, никаких... гм... человеческих черт и зачатков интеллекта. — Что за твари с рыбьими мозгами! Ты посмотри, куда отполз! Пни его ко мне, человек, а то мне в моём возрасте тяжело по траве ползать.

Оценив расстояние от наги до уползшей сухопутной рыбы (или земноводного, хрен его знает, что это за чудо), я подошёл к нему и носком сапога направил в сторону озера. Рыбёха постаралась вцепиться мне в сапог, вместо зубов у неё во рту было что-то на подобии щёток, но почти сразу послушно двинулась к озеру.

— Спасибо. Это мне Гарл с югов привёз как домашних животных и источник пропитания. Прижились они здесь ой как хорошо, а мне на зиму жир надо нагуливать.

Ах да, ты же не знаешь, кто такой Гарл, я же ещё не закончила. В общем, лодка наконец перевернулась. Двое наших схватили человека покрупнее, другая среднего, а мне достался самый мелкий. — На рыбьи глаза наги навернулись слёзы. Вернее, мутная слизь. — Я его, конечно же, сразу схватила. И тут поняла, что это совсем ещё мальчик. А у меня совсем недавно умер сын. Мальчик смотрел на меня такими испуганными глазами, которые так

умоляли о пощаде, что я не выдержала и бросилась к берегу. Мои товарки этого не заметили, так что я благополучно добралась до мелководья и отпустила мальчика.

Но возвращаться домой мне было не резон. За такое количество свежего мяса, что я отпустила, меня бы навечно изгнали на сушу. И тогда я заплакала, совершенно не зная, что делать дальше. Проплакавшись, я выползла на сушу и попросила мальчика, который в это время сидел на берегу и оплакивал своих отца и брата, чтобы он отвёл меня к людям. Те уж точно убили бы меня быстро — это лучше, чем неделями страдать на суше, умирая от голода и одиночества. Но мальчик проводил меня не к людям, а в это озеро, и рассказал всем, что я хорошая нага. Сначала ему не поверили, но я поклялась больше не есть человечину и ловила им рыбу, а Гарл, так звали спасённого мной мальчишку, убедил, чтобы меня не трогали хотя бы некоторое время, чтобы удостовериться, что я добрая. А потом ко мне стали прибегать детишки — их тоже водил Гарл — я учила их плавать и нырять, и вскоре даже взрослые поверили мне. Вот с тех пор я здесь и живу. А Гарл стал великим путешественником по морям, вот так. — Нага замолчала. Кажется, она была довольна собой. — Знаешь, — сказала она после паузы, — когда я вспоминаю старые времена, мне до ужаса хочется красной рыбы, но в море я соваться всё ещё боюсь — мы, наги, живём долго и большинство из нас очень злопамятны. На берегу моря, милях в трёх к северо-востоку отсюда, есть рыбацкое поселение на три дома. Ты бы не мог принести мне хоть пару рыбок кеты, а лучше сёмги? А я тебя отблагодарю, у меня много чего за эти годы накопилось.

— По рукам, — сказал я, поднимаясь.

— Иди по реке, вытекающей из озера. Деревня располагается там, где она впадает в океан.

Нага не спешила нападать, видимо, хотела и рыбку съест, и меня заодно с ней. Я подал знак нашим и двинулся в указанном направлении.

Озеро оказалось куда длиннее, чем я предполагал. Имея ширину в четыреста-пятьсот метров, оно тянулось километра на три. Заросший травой берег пару раз прерывался каменистыми пляжами. В общем, озеро скорее напоминало широкую спокойную реку. Дул прохладный ветерок, солнце пригревало спину. Шагать было одним удовольствием.

По дороге мы вырезали десятка полтора мобов — похожих на домашних рыб наги, только куда более шустрых и с пастями, усеянными жуткими зубами. Вася в драку не лез, остальные расправлялись с ними без проблем, а вот мне эти твари попортили мне немало крови: вцеплялись в ноги, прокусывая сапоги, разодрали полу плаща. Одна даже достала до левой кисти. Чёрт их знает, как они прыгали, но получалось у них здорово. Впрочем, до волков, встретивших меня на второй день, им было далеко. Да и опыта за них давали не так много.

Каменистый холм справа рос и рос в высоту, превратившись утёс, озеро вильнуло, и я оказался у истоков речушки шириной едва в двадцать метров. Местность слева, наоборот, понизилась, и я увидел море. Ветерок всё сильнее пах водорослями и солью. Местность была довольно пустынной, слева шаталось несколько одиноких мобов, но мы решили оставить их — надоело фармить, да и нужно было торопиться, пока какой-нибудь идиот третьего уровня не заскочил к наге на обед в качестве этого самого обеда.

Мы коротко переговорили и решили, что лучше мне всё делать самому — мало ли, у наги могут быть сообщники в деревне. Размеренным шагом я в одиночку направился к рыбацким лачугам, виднеющимся вдалеке.

Кровь во мне кипела. Я чувствовал Злобу. Пребывал адреналин. Я уже забыл про это

чувство. На самом деле оно заполняло пустоту внутри куда лучше, чем алкоголь. Возможно, зря я бросил походы за мобами. Пусть я могу погибнуть, но разве полупьяное растительное существование лучше?

Берег океана был каменистым, между камнями серел песок. Живности в поле зрения практически нет, только несколько птиц в небе. Запах водорослей приобрёл тухлые ноты, на камнях гнили несколько мёртвых чаек, да и рыбьих тушек со вздутыми брюшками вокруг валялось довольно много. Хорошо, что не слишком жарко, иначе вонь была бы нестерпимой. Да и до линии прилива, где и валялись разлагающиеся тела, ещё довольно далеко. Две лодки, привязанные к камням, чётко её обозначали.

На севере опять собирались тучи. Сколько не было дождя? Часов двенадцать? У природы нет плохой погоды, блин.

Рыбацкие хижины выглядели жалко. Кособокие, низкие, с дырами в стенах и крыше. В тени одной из них лежала тощая облезлая псина, а у другой двое мальчишек лет трёх-четырёх играли с дохлой чайкой. Увидев меня, они завопили и бросились в хижину. Внутри послышались приглушённые детские и женские голоса, прерываемые резким сухим басом, и через минуту мне навстречу вышел тощий одорукий дед с красным обветренным лицом.

— Деревня в пяти милях за твоей спиной, — хмуро сказал он. — Держи только чуть правее.

— Я рыбы купить пришёл, — кашлянув, ответил я. — Свежей. И, если можно, пожевал бы чего-нибудь. Я заплачу.

— Деньги сначала покажи, покупатель. — Последнее слово было произнесено стариком с таким презрением, что я порядком смутился.

Я выудил из кошелька серебряную монету.

— Хватит?

— Хватит. Вон туда сядь.

Интересно, старик общался так грубо из-за прописанного «игрой» сценария или у него тоже что-то появилось в голове?

Калека исчез в хижине. «Вон туда» оказалось плоским камнем, рядом с которым стоял низкий длинный стол, выщербленный ножом. Рыбой здесь пахло на порядок сильнее, вокруг валялась рыбья чешуя. Под столом лежала горка кишок, рядом с которой спал жирный кот. Да, ему-то здесь благодать.

Через пару минут старик принёс мне миску с рыбным бульоном и тарелку с разваренным мясом. На вкус оказалось не очень, да и по температуре напоминало скорее морскую воду, чем бульон. Но я съел. Аппетит у меня был зверским, сказала потеря крови, у меня только-только перестало хлюпать в левом сапоге. Пока я ел, старик приволок две выпотрошенные и очищенные кеты, килограмм по семь-восемь каждая. Рыбины были крепко связаны, а бечева у хвостов была связана так, что образовывала петлю. Что ж, по крайней мере, не придётся нести эту склизкую вонь в охапку. Рыбины было ровно две, сколько и заказывала нага. Совпадение? Или старик — сообщник?

— Спасибо, — сказал я, отодвигая пустые тарелки.

— Шесть медяков.

Пошарив в кошельке, я нашёл только пять и положил на стол серебряный, который уже показывал старику.

— Сдачи нет.

— Да и не надо.

— Как знаешь.

Я поднялся из-за стола, забросил рыбу за спину и зашагал прочь.

— Осторожней там, — бросил старик мне в спину.

Это предостережение навяло неприятное предчувствие.

Обратная дорога меня порядком измотала. От встречи с мобами я уходил под Скрытностью. Ветер усилился, принесся с моря тяжёлые тучи. Пошёл противный моросящий дождь. Я уже готов был на всё плюнуть и вернуться в деревню к выпивке, но вспомнил, что я не один. Впрочем, дождь хотя бы приглушил запах рыбы, который становился всё более невыносимым.

Когда я вернулся к тому месту, где встречался с нагой, дождь усилился, ветер задул ещё сильнее, время от времени превращаясь в шквал, а в моих дырявых сапогах порядком хлюпало, только в этот раз вода, а не кровь. Нага терпеливо «пасла» своих рыб, которых, из-за дождливой погоды, наверное, порядком увеличилось.

— Я уже заждалась, — весело сказала полурыба.

Я, совершенно забыв об осторожности, приблизился к ней вплотную.

— Что-то не вижу награды.

— Я сползаю, сползаю. Дай рыбы, а то страсть как есть хочется. — Произнеся последние слова, нага стрельнула глазами куда-то мне за спину.

Я непроизвольно обернулся.

И тут мне в левую ладонь вцепилось что-то острое. Вскрикнув от боли и неожиданности, я скосил глаза вниз. В эту же секунду в мою грудь будто врезался грузовик. Меня отбросило назад, полу-оглушённый я покатился по траве. Перед глазами заплескали серые пятна. Инстинктивно поднявшись, я едва сосредоточил глаза на наге. Та была уже рядом. Она двигалась ко мне молниеносными толчками, работая хвостом. Размахнувшись, я припечатал тварь в жирную рожу рыбой, которую всё ещё держал в правой руке. Шлепок был смачный, нага на миг приостановилась, но тут же совершила последний рывок и мощным толчком в грудь отправила меня обратно на траву.

Я почти не ощутил, как врезался лицом в землю. Будто бы на пуховую подушку упал. Мою левую ногу кто-то покусывал и теребил. Наверное, щенок какой-нибудь играет... А я что, сплю? Наверное. Трава стала резко удаляться от моего лица. Значит, точно сплю. Летаю во сне, расту, ага. А теперь падаю, ударяюсь о землю. Как тяжело дышать... Да я, блин, вообще вздохнуть не могу. Поворачиваю голову на бок. Ко мне что-то приближается, какая-то тварь, похожая на рыбу. Значит, кошмар. Стоит только проснуться...

Но проснуться не получалось. Тварь оскалила несколько рядов острейших зубов и, прыгнув, вцепилась мне в лицо. Я закричал. Рот наполнился кровью, в нос бил тухлый запах рыбы. Нашарив кинжал, я почти вслепую ткнул рыбу. Ещё один очажок боли в левой скуле, резанул сам себя, но рыбина отвалилась.

Самое интересное — где остальные? Они что, решили, что я сам справлюсь?

Я с трудом поднялся на ноги. Левая нога болела, из сапога на траву вытекала кровь, мгновенно смываемая дождём. Нага стояла метрах в пятнадцати от меня от меня и пожирала рыбу.

— А я думала, что ты всё, — недовольно сказала она. Теперь я чётко видел, что она моб, но не такой, как все. Босс, наверное. По её учащённому дыханию я понял, что рывки по суше дались ей с огромным трудом. — Не люблю человечину с кровью, воняет она как-то по-другому, неприятно воняет. Мои рыбки тебя бы покусали, а ты бы истек кровью. Но, коль ты

не отрубился... Впрочем, прожить ты долго не проживёшь. И дотянуться своей магией не можешь. Не мучайся, умри, не трать моё и своё время.

Боль пронзила мне правую ляжку, левую ладонь, правое запястье. Рыбы. Те, что зубастые, их я убивал по дороге к рыбакам. «Осторожней там», да? Две рыбины. Лодки, привязанные к камням. Значит, мужчины не в плаванье. Скорее всего, их просто нет, погибли или убиты. Однорукий старик с женщинами и детьми получают деньги, нага свежую рыбу и ещё более свежую человечину. Симбиоз. В какой момент он заработал? Сколько здесь пропало людей за последние несколько дней? Сколько до нашего появления?

Выругавшись сквозь зубы, я стряхнул с правой руки прыгучую рыбину и рванул к наге. Та, бросив рыбу, принялась отступать к озеру. Там я точно с ней не справлюсь. Значит, надо торопиться.

Мне мешали рыбины, путающиеся под ногами, цепляющие сапоги и полы плаща. Но я умудрился повесить на нагу Ослепление, когда та уже на три шага продвинулась в озеро. Хромая, я подбежал к ней, валяющейся в воде, и отравленным кинжалом ткнул в грудь. Нага дёрнулась. Я нанёс ещё несколько ударов в живот и бок и отшатнулся обратно на берег — сдохнет от яда.

В этот же момент мои ноги подсёк мощный удар хвоста. Я повалился в воду, выронив кинжал. Домашние зверюшки наги набросились на меня со всех сторон, а сама она навалилась своим жирным телом и заключила в медвежьих объятиях. Мне в нос ударил запах тухлой рыбы и прогорклого жира, скользкое плечо вдавило мой затылок в ил. Рот наполнился горечью, перебивший даже солёный вкус крови. Мои рёбра трещали в чудовищных тисках жирных рук наги. Я хрипел и дёргался, стараясь вывернуться, но без толку. Кажется, это был конец...

В чувство меня привел Вася. Когда круги перед глазами позволили более или менее различать окружающий мир, я увидел развороченный труп наги и всех остальных.

— Ну и где вы, мать вашу, были? — прорычал я, принимая бурдюк с пивом у своего деревенского собутыльника.

— А кто, мать твою, под Скрытностью круги здесь нарезал? — рявкнул Павел. — Ты-то убежал вперёд, а нас мобы задержали. Не мог подождать?

— Да я как-то... заигрался, — пробормотал я.

— Ладно, всё хорошо, что хорошо кончается, — буркнул друид. — Боссы респаунятся полтора часа. Ждём, убиваем её ещё раз и идём в деревню.

— Там дети и старики, — сказал я.

— Я знаю, кто там. Убить мы их не сможем, по-настоящему не сможем, но хотя бы возьмём что-нибудь, чтобы выставить табличку с предупреждением или что-то вроде того. Нельзя сюда низкоуровневым игрокам, и мы-то еле справились.

Но через полтора часа нага не отреспаунилась. И ещё через полтора. Мы со всё нарастающим удивлением следили, как домашние зверушки наги пожирают свою хозяйку.

— Кажется, что-то совсем не так, — констатировал Вася.

С того дня я решил, что хватит уже пить. Тем более, не один я теперь не понимал, что происходит. Раньше все, кроме меня, более или менее знали, что их сюда привело.

В довольно популярной ММОРПГ «Безбожие» появился новый патч. Ничего особенного, небольшая правка баланса, ещё что-то по мелочи... Основным новшеством был новый игровой режим — героический, в котором персонаж гибнет один единственный раз. Кто же знал, что, запустив игру с галочкой у нужной надписи, ты окажешься на месте своего персонажа?

Причём, именно ты, а не какой-нибудь достаточно условный воин или ассасин. Стопроцентное совпадение с оригиналом вплоть до съеденного ужина (слишком много последних ужинов ТАМ я видел ЗДЕСЬ в пыли на площади).

И, что самое интересное, народ-то продолжал прибывать. Никаких сообщений о пропаже людей в новостях. Появлялись люди, которым друзья посоветовали Героический режим. С полным недоумением новички узнавали, что друг, посоветовавший им игру ТАМ, ЗДЕСЬ мёртв уже пару дней. Кто-то, кстати, радовался тому, что пополнил плеяду попаданцев не в книге, а в жизни (трипе, сне — выбирайте любой вариант, мне лично без разницы).

Не знаю, из того, что я вспомнил, попаданцы в таких количествах не дошли на простейших заданиях. Да и даже у тех, кто радовался, настроение быстро испортилось. У тех, кто выжил, конечно.

В общем, с выпивкой я завязал, поговорил с Алексеем, и мы в составе его новой пати принялись бродить по острову вдвоём, как и в первые дни.

К тому времени нам пришлось покинуть деревню — еды почти не осталось, трактирщик задрал цену, а кузнец и вовсе куда-то запропастился. Вскоре выяснилось, что его убили в тот момент, когда он возвращался с товаром из соседней деревни. Убили бессмертного НПС.

Как раз в это время всё окончательно слетело с катушек...

...Я тяжело прыгнул с парома на причал, радуясь, что наконец-то подо мной твёрдая поверхность. Однако мой вестибулярный аппарат продолжил свои фокусы — теперь мне казалось, что деревянный настил качается. Стиснув зубы, я пересёк причал и спустился песчаный берег, где упал на задницу. Алексею было ещё хуже — его и слабая качка в начале нашего плавания уморила, а усилившаяся под конец и вовсе доконала.

— Отдохнём, — сказал я, сглатывая комок.

— Угу... — промычал друид и упал навзничь на мокрый от моросящего дождя песок. — Хорошо... но всё равно хреново.

Я хмыкнул. Надо было осмотреться. Возможно, здесь обитает пара-тройка других игроков.

Впрочем, никакого «здесь» не было. За причалом стояло полдюжины хижин, давно уже пустующих, о чём говорили растрёпанная и почерневшая от времени солома на крышах и широко распахнутые двери. Я проверил пару домов, но ничего путного в них не нашёл, и на остальные плюнул. За посёлком начиналась узкая и заросшая травой дорога — две параллельные колеи.

Прогулка и опостылевший холодный пахнувший солью ветер немного привели меня в

чувства. Шторм всё усиливался, и мне не улыбалось провести бурю в продуваемой со всех сторон лачуге. Я вернулся к друиду, который продолжал лежать, подставив своё зелёное лицо мелким каплям дождя.

— Надо уходить, — сказал я.

— Давай ещё минут пять, хорошо?

— Надо уходить. Пройдись, подыши — полегчает.

Владелец баржи тем временем громко орал на своих людей, требуя, чтобы те пошевеливались. Я не слишком хорошо знаком с кораблестроением и не знаю, какой силы шторм может выдержать привязанная к тросу баржа, но мероприятие казалось мне убийственным. Волны разгулялись не на шутку, а четверть мили пролива — не такое уж и маленькое расстояние. С другой стороны — зачем беспокоиться об НПС, пусть и очеловечившихся?

Алексей, отдуваясь и матерясь, поднялся с песка, неуклюже отряхнулся и двинулся к домам. Я догнал его.

— Там пусто?

— Да. Пусто, холодно и дует.

— Уф-ф. Как-то всё здесь подозрительно пусто.

В полуоткрытом дверном проёме на миг что-то вспыхнуло. Что-то очень напоминающее блик на железном предмете. Я схватил друида за шкурку и мощным движением отбросил за себя. Просвистела стрела. Потом вторая, она вошла мне в руку, которой я инстинктивно прикрыл лицо. Стреляли, причём, сразу из двух домов с обеих сторон «улицы».

Матерясь, я выхватил арбалеты — рука хоть и болела, но слушалась — и рванул к правому дому. В левом уже бушевала ледяная буря. Перед самым входом я нырнул в сторону. Вовремя — пролетела вторая стрела. Пинком распахнув дверь, я влетел в неё. Лучник отпрянул назад, бросая лук и хватаясь за кинжал, но я успокоил его двумя стрелами, пущенными в лоб. Тело моба дёрнулось и замерло. Рот раскрыт, по щеке течёт струйка слюны, глаза закатились. Наверное, так бы и выглядел настоящий покойник.

Я подошёл к трупу и, поколебавшись, выдернул из его лба стрелы. Не известно, когда удастся найти или купить новые. В первые дни пребывания здесь я бы не сомневался — это же моб, непись бестолковая. Сейчас же это больше напоминало воровство с настоящих трупов. И всё-таки... ну, не люди же они, хоть и так похожи? Я склонился над трупом, чтобы проверить его карманы, но меня отвлек истеричный вопль:

— Лёхааа!

Я зарядил арбалет — на досуге тренировался, так что теперь у меня это получалось быстро. Дело не хитрое: вложил стрелу, её же пятой натянул тетиву, которая при определённом положении цепляется за крюк. Однако делать это быстро с первых раз не выходило.

— Лёхааа! Мать твою! Быстрее! Меня щас грохнут!

Я как ужаленный рванул из хижины и чуть не столкнулся с друидом. Он медленно пятился назад, посылая ледяные стрелы в двух закованных в броню с ног до головы рыцарей. Помимо брони у них были готические щиты, которыми они очень успешно блокировали стрелы. У одного рыцаря в правой руке было длинное — где-то в рост человека — копьё, а второй помахивал тяжёлой булавой. Они не торопились, медленно и неумолимо надвигаясь на друида, пятащегося назад. Меня посетила мысль о том, что сухогруз уплыл уж очень вовремя. А после и вторая — засада из двух лучников — чушь собачья, их должны были

прикрывать. Но то ли латники отошли, то ли так и должны были вступить в драку после неудачи лучников. Таким образом, если бы я зашёл в третий дом, то вполне мог получить в брюхо копьё или булавой по лбу.

— Откуда они появились? — спросил я, облизывая пресные от дождя губы.

— Сзади зашли, пока я бурю кастовал. Лучника, кажется, я не добил — опыта не было. Я проверил. Опыта действительно не было. Чёрт.

— Кастуй свою мёртвую траву.

— Мана, блин. Всю потратил, пока крепость их доспехов проверял. Иммуны.

— А выпить зелье?

— А не дают.

Рука Алексея метнулась к поясу, и тут же копейщик атаковал. Он рванул вперёд, а копьё будто выстрелило в живот друиду. Я инстинктивно отшатнулся назад, хотя целились и не в меня. Напарник тоже не пострадал.

— Видишь?

— Вижу. Подожди секундочку.

Я огляделся. Позади поле. Ни спрятаться, ни убежать. Почему-то я был уверен, что стоит нам побежать, как неторопливые латники превратятся в спринтеров. Больше всего меня беспокоил копейщик. Сейчас он держал копьё посередине древка, но во время атаки его рука была на самом краю древка, что и делало эффект «выстрела», увеличивая радиус поражения копья метров до трёх. Да и вперёд прыгает, паскуда, шустро.

«У тебя есть Плащ Теней».

Да, под ним меня точно не догонят. Я-то убегу. А что с Алексеем?

Переведя дыхание, я бросил на копейщика слепоту, тем более она должна была зацепить обоих мобов — они были достаточно близко.

«Броня даёт иммунитет к низкоуровневым заклинаниям, воздействующим на разум. Так же заклинания разума почти не действуют на нежить, механических и прочих неживых существ, существ под действием ауры «Фанатизм», заклинаниям «Фанатизм» и «Невосприимчивость», врождённым способностям «Фанатизм», «Невосприимчивость» и прочим их аналогам. Так же не воздействует на класс игроков «Паладин»».

Я смачно выругался.

Мы уже за посёлком. Позади равнина. Мобы медленно начали расходиться в стороны с явным намерением взять нас в клещи. Я занервничал. Это не было весёлым налётом на деревеньку, занятую разбойникам. Мы, конечно, рисковали там жизнью, но здесь перспектива неотвратимого конца встала передо мной в полный рост. Совершенно не ясно, что делать. Правая рука едва шевелится, хотя на выносливость это почти не действовало, спасибо амулетам. У Алексея почти нет маны, и не думаю, что ему дадут время восполнить её запас естественной регенерацией.

— Эй, ребята, может, договоримся? — нервно и каким-то жалким тоном спросил я.

— О чём? — хмыкнул копейщик, хоть я и не ожидал этого.

— Ну, мы даём вам денег, а вы нас отпускаете.

— И какая в этом выгода?

— Ты глухой? Деньги, говорю же.

— Деньги мы можем забрать и с ваших трупов.

— Ну... вы сэкономите время, не будете рисковать жизнью.

Латники расхохотались. Очень естественно, искренне, зло. Они были уверены в том, что

ничем не рискуют. Мне отчего-то казалось так же.

Я тяжело перевёл дыхание. Что ж, делать нечего. Я видел только два варианта развития событий: первый — я драпаю, второй — мы принимаем практически обречённый на провал бой. Ну что ж...

— Лёх, кастани в них хоть что-нибудь.

— У тебя пять секунд.

Алексей рыкнул, и трава под ногами рыцарей резко пошла в рост. В миг почерневшие стебли обвили их ноги, потянулись выше... Это их чуть замедлило, но они были уже слишком далеко друг от друга и, продолжая движение, должны были выйти даже из расширяющейся зоны, захваченной мёртвой травой.

Я стиснул зубы, набросил на себя Плащ Теней и бросился в сторону. Копейщик среагировал мгновенно, его копье выстрелило в меня, но прошло совсем рядом, наконечником распоров плащ, рубаху и порезав бок.

— Зелье! — завизжал я, с целеустремлённостью камикадзе бросаясь к мобу. — Зелье и беги!

Алексей ухватил зелье и бросился назад. Латник с булавой бросился за ним.

Теперь моя очередь драться...

Прошла. Плащ Теней не спас меня. Мощный толчок в живот. Дикая, раздирающая боль. Я тяжело опустил голову и устоял на древко копья, уходящего мне в живот, один его конец был в латной перчатке моба, второй, наверное, торчал из моей спины.

— Ушлёпок, — тяжело проговорил я. — Ты сраный долбаный ушлёпок. Я что, по-твоему, шашлык?

Моб расхохотался.

Мир плыл перед моими глазами. Моб казался чем-то чудовищным, огромным, как божество. Или, вернее, инкарнацией смерти, моей смерти. Это было неотвратимо. Она приближалась ко мне, набрасывая тень, собираясь поглотить...

Не в первый раз я на грани жизни и смерти. Но в этот раз всё было по-другому. Как будто в первый раз по-настоящему.

Это жутко бесило. Я заорал, а потом оскалил зубы, прикусывая язык.

— Ты!!! Долбаная!!! Сука!!! Ты!!! Меня!!! УБИЛ!!!

В серой пелене, закрывающей мои глаза, появились красные пятна. Вскоре мои глаза будто залила кровь, но я прекрасно видел сквозь неё. Я чувствовал Злобу, жгучую, безграничную. Это не было ни безбашенной яростью, не было и холодной всепоглощающей ненавистью. Я был просто зол.

Сквозь багровую пелену я видел куда чётче, чем когда-либо. Я поднял левую руку и выстрелил в моба. Стрела угодила ему в горло, в сочленение доспехов. Брызнула кровь, непись пошатнулся, но не отпустил копья. Я выхватил левой рукой свой тесак, протянул вперёд правую, ухватился ей за древко копья, крепко сжал и, потянув на себя, шагнул вперёд. Повторил те же движения ещё раз. И ещё. До латника осталось три шага. Боль в животе стала просто непереносимой, вожделенный болевой шок всё не приходил. Это злило меня ещё больше. Я заорал и сделал два быстрых шага. Теперь я кричал в закованное в железо лицо моба, брызжа на сталь слюной. Моя правая рука поднялась сама собой, тонкое острие тесака впилося в глазную щель моба. Брызнула кровь, латник заорал, стараясь отступить и запрокидывая назад голову. Лезвие тесака врезалось в открывшуюся полоску кожи, превращая её в зияющую глубокую рану, из которой фонтаном брызгала кровь. Моб начал

заваливаться назад, увлекая за собой копьё, но я удержал древко, а когда обессилившая рука разжалась, схватил древко за спиной.

Наконечник уткнулся в землю, древко шевельнулось, причиняя мне жуткую боль. Я стоял, держась за копьё. И что делать?

Я уткнул ладони в пяту копья и продолжил насаживать себя, пока ладони не уткнулись в живот. Рукой пропихнул копьё как можно дальше, а после, перебирая скользкими по древку руками за спиной, кое-как вытащил его из своего тела.

Прошло, наверное, секунд десять, вряд ли больше. Алексей отступал под натиском второго моба. Левая рука друида болталась плетью. Тяжело выдохнув, Алексей обрушил на противника ледяной дождь, но тот поднял над головой щит, и льдины разбивались об него, не причиняя никакого вреда мобу. Это был конец. Но я всё ещё жив.

Я заорал на латника, схватил копьё и, вложив в бросок всю свою Злобу, метнул его. Копьё ударило в спину мобу. Судя по всему, доспех там был куда слабее, чем спереди — копьё пробило пластину. Моб вскрикнул, неуклюже наклоняясь вперёд. Древко копья ударило о землю, но наконечник застрял в доспехе. А я был уже рядом — Плащ Теней всё ещё действовал. Схватив древко, я упёрся в него всем телом и надавил, заваливая моба на спину. По моим плечам и голове хлестали мелкие льдины, но я этого практически не чувствовал. Алексей, впрочем, сориентировался и снял заклинание, но я лишился половины левого уха. Плевать. Я навалился на валяющегося на земле моба, воткнул ему в затылок тесак. А после тяжело свалился на землю.

Сознание гасло. Яркие багровые краски сменились унылой серостью неотвратимой смерти...

Мне в зубы ударило что-то твёрдое, сломав два передних, в глотку хлынула горьковатая жидкость. Я глотал её до тех пор, пока не начал захлёбываться. А после серая пелена поглотила меня с головой...

Уже свечерело. Кто-то тихо постанывал рядом. Судя по голосу, девушка. Стоны внезапно сменились диким криком:

— Они ведут себя не так, как должны вести мобы!!! — Крик затих, сменившись тяжёлым дыханием.

Я сел. Слабости не было, выносливость на полном уровне. Живот грубо замотан тряпками.

Мы находились в одной из лачуг. Здесь гулял ветер, с потолка текло, но я сидел в более или менее сухом месте. Алексей склонялся над каким-то комком тряпок. Я с трудом узнал в этом комке человека, девушку. Её лицо представляло собой сплошной синюшный кровоподтёк, губы распухли, глаз не видно. На голове, там, где ей выдирали волосы, зияли кровавые раны. Изодранные лохмотья едва прикрывали изуродованное тело. Чёткая вмятина на левом боку, судя по всему, сломаны рёбра. Порезы, ссадины, кровоподтёки. Девушка зажимала пах куском рубахи друида — второй ушёл на мою повязку. Ткань была пропитана кровью, и та продолжала сочиться. Это было чудовищно. Я тяжело сглотнул слюну.

— Ну, — шептал Алексей, — тише, тише. Пожалуйста. Вот, выпей.

— Пошёл на хер! Я хочу сдохнуть! — девушка зашлась в рыданиях. — Я! Хочу! Сдохнуть! Пошёл на хер со своим зельем!

— Что случилось? — тихо прошептал я.

— Много чего, — буркнул Алексей. — Ты чуть не умер, мне пришлось влить в тебя три зелья. А когда я притащил тебя сюда, нашёл её. Она говорит, что эти мобы уничтожили её

пяти из трёх человек, а её саму...

— Что меня, мать твою, изнасиловали! — закричала девушка. — Меня трахали! Раз за разом! Полтора дня подряд! Избивали и насиловали! Когда я отказывалась, лупили, резали! Мне отрезали левый сосок! Выбили все зубы, чтобы я не кусалась, когда они пихали мне в рот свои херы! — Девушка зашлась в рыданиях. — Мобы же себя так не ведут? — рыдая, спросила она. Теперь её голос звучал жалко. — Это не может быть... не со мной... мы же в игре... Убери ты на хрен своё долбаное зелье!!! — Она замолчала, тяжело дыша.

Я сидел, глотая слюну. Злость, вскипевшая во мне, сменилась на жалость, чувство собственного бессилия, несправедливости происходящего. Алексей тихо ругался рядом, выпавший из его руки бутылёк тихо булькал, вытекая на пол, но я не мог встать и поднять его. Будто бы это было кощунство. Бульканье, рыдания, тяжёлое дыхание, шум дождя, — эти звуки впечатались в мои воспоминания яркой и беспощадной картиной. Вспышки молний, полутьма помещения, пятно на полу, едва поднимающая грудь, слёзы на щеках, — эта картина после долго преследовала меня. Хотелось встать и схватиться за голову, завывать и биться головой о стены, разбивая её в кровь. Я хотел выцарапать себе глаза, проткнуть барабанные перепонки. Но я должен был находиться здесь. Чтобы запомнить.

Я должен помнить это. Потому что это — мой новый мир. Потому что это — повод убить виновных. Нет, в этом виноваты не те мобы, которые вели себя странно. Кто-то притащил нас сюда. И этот кто-то должен заплатить.

Девушка тихо дышала, с каждой минутой её дыхание становилось всё слабее. И, когда мы уже решили, что это — конец, она заговорила.

Эти тихие слова были невыносимы. Их дикая, чисто человеческая жестокость просто деморализовывала, сминала меня, давила наковальной. Я чувствовал себя червём под жёстким каблуком безысходности. Но мы не имели права прерывать её.

Это была исповедь. Исповедь жертвы. Как убийца выплёскивает всё, что накопилось в нём на чистосердечном признании, так жертва этого преступления рассказывала нам то, что произошло с ней, не щадя ни себя, ни нас. Надеюсь, что ей стало легче после этого.

Наконец, она замолчала. Её дыхание было едва слышно.

— Меня звали Машей, — прошептала она. — Запомните это, пожалуйста.

Маша потеряла сознание через полчаса, а ещё через два часа скончалась. Перед самой смертью у Маши начался бред. Она завала маму, разговаривала с сестрой, смеялась и плакала одновременно. На миг затихнув, она восторженно прошептала:

— Коля, я люблю тебя. И ты меня, правда ведь? Я так рада... так...

А после её дыхание затихло.

Мы вырыли ей могилу ножами за хижинкой. Копали долго, остервенело разгребая склизкие комки земли и грязь. Её тело ночью сожрут пауки-падальщики, хоть закапывай, хоть не закапывай... но бросить тело просто так мы не могли.

Я завернул тело Маши в свой плащ, и мы вдвоём вынесли его, положили в могилу, осторожно закопали. Алексей ушёл, а я долго стоял над могилой и смотрел в пустоту.

В моей голове звучали стандартные слова:

«Вы получили тринадцатый уровень, улучшенный навык Ослепления, пять единиц ловкости. Ваш запас Злобы повышен».

Игра продолжается...

Задание I

— Ну, что там? — тихо спросил Антон.

Я сделал знак всем молчать, а потом с лёгким раздражением буркнул:

— Нужно было дальше смотреть сны.

— Ну его на хрен, — проворчал Алексей, — мне сессия снилась.

Юля, не сдержавшись, хихикнула, остальные зашикали на шутника. Впрочем, никакой непосредственной опасности не было, об этом я успел сообщить парой минут ранее.

Около большого валуна посреди лесной поляны кружком стояло около двух десятков детей обоих полов и разного возраста. Рядом с камнем на коленях стояла аккуратно одетая старуха как-то слишком уж карикатурно смахивающая на Бабу Ягу. Бабка выполняла какие-то ритуалы, вероятно, последствием одного из них и был тот взрыв.

Кажется, бабка уже заканчивала. Ритуал завершился хоровым пением. В самом конце воздух резко потеплел, а над нашими головами расчистились облака, на мгновение открыв луну.

Дети почти сразу встали в кучку, а бабка, выпрямившись, уставилась прямо на меня, хотя расстоянием между нами превышало семьдесят метров, на мне был Плащ Теней, а темнота — хоть глаз коли.

— На тебя смотрю, на тебя. И друзей твоих. Выходите, не бойтесь.

Я сделал всем знак оставаться на месте и выбрался из своего укрытия.

— Нам бояться старуху с девятнадцатью детьми? — насмешливо спросил я, приближаясь.

Вообще-то, именно старуху с девятнадцатью детьми мы и опасались. Как-то раз нас просила о помощи очень милая семья из пяти человек. Уже через пару минут оказалось, что мы в ловушке, а семейство, неожиданно позвавшее с десятков родственников, собирается наготовить из нас на зиму тушёнки и солонины. Тогда погибла пара наших... я даже не помню их имён.

— А чего же вы тогда прячетесь там? — передразнила меня бабка.

— Грибы ищем.

— Грибы-ы? Посреди ночи?

— Я хорошо вижу в темноте.

— Зато прятаться не умеешь совершенно.

— А, может, я и не хотел прятаться?

Я намеренно тянул время, надеясь почуять хоть какие-то признаки ловушки. Но то ли мне отказал нюх на ловушки (с ним такое бывало), то ли никакой ловушки не было.

— Ладно, — сказал я, вздохнув, — осторожно выходите.

Дети, особенно девчонки, тихо зашептались, когда увидели Антона. Ему на самом деле не помешал бы шлем с забралом, но выбирать нам не приходилось. Некоторые чудовища оставляют очень мерзкие раны, а зелья выносливости хоть и повышают регенерацию тканей и сглаживают шрамы, но для этого требуется время. Хорошо хоть, что у воина оба глаза на месте, хотя правый практически не видно из-за буйно выросшего мяса.

Остальные выглядели менее устрашающе, впрочем, им реже приходилось встречать противника лицом к лицу. Я ещё удивляюсь, почему меня не слишком напугались —

высокий тип в чёрном плаще (без плаща Плащ теней не работает, ваш Капитан), шляпе со свисающими с полы костяшками пальцев и в маске чумного доктора, я для многих игроков выглядел вполне устрашающе. Но, видимо, не для детей. Особенно не для пацанов.

Мы стояли какое-то время, изучая друг друга. Наконец, старуха с тяжёлым вздохом не спросила:

— Не хотите ли зайти в гости? Уж извините, что не сразу пригласила — сейчас столько опасных бродяг расплодилось.

— Мы принимаем приглашение, — сказал Павел. Он, кажется, и не думал, что мы тоже относимся к тем опасным бродягам, о которых говорила старуха.

Впрочем, мы пришли помогать. А помощь, судя по всему, требовалась. Кажется, у нас снова появится цель.

До дома, где обитали бабка с детьми, было сравнительно не далеко. Хотя шли мы не то чтобы напрямик. Я бы даже сказал, что совсем не напрямик. Оставь гостеприимная бабулька нас где-нибудь в лесу, мы бы вряд ли нашли дорогу к мосту.

Шли в основном молча. Паша один раз попробовал разузнать, что за взрыв мы видели, но бабка бросила только, что это не нашего ума дело. Мы и не спорили. В этом мире, по крайней мере, раньше, работало правило — если игроку нужно о чём-то знать, он обязательно об этом разузнает. Впрочем, как и в любой другой игре.

Но ведь на игру происходящее было похоже только сначала.

Хижина пряталась в дубовой роще. И это были такие дубы, что всем дубам дубы. Метров по тридцать-сорок в высоту и всего вдвое меньше в объёме. Дом хоть и был приличных размеров, но для двадцати человек всё-таки маловат. Наверняка бабка здесь от кого-то пряталась.

Скорее всего, я даже могу сказать от кого. От других игроков и местного зла. Что хуже — тема занятная и долгая.

В доме было жарко, тесно. Здесь пахло всевозможными травами... и едой.

И, кроме того, мы встретили старого знакомого.

Тощий, лысый и бородатый трактирщик Локт из Узкого Угла мирно посапывал в кресле-качалке. Этот был тот самый дед, что давал задание на поиски пропавшего из приюта парня.

Проблема была в том, что задание было одно, а желающих его получить больше.

Игра VI

Мы как раз сдали какой-то квест. Локт отсыпал Пашке несколько монет. Раньше мы столько получали за несколько убитых волков. Ещё с неделю назад этих денег хватило бы, чтобы закупить еды и зелий на несколько дней. Сейчас же нам хватит на скромный ужин, ночёвку и ещё более скромный завтрак.

В трактире торчало ещё несколько «наших». Пять или шесть человек, четверо из них — новички, попавшие в игру в последние дни перед закрытием дверей, как мы это называли.

Наверное, я забыл про это рассказать. Какие-то воспоминания в воспоминаниях получаются...

Так вот, новички прибывали три недели. Последнюю неделю пребывало раза в три-четыре меньше народа, чем всегда, но и без того новеньких было достаточно. Трактирщик и ещё пара неписей, конечно, отказывались давать задания, но работы ещё было достаточно. Но на двадцать второй день, когда никто не появился, всё и вовсе полетело к чертям. Случай

с Машей произошёл на двадцать шестой день, но мы тогда ещё не знали, что поток свежего мяса закончился — были на другом конце полуострова.

Нам жилось несладко. Новичкам — ещё хуже. Квесты «сломались», бонусный опыт и лут брать стало практически неоткуда. Нагрывавшая инфляция буквально душила новичков ценами.

Во второй день после стычки с волками я потратил два зелья и отличный кусок мяса просто для того, чтобы не загнуться после боя со стандартными и чуть ли не самыми слабыми мобами. Сейчас эта радость обошлась бы в половину серебряной монеты. За квест мы впятером получили четверть монеты. В общем, то, что новички добрались досюда — уже большое достижение.

Выглядели парни довольно жалко. Оружия мало, у воина из доспехов только короткая кольчуга, у друидов почти нет оберегов. К тому же, за последние недели три они порядком отощали и обозлились.

И, конечно же, они хотели получить квест.

Но первый мы уже выполнили, а второй трактирщик не хотел отдавать незнакомцам.

— Вот, у меня уже есть парни, которые меня не обманули, — говорил Локт, тыкая в нас. — А вы кто такие? Да и дело это опасное, а вы, ребята, явно послабее выглядите. Не буду же я вас отправлять на верную смерть, а? Это же не по-человечески.

— Если ты не дашь нам квест, мы сдохнем, — зло сказал один из друидов. — А эти парни выглядят достаточно крепко, чтобы обойтись без задания.

— Мы можем взять вас в пати на этот квест, — добродушно предложил Павел.

— Да хрен там, — рыкнул воин, — мы уже наученные. Возьмёте в пати, а потом в одностороннем порядке выбросите. Главарь же ваш будет?

— Да и как ты будешь делить пол серебряной монеты на десятерых? — угрюмо добавил друид.

— Курс-то местный знаете? Разделим по три медяка на пати. А уж то, что я буду главой... я поопытней. И квест дают нам, а вам категорически отказывают. Ну, давайте, не мнитесь, кикать вас я не собираюсь.

— Как же... — прорычал воин. — Мы таких уродов, как вы, уже знаем. Пустите вперёд на мясо.

— А потом ещё и ограбить попробуете, — нервно добавил друид.

— Дело ваше, — пожал плечами Паша. — Насильно помогать я никому не собираюсь. Локт, мы берём задание.

— Да вы же нас на смерть бросаете, уроды! — взвизгнул воин и, будто забыв о запрете на драки, бросился на ближайшего нашего.

Им оказался я. Взвинченный после тяжёлого дня ассасин, который постоянно вычисляет опасность и готов отреагировать на неё ответной агрессией.

Я ушёл от удара короткого меча и совершенно машинально разрядил арбалет в висок воину. Он тяжело повалился на пол, пару раз дёрнулся и замер.

Уже понимая, что произошло, я поднял глаза на остальных, уверенный в том, что это последний раз, когда я их вижу...

Но смерть не пришла. Зато мы услышали знакомый голос. Но звучал он уже не привычно-механически, а весело и задорно.

— Героический режим игры «Безбожие» открылся по-настоящему. Поздравляем игроков, успевших воспользоваться этой услугой. Желаем вам удачи!

За три недели к героическому режиму присоединились пятьдесят три тысячи семьсот сорок шесть человек из шестнадцати стран, в том числе и Китая.

В живых сейчас числится тридцать девять тысяч восемьсот девяносто пять... девяносто два человека. То ли ещё будет, герои!

Трое игроков уже достигли тридцать пятого уровня, вы должны ровняться на них!

Респаун мобов отменён. Бессмертных НПС больше не будет. Вы можете делать всё, что вам заблагорассудится. Вот это начинается веселье, да, герои?

Следующая информация касается только героев начальных уровней. Все локации, предназначенные для игроков с первого по двадцатый уровни, будут закрыты. Не успевшие их покинуть — уничтожены. Мы заботимся о своих игроках и даём им две недели на то, чтобы закончить все свои дела и уйти.

Ограничения на режим PvP сняты! Уже со вчерашнего дня можно было убивать друг друга хоть с первого уровня! Поздравляем самого любопытного и дерзкого! Убийца Алексей восемнадцатого уровня, ты открыл новые возможности для игроков первых восьми локаций! За это ты получаешь девятнадцатый уровень и замечательную ауру, повышающую на десять процентов всю твою статистику! А вы, игроки, не отставайте, как же можно быть такими нелюбопытными? Желаем приятной игры!

Удачи вам, герои игры «Безбожие»! Героический режим игры «Безбожие» — стань героем!

К слову, это было последнее внятное сообщение, которое мы получили от нашего «проводника».

Я стоял, ошеломлённо разглядывая убитого мной парня. Кто-то из пати воина ухватился за оружие, но его остановили — расклад сил явно был не на их стороне. Уже через несколько секунд они куда-то ушли, даже не пытаясь спорить на счёт квеста.

— Я думаю, — тихо, но твёрдо сказал Павел, — что нам следует быстро выполнить задание Локта и на время отойти от наиболее людных дорог.

Задание II

Бабка Гая выдала нам по куску свежего хлеба и по кружке какого-то крепкого травяного отвара. Детей, кроме самой старшей — горбуни лет пятнадцати — отправили по кроватям, а Локт скалил жёлтый зубы, припоминая, как мы ему помогли с тем товаром, который нужно было доставить в соседнюю деревню. Теперь я припомнил, что в соседней деревне нас встретила толпа вооружённых вилами крестьян, двоих пришлось убить, чтобы добраться до таверны.

— Так вот куда делся приют, — сказал Павел, обращаясь к Гае. — Мы наши только пепелище и решили, что все вы погибли.

— Нет, — покачала головой старуха, — мы, как вы видите, живы. Я решила сжечь приют, надеясь, что в нынешней неразберихе нас сочтут погибшими и не будут искать.

— Скажите, что вы ещё вашего Смоги нашли.

— Нашли, — кивнул Локт, — но мы не можем его спасти.

— И тут приходим мы... — усмехнулся Алексей.

Гая смерила его долгим взглядом.

— Если бы мой муж не доверял вам, я бы ни за что не дала вам это задание. Но он уверен в том, что вы сможете справиться. — Бабка тяжело вздохнула. — Впрочем, об этом поговорим утром. Ложитесь спать. И ты, — она зыркнула в мою сторону, — тоже, не хрен у меня тут вынюхивать. Вы в полной безопасности.

Я пожал плечами. Честно говоря, я очень сильно хотел спать. Даже как-то подозрительно сильно...

— Я дала вам успокаивающий отвар, — сказала Гая, усмехаясь. — Вы, ребятки, очень много нервничали в последнее время.

Горбунья выдала нам пять шерстяных одеял и выпроводила в сени, где мы и разлеглись. Странно было засыпать, не выставив даже...

...Утро наступило внезапно. И впервые за последние недели я почувствовал себя абсолютно выспавшимся и отдохнувшим. Но и голод мучил меня сильнее, чем обычно.

Спала одна Юля, голоса остальных доносились из дома. Я тоже решил, что не стоит мешать такому здоровому сну, и направился в поисках съестного.

Моё появление в кухне вызвало небольшое разочарование у мальчишек. Вчера они увидели во мне чудовище с большущим клювом и крыльями (за крылья, видимо, приняли плащ), а сегодня перед ними предстал тощий парень лет двадцати пяти с огромными кругами под глазами и наполовину оторванным левым ухом. Зато Антон при свете дня выглядел не менее устрашающе, чем вчера, так что он сразу стал любимчиком публики.

Я поприветствовал всех и уселся на свободное место. Горбунья недружелюбно шмякнула передо мной миской с густой кашей со шкварками и ломтём хлеба.

— Ладно, — сказал Павел, отставляя кружку со вчерашним отваром, — Юлю ждать не будем. Вам по-прежнему нужно, чтобы мы нашли Смоги, я прав?

— Не нашли, — покачала головой Гая, — мы знаем, где он. Нам нужно, чтобы вы его спасли от смерти и привели сюда.

— Отлично. Прежде, чем узнать подробности, у меня вопрос — вы заплатите?

Старуха фыркнула.

— Локт обещал вам половину серебряного за это задание.

— Мне кажется, что задание стало немного более сложным.

— О, боги, — вздохнула бабка, — куда катится этот мир? Где герои стародавних времён, которые совершали подвиги совершенно бесплатно? Где ваше благородство, люди?

— Мы не герои, — тихо сказал Алексей.

— А если бы и были ими, нам всё равно хочется кушать, — твёрдо произнёс Павел. — И рисковать жизнями за простую благодарность нам не хочется. К тому же, нам ещё предстоит дальняя дорога.

— Слышала я про вашу дорогу, — угрюмо сказала Гая, — и видела её. Эта дорога застлана трупами ни в чём не повинных людей.

— Наша дорога другая. Или ты намекаешь, что нам придётся убивать невинных, чтобы спасти вашего пацана?

— Ну-ну, — Локт поднял раскрытые ладони, — хватит ругаться. Я впервые дал вам это задание, мне и платить. Пять серебряных вам хватит? Гая, к тому же, варит отличные зелья, мы можем поделиться с вами нашими запасами. И еды у нас навалом...

— Значит, ты платишь? — хмыкнула старуха. — Ладно, ты прав в том, что ругань — не лучший способ вести диалог. Как вам такая плата, герои? — последнее слово она произнесла с нескрываемой издевкой.

— Сойдёт, — кивнул Павел. — Теперь рассказывай, где нам найти парня.

— И зачем его вообще хотят убить, — добавил я. — И, к слову, почему за вами охотятся. Или это тоже не наше дело?

Гая смерила меня пристальным взглядом. Я ожидал очередной порции сарказма в мой адрес, но старуха, вздохнув, начала рассказывать:

— Здесь завелось зло. Зло большое, зло древнее. И это не Властелины и не их приспешники... Так называемые Властелины лишь послужили причиной его пробуждения.

— На роль древнего зла претендует только Гасп, насколько я понимаю? — спросил Павел.

— Правильно понимаешь. Мир гибнет, но Властелинам на это плевать, их интересуют только их кровавые развлечения. А когда над миром нет закона, из самых дальних его уголков вылезают всякие недобитки. И так уж получилось, та нечисть, что завелась у нас — мои прямые враги. — Старуха пожевала губами, будто собираясь сплунуть, но сдержалась. — Это ведьмы. Мерзкие и очень опасные твари. Они не живы, но и не мертвы. Вы сами поймёте, о чём я, когда увидите их.

Уж не знаю, сошёл наш ярл Нервил с ума сам или ему помогли, но он связался с Культом. Так же не знаю, что он пообещал ведьмам, но точно знаю, что ведьмы пообещали ему. Уничтожить всех его незаконных наследников.

— Но... — начал было Павел и тут же замолчал.

Мне это тоже не сразу бросилось в глаза, но теперь я видел: ребяташки походили друг на друга. Не как родные братья и сёстры, скорее как двоюродные, но если учесть, что у них разные матери, всё вставало на свои места.

— Смоги и Рилай, — Гая кивнула в сторону горбунии, — пошли за грибами. В лесу-то на них и напали. Девочка обладает кое-какими способностями, так что ей удалось сбежать, мальчишке не так повезло. Думаю, ведьмы хотели с его помощью найти наш приют, скрытый от людей с недобрыми намерениями, но у них не вышло. Ничего удивительного — на задание отправили мелких сошек. Наверняка, скоро они потащат мальчонку к своей

вожачке, чтобы та при помощи магии вычислила наше новое месторасположение. — Бабка вздохнула. — Теперь вы понимаете, как нам важно, чтобы вы вытащили его из их лап?

— Поэтому вы даёте нам целых пять монет и еды на пару дней, — фыркнул Алексей.

— Было бы больше, дали бы больше, — вновь раздражаясь, сказала старуха.

— Мы понимаем, — кивнул Павел, хлопнув некро-друида по плечу. — И мы согласны выполнить ваше задание. У нас есть время отдохнуть до завтра?

— Думаю, да. Ведьмы всё ещё пытаются найти нас своими силами. Я хоть и не последняя знахарка в округе, но совладать с несколькими даже слабыми ведьмами не смогу. Возраст не тот.

Почему-то мне показалось, что Гая не договорила. Наверняка была и другая причина. Но знать всё сразу не дано.

— Моя бабка кроме зелий ещё и пиво хорошее варит, — сказал, хихикнув, Локт. — Не хотите ли угоститься?

— Хотим, — кивнул глава пати. — И разбудите уже кто-нибудь Юлю.

...Я точил косарь, который мне подарил Локт. Выглядел нож отвратно — простая деревянная рукоять, не слишком-то удобная лежащая в руку, широкое покрытое ржавчиной лезвие. Но заточен клинок был неплохо, да и альтернативы у меня не было.

Рядом ошивалась горбунья Рилай. Я был почти уверен в том, что она за мной следит, но решил не обращать на девчонку внимания. Чем-то я ей не понравился. Что ж, переживу.

Сунув нож за пояс, я поднялся. Нужно прогуляться, прочистить мозги. А так же подумать над тем, что я вчера видел. И, возможно, мне удастся заметить ещё что-нибудь странное.

Ну, если не считать, что всё кругом — странное. Неестественно большие деревья, из-за крон которых едва выглядывало сумрачное небо. Насекомых и птиц столько, что от звуков кружится голова. Даже микроклимат в этой роще свой — здесь было гораздо теплее, чем в округе. Ну или температура резко сменилась градусов с пяти до двадцати, но в это верилось с трудом — погода последние недели почти не менялась, оставаясь дождливой и хмурой.

Прям таки не место, а рай для каких-нибудь классических друидов собирателей цветочков и бабочек. Нашим здесь вряд ли сильно нравилось: Павел был стихийником, а Алексей в основном управлялся с мёртвой плотью. Здесь же смертью и не пахло.

Наверное, поэтому я так расслабился.

Удар в лопатку — я всё-таки успел среагировать — сшиб меня с ног, я покатился по траве и врезался в дерево. Меня грубо схватили за волосы и дёрнули вверх.

— Иди со мной, — завораживающе прошептала мне в лицо Топлюша.

Я воткнул ей в бок косарь и дёрнул его наискось, распарывая плоть до самого пупа. Утопленница завизжала и отшвырнула меня в сторону. На зелёную траву лилась бледная жидкость, заменяющая ей кровь.

— Что, здесь подчинение не действует? — спросил я, поднимаясь.

Утопленница прорычала что-то невразумительное. Она не торопилась нападать, её куда больше занимал распоротый бок. Я заметил, что из её левой глазницы всё ещё торчит древко копья. Слепая зона — хороший шанс, чтобы выиграть драку. Кроме того, я не чувствовал в девушке той силы, что была раньше. Возможно, «светлое» место ослабляло нежить.

— Зачем ты дерёшься со мной? — жалобно спросила Топлюша. — Я не хочу тебя убивать. Я хочу играть с тобой. Вечно! — её голос сорвался на визг.

— Не хочешь убивать? — хмыкнул я. — Хочешь играть? Где же? На дне озера? Я,

видишь ли, не умею дышать под водой.

— Мы можем играть и не под водой, — теперь голос утопленницы звучал умоляюще. — Видишь, я могу ходить по земле и дышать воздухом. Давай помиримся?

Я уже находился под действием Плаща Теней. Топлюша заметила моё движение и успела среагировать, выставив руки для защиты. Но я не собирался драться с ней врукопашную. Я разрядил арбалеты ей в живот и резко ушёл вправо. Утопленница жалобно вскрикнула.

Я быстро перезарядил арбалеты.

— Я не хочу с тобой драться!

— Тогда убирайся, — неожиданно для себя сказал я.

Дело было не в том, что я опасался драться с ней в одиночку. Может, я сумасшедший, но в этот момент мне показалось, передо мной стояла обычная шестнадцатилетняя девчонка в оборванном платье. Несчастливая и раненая. Слабая.

Одинокая.

Прямо как я, ага.

Нет, я не собирался бросаться ей в объятия — никаких эффектов контроля не ощущалось. Я просто её пожалел.

— В третий раз я повторять не буду. Убирайся.

— Без тебя я никуда не пойду!

— Тогда у меня нет другого выбора.

Ещё две стрелы вонзились в неживую плоть. По телу утопленницы пробежала дрожь, значит, одна из смертоносных стрел подействовала и теперь медленно, причиняя страшные муки, продвигается к сердцу.

Кажется, Топлюша всё же поняла, что драка здесь не сулит ей ничего приятного. И тогда она сделала то же, что и в прошлый раз. Просто слиняла, нырнув в ручей в локоть шириной и вдвое меньшей глубиной.

Я постоял, какое-то время ожидая прибавки к опыту, но так и не дождался, от чего где-то в глубине души испытал облегчение. Утопленница оказалась куда крепче, чем я ожидал. Или её живучесть резко увеличилась в воде. Я решил пока не приближаться к каким-либо водоёмам, в одиночку — тем более.

Желание гулять отпало, и я решил возвращаться. Повернувшись, я увидел горбунью, стоящую поодаль.

— Значит, ты умеешь бороться со злом, — сказала она и исчезла.

— А зачем я здесь ещё? — спросил я у леса, но мне почему-то казалось, что Рилай подразумевала под словом «зло» не местную нечисть.

Но в этот момент я очень кстати вспомнил, что Локт обещал нам баню, а я нормально не мылся уже недели три.

Игроки I

Лес за пределами дубовой роши встретил нас привычными сыростью и мраком. Если бы мы точно не знали, сколько сейчас время, трудно было бы сказать, что сейчас — утро, обед или вечер.

Нам предстояло пройти около трёх километров на юго-запад, пересечь реку и подняться на холм, на вершине которого стоял хутор, занятый ведьмами.

Мы ожидали, что наибольшей проблемой будет река — Гая указала нам брод, но из-за

постоянных дождей вода наверняка поднялась. Но реку мы пересекли неожиданно легко, вода едва доставала до колена, будто дождей не было вовсе.

А вот заросли кустарника мы преодолевали с боем. Причём, бой больше напоминал стрельбу из пушек по воробьям. Кругом хлестала вода, летали ледяные глыбы, я стрелял, стрелял и ещё раз стрелял... Но летучие зубастые твари размером с воробья раз за разом нападали на нас то по одной, то целыми стаями. Они норовили забиться под капюшон, атаковали любой незащищённый участок тела и грызли, кусали, впивались когтями. Это продолжалось добрых полчаса, пока мы пересекали кустарник.

Я почти не пострадал, если не считать того, что какая-то тварь отжевала мне остатки левого уха, да пары неприятных укусов в шею. Друиды и Юля тоже кое-как отбились, а вот Антону повезло меньше все — его открытое лицо сильно искусали. И раньше пол его лица представляло собой сплошную мешанину из шрамов, теперь же в нём не осталось практически ничего человеческого: опухшее, окровавленное, на нём можно было различить только блестящие от слёз боли глаза.

Юля обработала раны какой-то мазью, которую ей дала Гая, и замотала тряпкой.

— Бабка сказала, что шрамы заживит на раз, — бодро говорила магичка. — Будешь настоящим красавчиком.

Антон что-то невнятно бормотал в благодарность, но вряд ли ему было приятно слышать это. Тем более от Юли. Я видел, как он смотрел на неё в последнее время. И, как и все, полночи слышал их с Павлом стоны. Их отношения — не моё дело. Но нужно было что-то решать, иначе это могло привести к гибели нашей группы.

— Живности здесь явно больше, да? — попытался отшутиться Алексей, но ответили ему только мрачным ворчанием. Сам он лишился половины мизинца, что для друида не критично.

Мы передохнули и перекусили. Кровь у воина остановилась, и он дал знак, что мы можем двигаться дальше.

За полосой кустарника была небольшая роща, в километре отсюда взбирающаяся на нужный нам холм. Мы почти достигли цели, как я остановил отряд. Что-то меня беспокоило, что-то неявное, но очень важное.

Когда я понял, было уже поздно.

Этот факт был одним из доводов тех, кто утверждал, что мы в игре. Не известно каким способом, но мы всегда могли отличить игроков от местных. Плевать, как игрок был одет, находился ли он в толпе неписей, другой игрок мог легко его найти.

— За нами следят, — сказал я, останавливаясь. — Другие игроки. И, кажется, мы у них как на ладони.

Я внимательно оглядел рощу, уповая на то, что игры в прятки не прошли зря. На самом деле игры в прятки с другими убийцами, находящимися под действием Скрытности или подобных заклинаний — настоящий хардкор, похуже, чем искать иголку в стоге сена. Но в этот раз лес, казалось, был девственно чист.

Уже практически отчаявшись, я засёк крохотный отблеск стали (и это несмотря на то, что солнца-то никакого не было) за двумя вплотную растущими деревьями. А уже через секунду я заметил заросшую яму, где могли засесть остальные.

Хорошо, я выяснил, где находится засада. Второй вопрос: почему на нас не напали сразу, когда поняли, что я засёк ловушку? Напрашивающийся ответ: с нами не хотели драться. Возможно, их было немного, и они не были уверены в победе. Но хотелось бы,

чтобы они просто не были настроены агрессивно против других игроков.

В таких случаях Павел полностью мне доверял. Да и не было никакой возможности спросить у него, что делать дальше.

— Можете не прятаться, я вас засёк.

За деревьями снова сверкнул металл. Так, теперь ждём реакции. Мои слова вполне могли спровоцировать нападение. Я готовился уже принять бой, но через пару секунд на открытое пространство вышел высокий парень в тёмно-зелёной маске и с натянутым ростовым луком в руках. К счастью, наконечник стрелы смотрел в землю.

— Численный перевес за нами, — глухим голосом произнёс лучник, — но мы не хотим драться. Впрочем, от драки бегать мы тоже не собираемся.

— Мы тоже не хотим драться, — ответил я, поднимая раскрытые ладони (выхватить заряженные арбалеты я мог за долю секунды). — Тогда, может, просто поговорим?

Численный перевес и вправду был не за нами. Но качественно встреченная нами группа выглядела ещё хуже нас, даже если учесть плачевное состояние Антона. Ребята выглядели куда более ободранными, чем мы, а уж более грязными и уставшими и подавно.

Мы нашли более или менее сухое укрытие и сидели двумя полукругами, изучая друг друга. Павел и Костя — главарь встреченной нами группы — расположились в центре.

— Не ожидали никого здесь встретить, — несколько нервно произнёс Костя. — Думали, все уши далеко вперёд.

— Мы задержались в стартовых локациях, надеясь, что другие игроки не всё вычистили...

— ...и чтобы пореже встречать этих самых других игроков? — усмехнулся охотник. Дождавшись утвердительного ответа, он продолжил: — Мы из-за этого задержались здесь, в этих лесах. Когда поступило сообщение о том убийце, грохнувшем другого игрока, сразу стало как-то не по себе.

— Что вы здесь делаете? — спросил Павел, видимо, стараясь перевести разговор с неприятной темы.

— Вообще, выполняли квест — должны были спасти жителей хутора, что на холме, от каких-то разбойников. Но когда мы пришли сюда, и все мирные жители, и разбойники уже были мертвы. Мы решили остановиться здесь, но уже через неделю нам пришлось уйти: после ухода большей части игроков, здесь появились какие-то жуткие твари. — Охотник поморщился от воспоминаний. — Лучше их даже не видеть. Так что мы слонялись по лесам и фармили, стараясь ни во что не ввязываться. Вот, дождались вас.

— А с этими жуткими тварями не было мальчика? — спросил я.

— Был, — кивнул Костя. — Они держат — или держали — его на хуторе в километре или около того отсюда. Не знаю, зачем он им, но явно зачем-то нужен. Мы подумывали освободить его, надеясь на награду, но вшестером мы бы не справились.

— А если объединить усилия? — осторожно спросил друид.

— Если вы объясните, зачем этот парень всем так сдался, — усмехнулся охотник.

Через полчаса они формально вступили в нашу пати. Хотя мы и договорились, что все будут подчиняться Павлу, при любой не устраивающей наших новых сопартийцев ситуации, мы оставались сами по себе, они — сами по себе. Главенство Павла было наиболее выгодно в тактическом плане — Константину по большей части приходилось прятаться, передвигаться и выбирать мишени, а друид мог управлять боем из одной наиболее выгодной позиции, оставаясь полезным ещё и как кастер.

Состоялось краткое знакомство.

У воина — Миши — правая ладонь больше напоминала клешню, настолько кисть была переломана и скрючена. Но как щитоносец он (по его заверениям) непревзойдённый.

Магичка Люда достигла всего лишь двенадцатого уровня. Зачем пятеро парней её тащили за собой, думаю, понятно.

Глава пати Костя — стандартный северный убийца, только специализацией выбрал охоту и лук. Потому-то они нас первыми и заметили: у охотников радиус слежки гораздо больше.

Логан и Дризт были друидами-стихийниками. Неплохо, учитывая, что в их группе было кому потанковать. В противном случае обычные друиды, специализирующиеся на подчинении животных, или некро-друиды вроде Алексея куда более полезны.

А вот белобрысый Вова был тем самым северным берсеркером. Доспехов у него не было, только куртку покрывали железные кольца, а предплечья — пластины. Зато за плечами он носил настоящий бродекс. Если бы началась драка, с ним бы у нас были самые большие проблемы.

Константин и Владимир достигли тридцатого уровня (у всех наших, кроме меня, был двадцать восьмой), остальные, кроме Люды, двадцать пятого. Не так плохо. Фактически, в их пати четыре полезных бойца. С нами — девять. А на хуторе нас ждало не менее полудюжины ведьм и с десятков воинов — лучников, копейщиков и мечников. На самом деле, нам чертовски повезло, что мы встретили их пати, иначе нам было бы несдобровать.

Нам и сейчас-то придётся нелегко. Десять воинов — уже серьёзная сила, а с ведьмами мы ещё не встречались, и даже не знали, чего от них можно ожидать. Ничего хорошего — точно.

Откровенно говоря, мы даже не были уверены в успехе. Но без денег, зелий и еды дальше нам делать нечего. Не говоря уже о том, что здесь наверняка можно будет найти приличный лут. А ждать других игроков — затея бесполезная, так как мы были единственными, кого встретили ребята за последние недели.

Так что этим вечером мы решили нападать.

Моей целью был колодец, расположенный в паре десятков метров от частокола, окружающего хутор. У Кости была информация, что колодец и подвал общинного дома соединены потайным ходом. Если ход там окажется, то я попробую зайти в самый центр обороны, пока одна часть пати прёт в лоб, а вторая в тыл. Если хода нет, я по стандарту буду кружить вокруг противника, разбрасывая Метки, и дорезая раненых и пытающихся сбежать.

Отличный самоубийственный план. Здесь других не бывает. Вот только оказалось, что ему не суждено сбыться.

Разделились мы в лесу, примерно в километре от хутора, если идти напрямик. Вот только моей группе как раз предстояло атаковать тыл, так что мы пошли в окружную.

А потом небо как будто взорвалось.

От косога ливня, хлещущего прямо в лицо, не спасало ни что — я затянул завязки капюшона до упора, закутался в плащ, натянул штанины поверх сапогов, но всё равно мне было холодно и мокро. Зато я напоминал смесь Кенни, куколки и идиота. Я шёл, согнувшись, но с неба хлестали такие потоки воды, будто я был под душем. Очень холодным душем. Что можно было рассмотреть в такую погоду? Да ни черта. Я натыкался на деревья, пару раз чуть не выколол себе веткой глаз, а однажды свалился в ручей. Не стоит и говорить, что плелись мы едва ли быстрее черепах. Очень медленных черепах. Очень-очень медленных старых слепых черепах, которых всё время норовило перевернуть на спину ветром.

Константин с Антоном и Дриззом держались чуть позади, хотя именно охотник говорил, куда нам идти. Наткнувшись на разбухший из-за ливня ручей, я остановился, чтобы подождать их — преследующая меня утопленница могла появиться в любой момент, а в такую погоду в быстром ручье все преимущества на её стороне. Возможно, у меня паранойя, но лучше не рисковать.

Но прошло с минуту, а ребята так и не появились. Выругавшись, я поплёлся назад. Теперь ветер дул в спину, и мой обзор немного улучшился, совсем чуть-чуть — темень царила непроглядная, даже для меня. Я отошёл на пятьдесят шагов, но так никого и не встретил. Теперь помимо лёгкого раздражения я почувствовал лёгкое беспокойство.

И тут сквозь шум бури — а шумела она, будь здоров — я услышал вопли. Вот это совсем плохо. Я бросился влево, откуда, как мне показалось, кричали. Мокрые ветви хлестали по моему лицу. Запугавшись в кустах, я свалился на мокрую землю, с трудом поднялся и рванул дальше. Сверкнула молния, очень близко. Она на миг осветила лес, и я увидел полдюжины фигур, толкущихся в пятнадцати-двадцати шагах. Звук грома, обрушившийся на меня секундой позже, почти оглушил меня, мне показалось, что я ощутил этот удар всем телом.

Я каким-то образом запомнил расположение всех деревьев. Плащ Теней помогал мне двигаться действительно быстро. Ну, примерно со скоростью человека, бегущего трусцой. Метрах в пяти от места драки я остановился и набросил на одного из противников Метку. Противники явно не были людьми конунга, они вряд ли вообще являлись людьми — слишком длинные руки, короткие согнутые ноги, они больше напоминали высоких лысых горилл, страдающих анорексией.

Рядом ударила ещё одна молния, она угодила в одного из мобов, и он, обугленный, упал на землю. Мне захотелось зажать нос, таким сильным был запах горелого. Судя по всему,

эти молнии насылал Дризт — рядом валялось ещё одно обгоревшее тело. Друид стоял спиной к дереву, Антон прикрывал его, сдерживая трёх оставшихся мобов, охотника не было видно. Я выстрелил в помеченного и принялся перезаряжать арбалеты. Но раненый и не думал умирать, он развернулся ко мне и, оскалив огромные клыки, бросился на меня, размахивая дубиной. Я разрядил в него оба арбалета и, бросив их на землю, выхватил тесак. Но драться мне не пришлось — буквально в двух шагах от меня чудовище выронило дубину и, картинно схватившись за торчащую из сердца длинную стрелу, упало.

Хлестнула ещё одна молния. И вновь мои ноздри наполнил удушающий запах горелого мяса. Костя атаковал оставшегося моба, тесня того щитом. Я осторожно напал сзади, перерезав мобу глотку. Костя боднул его щитом, свалив на землю и тремя мощными ударами добил, отрубив ему руку и разрубив пополам голову.

— Никогда так не долбило! — восторженно орал Дризт. — Да я, блин, Зевс!

— Пофли давай, Севс солфаный! — прощамкал в ответ Антон.

Я вырезал из трупа стрелы, и, сбившись в кучку, мы продолжили дорогу, двигаясь теперь куда осторожней. Мы шли уже около часа, эта группа «мобов» была первой, и мы уже уверились, что вообще никого не встретим — Костя сказал, что местные леса они вычистили почти полностью. К тому же, высовываться на улицу в такую погоду... Но, в итоге, оказалось, что эти пятеро — единственные рискнувшие проветрить и промочить косточки. Ну, кроме нас, конечно.

Мы с трудом пересекли какой-то ручей и, пройдя через густой сосновый бор, выбрались-таки на невысокий холм с лысой вершиной. На нём я кое-как разглядел хутор и нужный мне колодец.

Мы приблизились к хутору на максимальное расстояние. Спустя пару минут поисков мы залегли в густые заросли кустарника, немного прикрывших нас от дождя и не сильно мешающих слежке. И правильно сделали, что не стали лезть на рожон.

Задние ворота были снесены начисто, около них стояли два моба — ссутулившиеся, закутавшиеся в плащи воины. Ещё трое, два воина и ведьма, патрулировали периметр хутора. В стоящей поодаль кузнице явно кто-то находился. Наверняка враги.

Два латника и ведьма делали круг приблизительно за две минуты. Два сторожа у ворот меняться пока не собирались, и хорошо, но слишком долго с нападением выжидать нельзя, иначе мы запросто могли натолкнуться на четырёх стражников — двух сменных и двух сменившихся.

И тем не менее... второй группе сейчас не лучше, чем нам. И обсуждать новый план сейчас не с кем. Единственным средством связи был почти уже исписанный кусок пергамента. У Павла хранился такой же. Стоит написать на одном, как надпись появляется на другом. Эту невероятно ценную вещь мы использовали только в крайнем случае. Сегодня как раз такой.

— Я сбегая к колодцу, — сказал я, набрасывая Плащ. — Если не вернусь через четверть часа, нападайте.

В бурю добраться до цели проблем не составило. Я лёг животом на сруб и свесил голову в колодец...

А я-то думал, что за последнее время привык ко всякому...

Там плавали трупы. Я нашёл их не сразу, и только по запаху. Женщины, мужчины, старики... они... их части плавали в колодце. Их раздели, расчленили и сбросили в воду. Среди них не было ни одного ребёнка, я уверен в этом. Сначала я испытал что-то вроде

облегчения, но потом понял, что это куда хуже. Даже не могу представить, какая их постигла участь. Уверен, что здесь не обошлось без ведьм.

Смрад смерти был таким невероятно тяжёлым, что я решил даже не пробовать спуститься, хотя на другой стороне колодца даже в такой непроглядной темноте мне удалось рассмотреть скобы. Возможно, внизу плавают обычные трупы. Но, думается мне, ведьмы нашли потайной ход и устроили там ловушку.

Не солоно хлебавши пришлось возвращаться.

Мы быстро обсудили план действий. Никто ничего менять не собирался. На другом конце ограды хлестнула молния, а дождь внезапно превратился в настоящую метель. Патруль в это время как раз проходил мимо. Патрульные и охранники о чём-то заспорили, но ведьма прикрикнула на них, и они затихли, не двигаясь с места. Потом завязался второй разговор, куда более злобный. Наконец, ведьма, видимо, приказала охранникам бежать на подмогу, но сама с двумя латниками осталась на месте.

Я выждал, пока охранники удалятся на достаточное расстояние, и двинулся к воротам со всей скоростью, на которую был способен.

Когда до патруля осталось буквально пара шагов, ведьма, видимо, что-то услышав или что-то заподозрив, двинулась вперёд, будто что-то вынюхивая. Я всадил ей в лицо две стрелы и, выхватив косарь, хлестнул им ей по глотке, разрубив, фактически, пополам. Ведьма схватилась за лицо и осела. Я быстро отступил. Тем временем в бой вступил Дризт. Мощнейшая молния, ослепившая меня, ударила в одного из латников. Его дымящееся тело повалилось на землю. Единственный оставшийся в живых противник что-то заорал и сделал правильный выбор — бросился бежать к кузнице. Я выстрелил ему в ноги и тот повалился на землю. Я догнал его и принялся потрошить его глотку косарём, ежесекундно бросая взгляды на кузницу, но два стражника уже скрылись за дверью, а другие появляться не торопились.

За моей спиной пробежали Костя с Антоном. Добив стражника, я бросился за ними. У передних ворот слышались вопли, буря сместилась к общинном дому. Всё получалось как нельзя лучше — мы прорвались в обоих направлениях.

Осталось только окружить кузницу и дом, перебить оставшихся ведьм, освободить пацана...

— Что-то там многовато народу, — прокричал сквозь шум Костя.

— В смысле?

— Там мобов двадцать мельтешат!

Я выругался и припустил к дому.

Дверь выламывать не пришлось, она была открыта. В доме мы столкнулись с нашими. И судя по лицу Павла, хороших новостей у них не было.

...Когда пришло сообщение от нас, они напали. Убили охранников, ворвались в передние ворота. Потом ворота закрылись и им в тыл ударили не менее десятка латников и пяток ведьм. Их быстро оттеснили к дому, не оставалось ничего другого, кроме как забраться дом и пытаться сдерживать атаки. Юлино тело даже не удалось забрать.

— Мы в ловушке, — горько сказал Павел. — Они могут сделать, что угодно, даже спалить нас.

— Пробуем вырваться, — предложил Константин. — Прямо сейчас, чёрт с ним с парнем. Так у нас будет хотя бы фактор неожиданности. Быстрее, через задний ход, пока нас не успели окружить.

С оружием наголо мы бросились на улицу. Впереди бежали два воина, за ними все

герои поддержки, я шёл за ними, а замыкал процессию охотник.

Естественно, мы не успели.

По воинам хлестнул залп, но стрелы либо прошли мимо, либо их приняли на щиты. И тем не менее Люда упала на колени, широко раскрывая рот. Я схватил её, пряча себе за спину, и выстрелил в показавшуюся за каким-то сарайчиком ведьму. Её голова скрылась за стеной, а магичке стало явно лучше. Значит, дело в ней.

Под прикрытием стрел на нас двинулся плотный ряд из пяти латников.

— Отступаем! — крикнул Павел. Впрочем, можно было и не говорить.

Логан буквально свалился мне в руки. Из середины его лба торчала стрела, глаза друида закатились так сильно, будто он пытался рассмотреть торчащий из его затылка окровавленный наконечник. Я потащил тело за собой.

Алексей скастовал ледяную бурю, Дризт снял одну так некстати для неё высунувшуюся ведьму своей молнией, но, в целом, толком даже не приняв боя, мы сбежали. Закрыв дверь, Алексей с Михаилом принялись лихорадочно возводить баррикаду. Павел схватил меня за плечо и, бросив, «К главному ходу!» потащил за собой. С нами побежали Костя и Антон.

В передний ход действительно ломались противники. Вероятно, их предупредили о нашей попытке прорваться. Высунувшись из окна, я выстрелил в одного из арбалетов, а Павел бросил своё атакующее заклинание — три оглушающих, но наносящих слабый урон, ледяных шара. В одного из латников он даже попал, я добавил из арбалетов, и враги поспешили скрыться за кузницей, таща за собой раненого.

— Я останусь на часах, — сказал Павел. — Антон, ты тоже, если что протанкуешь.

— Форофо.

— Удачи, — кивнул я и вернулся к остальным.

Как мы и надеялись, на штурм дома противник не решился. Оставив второй труп — молния Дризта не утихала — под хлещущим с неба ледяным дождём латники отступили за баррикаду.

— Хрен с ними, — буркнул Костя, сплёвывая на пол.

— Не всё так плохо, — делано бодро сказал Алексей. — У нас есть жратва и незаметный убийца для атак в стан врага.

Я слабо улыбнулся и пожал протянутую руку. Откровенно говоря, я беспокоился за некро-друида больше, чем за всех остальных вместе взятых.

— Пошли, проверим дом, — сказал я, снимая мокрый плащ. — Пацан, надеюсь, где-то здесь.

— Сомневаюсь, — покачал головой Алексей.

И он был прав. Кроме мебели в доме ничего не было — ни еды, ни дров. В подвале я нашёл только сломанную ручку топора. Там же был потайной ход. Его запечатывало окровавленное голое женское тело, прибитое к двери в такой неестественной позе, что мне стало не по себе. В подвале так воняло смертью, что мы убрались как можно быстрее. И всё равно, даже минута проведённая там стоила нам сильнейшего головокружения и тошноты, причём, здесь явно была замешана магия.

Наконец, мы все, кроме двух стражников — Кости и Антона — собрались в центральной и, фактически, единственной комнате. В углу рядом с камином, предназначенным, судя по огромной печи в другом углу, для приготовления пищи на открытом огне, лежало накрытое плащом тело Логана. Наши друиды содрали с него всё ценное — пару зелий да оберегов.

Враги или мобы — как их упорно продолжали называть пара ребят — разбрелись. У обоих входов были выставлены дозоры из латника, двух лучников и ведьмы, остальные скрылись в кузнице.

— Ладно! — бодро сказал Павел, хлопнув себя по ляжке. — У чёрного входа нас слышат?

— Ага! — глухо откликнулся Костя.

— Ыа тофе, — буркнул Антон. Он развлекался тем, что вырезал из ножки стола кораблик. Очень неплохо вырезал, между прочим.

— Отлично. Основной вопрос на повестке дня: что мы, мать вашу, будем делать. Долго сидеть здесь не получится — той еды, что у нас с собой, хватит только на пару весьма скромных закусонов. Дом вычищен полностью, кажется, даже крыс убили. Возможно, жратва есть у наших друзей и подруг в кузнице и на улице, но, думаю, делиться с нами они откажутся. Значит, надо в ближайшую ночь, на худой конец сразу после рассвета отсюда валить. Это всем понятно?

Дальше. У нас тут превосходящие силы противника. Нас семеро, а там не меньше десятка латников, примерно столько же лучников и несколько ведьм. Основной проблемой являются ведьмы. Да-да, ведьмы. Видели, что случилось с Людой? Я об этом, оказывается, читал. Ведьмы, которые в том свитке назывались полумифическими — ха-ха! — существами, могут накладывать на людей проклятья. Что-то вроде Вуду, только вместо фигурок у них амулеты с высушенными органами, частями тела... ну вы поняли. Ведьма давит на амулет, а у человека, которого она видит, начинает отниматься рука, нога, останавливается сердце, начинается понос... При этом жертва испытывает сильнейшие муки. Так что нельзя попадаться им на глаза. А значит, ставка на незаметность. Убийца Алексей.

— Что прикажете, босс?

— Пока ничего. Пока будем думать. Дальше. У нас есть невероятной силы молния. И нам надо торопиться, коли она действует только сегодня...

— Не делай вид, что хочешь узнать наше мнение, — крикнул Костя. — Если есть план, выкладывай. А мы уже постараемся его улучшить.

Павел ничуть не смутился. В ТОМ мире он, кстати, физику вёл в средней школе. Думать детей учил. Вот только мы-то уже не дети.

— О-кей. План такой. Алексей, ты как можно незаметнее выбираешься наружу и заходишь тварям в спину. Твоя задача — вывести из строя хотя бы пару ведьм. Лучше всех четырёх, их, по моим подсчётам, уже не больше четырёх, но я могу и ошибаться. Дризт тем временем изводит мобов молниями. Коль они сегодня убивают с первого раза, то двух-трёх солдат он снимет. Если «мобы» не идиоты, а они не идиоты, то они поймут, что нас надо убить как можно скорее, и атакуют. Ну, а там уже как карта ляжет. Как вам?

— Сразу вношу изменения, — сказал я. — Я выбираюсь наружу и по кулдауну Скрытности набрасываю на мобов Метку. Кончается Скрытность — бросил Метку, ушёл в Скрытность. Дождался Метку... ну, и так далее. Дризт видит врагов и вырубает их молнией. Ну, а если они атакуют, будем смотреть, как лягут карты.

— Я за, — поднял руку Алексей.

— Я тоже, — пробубнил Константин.

— Все за, — кивнул Михаил.

— Отлично, — Павел резко кивнул и поднял вверх большой палец. — Теперь решаем

второй важный вопрос: мы атакуем с чёрного входа или с белого? Если переть в лоб, мы рискуем напороться на превосходящие силы. Если бить в тыл, мы, наверное, более или менее быстро убьём охранников, но остальные mobs могут успеть им на подмогу, а быть атакованными с тыла и флангов — удовольствие ниже среднего.

— Предлагаю вырезать тех, кто с заднего входа, — крикнул охотник. — Мы с Мишкой в это время будет сдерживать тех, кто там. — Он ткнул пальцев в сторону передней двери. — И из таверны вылезать, пока нас в разы меньше, я даже не собираюсь. Потом к нам приходит Антон, убийца заходит в хвост ведьмам и всем, кто там будет, и начинает их резать. Мы всех убиваем. Бах! Победа!

— Все за, — кивнул Павел. — Когда начнём?

— Да прямо сейчас, — сказал я, спрыгивая со стола. — Каминная труба, интересно, достаточно широкая?

— Причём тут каминная труба? — любопытствовал Павел.

— Буду Санта-Клаусом наоборот — выберусь из трубы и начну наказывать плохих мальчиков и девочек.

Алексей только коротко хихикнул.

Карабкаться по дымоходу в плаще было неудобно, но без него я не рискнул: надеяться только на Скрытность глупо, к тому же, если вступить в бой, она пропадёт, и тогда без Плаща Теней я не протяну и нескольких секунд.

В нос сразу набилась зола, и я пару раз останавливался, чтобы чихнуть. Чудовищно хотелось почесать нос, но руки мгновенно покрылись сухой мелкой золой со скоб, поэтому оставалось только ругаться в полголоса. Вряд ли меня слышали mobs: ветер порой выл так, что казалось, будто сотни людей собрались у таверны и одновременно зарыдали. В темноте, в замкнутом пространстве это было не самой приятной ассоциацией, и я решил ускориться.

Когда мои глаза очутились над краем трубы, я набросил Скрытность и осторожно принялся выбирать. Оперев локти на кладку, я вывалился из трубы, работая поясницей, в какой-то неестественной позе сполз на черепицу и шмыгнул за трубу. Вряд ли кто-нибудь смог бы меня увидеть в такую темень, да ещё и под действием Скрытности, но лучше не рисковать. Три или четыре раза чихнув, я осторожно отряхнулся и высунулся, проверяя, на месте ли наши сторожи. И ни хрена не увидел — слишком большой участок обзора скрывала крыша. Пришлось лечь на живот и ползти к самому краю крыши. Можно было, конечно, встать, меня бы, скорее всего, не заметили... Но, если бы заметили, я бы получил недурственную изжогу или даже сердечный приступ.

Рядом, буквально в нескольких сотнях метров, ударила молния. За ней последовал оглушительный гром. Два резких порыва ветра чуть не сдули меня с крыши, а после третьего я чуть не остался без плаща. Вжавшись лицом в черепицу, я какое-то время лежал, а когда ветер немного успокоился, сполз на край крыши. Теперь оставалось только спокойно лежать и ждать, пока кто-то из противников высунется.

Ждать пришлось недолго. Раздался ещё один раскат грома, и из-за баррикады выглянул лучник, вероятно, решив, что виновниками молнии выступили мы. Что ж, следующая...

Меня ослепило. Громыкнуло так, что я едва не поддался панике и не свалился с крыши. Повернув голову влево, я увидел, как на краю хутора занимается небольшой сарай. Молния ударила, судя по всему, в него. Я ругнулся про себя. Не решились бы враги, что это из-за нас. Впрочем, кругом сырость, вряд ли дело дойдёт до серьёзного пожара.

Я снова уставился на охранников. Те явно забеспокоились. И что делать? Ждать, пока

поутихнут? А если они действительно решили, что мы готовим нападение, и сами сейчас же нападут? Чёрт возьми, судьба всей пати сейчас зависела от моего решения...

Поэтому я повесил Метку на ведьму, на миг выглянувшую из-за своего укрытия. Дриззт действовал без раздумий. Громыкнуло так, что заложило уши, и очередной порыв ветра наполнил мои ноздри отвратным запахом горелого мяса.

Две с половиной минуты до следующей Метки. Вопрос только в том, что враги будут делать эти две с половиной минуты?

Враги пока решили не лезть на рожон. Ну тупые...

Тем временем, несмотря на сырость, потихоньку разгорался пожар. Порывы ветра не сбивали, а раздували огонь. Сквозь грозу и вой я начал слышать горячее потрескивание горящего дерева. Это было плохо, очень плохо.

Ничто не идёт по плану. Всё летит в...

Раздался пронзительный, резонирующий визг. Когда он затих, на миг мне показалось, что я оглох. Ещё один удар грома. Грохот, заставляющий инстинктивно сжаться в комок и закрыть глаза, спасаясь от всепоглощающего животного страха.

Я открыл глаза, приподнял голову.

И чуть не закричал, отшатываясь назад. Прямо перед моими глазами было плоское безносое лицо. Большие тёмные глаза без зрачков, редкие развивающиеся патлы, лягушачий рот, растянутый в улыбку, открывающую плотный ряд мелких острых зубов.

— Приветик, — прошипело существо, обдавая меня вонью гниющего мяса. — Чего прячемся?

И в тот же момент с обеих сторон таверны послышался дружный крик:

— Вперёд!

Вот теперь точно всё летит в тартарары.

Я скастовал Плащ Теней и покатился по крыше. Плечо провалилось, я на секунду остановился, а после, понимая, что либо пан, либо пропал, резким рывком сбросил своё тело с крыши. Туда, где я лежал, вцепились две человеческие руки. Причём, тела при них не было. Я хладнокровно наблюдал за ними, терзающими черепицу, потом перевернулся в воздухе ещё раз, дыхание перехватило, и я врезался локтями и коленями в землю. Приземление было неприятным, но не смертельным. Я вскочил на ноги и бросился навстречу латникам, выхватывая на ходу арбалеты.

Мимо просвистели две стрелы. Целились, вероятно, в меня, но Плащ меня спас. Я разрядил арбалеты в одного из воинов. Чёрт знает, куда я ему попал, но тот тяжело завалился вперёд. Рукоять арбалета в зубы и быстро-быстро перезаряжать второй...

В плащ что-то крепко вцепилось. Меня дёрнуло назад, чуть не задушив завязками. Я инстинктивно раскрыл рот, роняя арбалет, но во втором уже был заряжен болт. Резко развернувшись вокруг своей оси, я почти не глядя выстрелил. Но промазать было сложно — зубастое существо уже было от меня в двух метрах. Болт немного замедлил её, я дёрнулся в бок, чтобы уйти от столкновения, но запутался в плаще, который держали неестественно длинные руки ведьмы, и, фактически, воткнулся в летающую тварь. Я выхватил косарь, сжал тварь левой рукой, но правой мешал плащ, и я чуть не воткнул клинок себе в брюхо.

— Не дёргайся, родной.

Её руки обвили моё тело. Вонь тухлого мяса стала просто невыносимой. Я зашипел, стараясь вывернуться, но хватка твари была буквально стальной. По моей спине будто бы пробежал кто-то обутый в ботинки с гвоздями, торчащими из подошв, и в плечи мёртвой

хваткой вцепились две когтистые пятерни. Я сквозь зубы застонал от боли.

Мимо протопал латник, а за ним пробежали ещё двое. Судя по всему, пока мы готовили план атаки, нас окружали, ожидая, пока в их рукаве не появится козырь в виде вонючей твари, когда-то бывшей женщиной.

— Какой ты хлипкий, — шипела мне в лицо неживая ведьма. Я видел её белую мёртвую кожу с незаживающими ранами, грубо заштопанными дратвой. Её тело было будто сшито из множества разных кусков плоти. Возможно, так оно и было. Ведьма тяжело дышала мне в лицо. Теперь с запахом разложения смешался смрад никогда не чищенных зубов. — Дай-ка я посмотрю на твою мордашку. — Когтистые пальца вцепились в маску и одним движением сорвали её, оставив на скулах глубокие царапины. — Симпатичный. Но слишком хлипкий. Тонкие кости, тонкая кожа. Слабые зубы и слабые ручки. Сладкий человек. Но я чувствую твою злобу. Да, я чувствую, как она бурлит в тебе. — Её зубы буквально уткнулись мне в нос.

Мои плечи терзали острые когти, грудь железными оковами сжимали две длинных, изуродованных руки, больше похожих теперь на пожарные рукава, я задыхался от смрада. Руки прижаты к телу, не вывернуться.

Багровые пятна кружились, сливаясь, исчезая и вспыхивая вновь.

— Нет, убийца, я не позволю тебе сделать этого.

Лицо ведьмы приблизилось ещё сильнее, я почувствовал на своей коже её густое ледяное дыхание. Мою шею пронзила боль.

Багровые краски потухли. Теперь мой взор застилала серые пятна, темнеющие и увеличивающиеся с каждым мигом. Знакомое чувство. Раньше бы женский голос внутри моей головы завизжал, что я нахожусь под действием сильнеешего кровотечения, Плащ Теней рассеян, а выносливость истощается бешеными темпами.

Кажется, я умирал.

Это было больно, очень больно. Моё тело билось в конвульсиях, меня не слушали ни руки, ни ноги.

Но даже эта боль не могла сравниться с той, что я испытал, когда мне в спину вошёл меч. Ведьма отпрянула от меня, но слишком медленно. Окровавленное острие хищно высунулось из правой половины моей груди и вошло ей под левую грудь. Ведьма заверещала, обдавая моё лицо смрадом и слюной, и дёрнулась назад. Хватка на моих плечах ослабла, а после и вовсе исчезла. Я стоял тупо глядя на окровавленный клинок, торчащий из моей груди. Через миг он резко пошёл назад, причиняя мне ещё большую боль. Я дёрнулся назад, но мне что-то упёрлось в поясницу, за этим последовал резкий рывок меча. Меня чуть не опрокинуло вперёд, я склонился, стараясь удержать равновесие. Из раны хлынула кровь. Меня кто-то толкнул в бок, и я покатился по земле.

Но какие-то крохи сознания всё ещё не угасли во мне. Остановившись, я набросил Скритность и потянулся к поясу. Внутренний голос истерически визжал о том, что у меня остались секунды на то, чтобы что-то сделать.

Сорвав с пояса зелье выносливости, я прикончил его в два глотка. В глазах темнело всё больше и больше, дышать было сложно, тело едва меня слушалось. Но это ещё не конец, нет. Нет! Я ещё потрепыхаюсь, я ещё всем покажу. Я схватил второе зелье, потом третье — последнее. Истерика в моей голове сходила на нет, но этого всё ещё было недостаточно. А зелий здоровья у меня уже не осталось. Это злило меня. Очень. Я должен был посмотреть на того, кто проткнул меня мечом, должен! И не просто посмотреть, нет-нет...

Серые пятна знакомо побагровели.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я с трудом поднялся с земли. Беспольный плащ болтался на плечах. Сорвав его, я обмотался им и кое-как стянул на груди. Всё равно пришлось поддерживать его левой рукой — всё-таки кожа не тряпка, не завяжешь. Кровотечение постепенно останавливалось.

«О-о, мой герой! — раздался в голове весёлый голос, который я не слышал уже несколько недель. — Да ты растёшь! Теперь ты почти настоящий Убийца! Уровень твоей Злобы вырос в разы, теперь ты сможешь использовать умения совершенно бесплатно, а твои параметры выросли! Руби их, мой сладкий, терзай и разрывай! Чмоки!».

Злоба выросла в разы? Вот как? Что-то раньше о подобном никто ничего не говорил. Что ж, тем лучше для меня. Я расхохотался. И уже через секунду согнулся в резком приступе рвоты.

Вытерев рот, я выпрямился. Никаких кровавых пятен перед глазами. Кровью был заполнен буквально весь мир. Кровь лилась с неба, текла по земле, кипела в сердце этого мира. Великолепно. Я отшвырнул плащ и выхватил из ножен тесак. Теперь можно продолжить драку.

Вокруг царил ад. У чёрного входа развернулась настоящая бойня: не меньше полудюжины мобов смешались с четырьмя игроками, причём двоих из них я не знал. Весь двор позади меня поливал ледяной дождь, сухо трещала молния. Насколько я понял, к противнику прибыло подкрепление, и не только ведьма: один из латников носил шерстяной плащ, а на его левой руке висел вычурный щит с какими-то шипами по бокам, что не очень-то хорошо в настоящем бою.

Ах, да. Ведьма. Где эта сука?

Я огляделся повнимательней. Вот она. Пляшет у угла таверны с тощим парнем в лёгкой кольчуге, вооружённым длинным тонким мечом и кинжалом. Из её левой руки медленно сочился гной, а лицо превратилось в гнойную маску: носа и правой щеки у неё не было. Я проверил кулдаун заклинаний и бросился бежать к месту схватки. Выносливость всё ещё была понижена, но медленно восстанавливалась. Во всяком случае, на раненую нежить должно хватить.

Я зашёл ведьме в тыл, бросил на неё откатившуюся Метку. И через мгновение чуть не запутался в неестественно длинных ростках мёртвой травы. Значит, Алексей всё ещё был жив. Через секунду где-то рядом хлестнула молния. Вслед за сухим звуком грома — молния подействовала не так хорошо, как раньше — послышался душераздирающий визг. Визжала ведьма, стоящая на коленях. Она свалилась на землю, её одежда горела, от тела шёл зловонный пар. Мечник сориентировался быстро. Резко шагнув вперёд, он разрубил пополам её голову. Визг затих, но ведьма всё ещё дёргалась, и не думая падать. Я подошёл сзади, ухватил её за редкие волосы и полоснул по горлу. Лезвие глубоко впилося в её мёртвую плоть, вгрызлось в позвоночник, и у меня в руках осталась половина ведьмовской головы. Смердящий труп покачнулся и повалился на землю.

— С тобой, выродок, я ещё поговорю, — прошипел я мечнику, немного ошеломлённо смотрящему на меня. Но парень быстро взял себя в руки.

— Позже, — коротко сказал он и бросился к месту рубки.

Плащ Теней без плаща не действует, так что лезть в драку с латниками не резон. Да и время для восстановления выносливости лучше потянуть. Поэтому я набросил Скрытность, подобрал арбалеты и обогнул дом.

У главных ворот бушевала ледяная буря, тут мне делать совершенно нечего, и я решил

обойти её по широкой дуге, чтобы ненароком не зацепило. Зайдя за дом, я неожиданно для себя наткнулся на девушку и двух парней. Девушка-друид, маг и воин.

— Привет, — сухо сказал я.

Девушка взвизгнула, воин дёрнулся, а маг запустил в меня какой-то хренью, похожей на чёрный шарик, но я успел увернуться. Знакомое приветствие.

— Я игрок, — буркнул я. — Чем помочь?

Воин с магом переглянулись. Лица у них были... немного пристыженные что ли. И, кажется, я понимал, в чём дело. Они перепутали меня с местным. Возможно тот воин — тоже.

Наконец, маг сказал:

— Мы накрыли лучников, но убили только троих из пяти, остальные прячутся за той перевёрнутой телегой. Мы их сдерживаем, но долго это продолжаться не может.

— Когда я подам знак, снимайте каст.

— Договорились.

Я приблизился к телеге. Лучников заметил почти сразу — разгоравшийся пожар давал достаточно света.

Звуки боя у заднего входа уже затихали. Кажется, дело идёт к победе? Скорее всего. Что ж, приблизим час триумфа. Уж с лучниками-то в ближнем бою я справлюсь. До отката Скрытности ещё долговато — минута. Чёрт, прошло только три минуты с того момента, как меня увидела ведьма! Что делать? Ждать? Боюсь, нет времени, мало ли, сколько резервов у противника. Свежее подкрепление вполне может перевернуть исход боя не в нашу пользу. Но без Скрытности-то я вообще никто... Всё-таки придётся ждать. У меня есть отравленный тесак и арбалеты, рискнём. Дождавшись, пока перезарядится Скрытность, я крикнул:

— Давай! — но меня заглушил очередной раскат грома. Пришлось повторять и только после этого использовать способность.

Вихрь из мелких льдинок, похожий на тот, что у тётки, но куда более мощный, мгновенно прекратился. Я разрядил арбалеты в одного из лучников. Тот дёрнулся и свалился на спину. Неровный свет пожара, перекинувшегося и на другие постройки, причудливыми тенями и красками сделал его мажор угнетающе жутким. Но не мне бояться мёртвых местных. Я принялся перезаряжать арбалеты.

Второй лучник задёргался. Он высунулся из-под телеги и метнулся вбок, под прикрытие наваленного кучей скарба. Я швырнул в него Ослепление, но оно ударило в телегу. Перезарядив арбалеты, я трусцой подбежал к укрытию. Вот и он. Сидит, забившись между двумя бочками и сундуком. Его лук был натянут и смотрел мне в лицо, но лучник меня не видел. Я обошёл его сбоку и разрядил арбалет ему в висок. Просвистела пущенная стрела. Гроыхнул гром. Мои ноздри опять наполнились гарью.

— Здесь больше никого, — сказал я, оглядевшись. — Пойду помогать остальным.

Взобравшись на крышу, я увидел, что всё идёт к концу. Латников осталось трое, и они отступали. Тот, что был с шипастым щитом, плёлся к открытой двери. Кажется, ни щита, ни меча у него уже не было, но он будто что-то нёс перед собой. Что — я не мог разглядеть. А в какофонии, царящей на хуторе — лязг железа, вой ветра, гром, треск огня, крики — мало что можно было различить. Скорее всего, он держал кого-то в заложниках, и я даже догадываюсь — кого.

Я спустился с крыши и подозвал троицу, дежурившую за домом. Те короткой перебежкой добрались до переднего входа и спрятались за дверью. Теперь пути к

отступлению отрезаны уже для мобов.

— Готовьтесь, — шепнул я. — И в меня не попадите.

— Да где ты, мать твою, стоишь-то? — проворчал маг.

— Прямо перед тобой.

— Отлично, блин. Я тебе сквозь жопу смотрю?

— Скорее сквозь икры. Ладно, если из двери выбежит кто-то большой и опасный — убивайте. Если пацанёнок, только попробуйте тронуть.

— Да знаем мы, — буркнул маг. — Мы их пару дней выслеживали.

Я про себя цыкнул. Без пришельцев мы бы не справились. Но не попробуют ли они после боя перебить нас, чтобы забрать всё себе?

Я вошёл в дверь, одновременно активируя Скрытность. У передней двери толклись пара латников, ведьма и тот тип с расфуфыренным плащом. Но мальчишки не видно.

— Мы отдали пацана! — орал он. — Пощадите!

— Конечно, — раздался незнакомый голос.

И дом буквально взорвался.

Я поднялся из кровавой грязи и кое-как нашёл свой тесак. Голова кружилась, ноги подкашивались, я чувствовал страшную слабость. Раны затянулись, по крайней мере, на груди остался только алый шрам, но внутри всё горело огнём. Вряд ли в таком состоянии из меня выйдет хороший боец.

А ведь очень может быть, что воевать придётся с секунды на секунду.

Сквозь звуки бури и мы, и пришлые кое-как провели перекличку и собрали своих. Дризт не откликнулся — у парня не доставало головы и правой руки. Больше жертв не было, незнакомцы и вовсе отделались только небольшими ранениями.

— Войдём по крышу! — крикнул Павел, указывая левой рукой на полуразрушенный дом. Правой он прижимал к себе Юлино тело. Костя с Михаилом потащили в дом Дризта.

Мы собрались в более или менее уцелевшем углу здания. Семеро наших, семеро пришельцев. Два воина, берсеркер, два друида, маг, охотник. И незнакомые игроки выглядели явно посвежее нас, да и уровни, насколько я смог их оценить, у них повыше. А оружие и вовсе отличное.

И они, и мы скучковались со своими. Не слишком-то показывая агрессию, но и дружелюбия никто не проявлял. Я больше всего не показывал своё дружелюбие тому типу, что проткнул меня мечом.

Мы молча наблюдали, как Павел положил тело Юли к Логану и Дризту. Он закрыл ей глаза и накрыл тело своим плащом. Я только сейчас вспомнил, что они были не просто сопартийцами. Чёрт, а он ещё умудрялся командовать нами, составлять какие-то планы...

Но внешне глава нашей пати выглядел непробиваемо.

— Сначала, конечно, хотелось бы поблагодарить за столь своевременную помощь, — проговорил он, протягивая руку берсеркеру.

— Не за что, — ответил тот, крепко сжимая ладонь друида. Кажется, они успели познакомиться. — Вообще-то, мы не к вам на помощь шли, а выслеживали того типа в плаще, у нас контракт на его убийство.

— Всё равно спасибо. Без вас нам бы несдобровать.

Я хотел вставить, что и с ними-то получилось не очень, но промолчал. Если моя личная обида приведёт к гибели пати, то лучше помалкивать в тряпочку.

— Вы тоже неплохо сражались, — кивнул берсеркер, принимая благодарность.

Наступила напряжённая тишина. Кажется, драться никто не собирался. Но никто не спешил начинать разговор, ради которого, в общем-то, все здесь собрались — как мы будем делить добычу.

Тишину нарушил тот мечник. Он вышел ко мне и, протягивая пояс с не менее чем десятком зелий, сказал:

— Вот, меньшее, что могу сделать. Извини. Я перепутал тебя с мобом, богом клянусь.

— Да ничего, — пробормотал я, принимая пояс. — Там в любом случае не попасть в меня было сложно.

— Ха, мы тоже чуть не спутали его с мобом, — хмыкнул маг. — Но я тебе зелья не дам.

— Ты в меня своим кастом промазал.

Берсеркер и Паша перекинулись быстрыми взглядами, видимо, опасаясь конфликта, но

обстановку разрядил Алексей.

— Ха, тёзка, так ты уже дважды шашлык! Покажи-ка пузо! Может, мы тебя в голодный год съедим? — и некро-друид принялся хохотать. Шутка была невесть какая, но смех у Алексея чертовски заразительный.

— Предлагаю отметить победу, — сказал берсеркер, доставая откуда-то из своей сумки бурдюк. — Лут предлагаю делить поровну. Но если кому какая вещь будет идеально подходить, то никто с ним драться не будет.

— А квесты каждому свои, — предложил Павел, кивая в сторону Смоги, прячущегося за спиной Люды. Наверное, она казалась ему наименее опасной из всех. Я про него после того взрыва и думать забыл.

— Согласен. Нам голова того уroda, вам мальчишка.

— У кузницы все стены остались, и крыша целая, — подал голос кто-то из пяти берсеркера. — Предлагаю перебраться туда. Да и поглядим, может, что из съестного и выпивки нам в наследство осталось.

— Помянем погибших, — сочувствующим голосом предложил берсеркер.

Предложение поддержали единогласно.

Пока я под ускорением от Плаща Теней (обычный плащ пришлось одолжить у Кости) бегал за нашими сумками, брошенными в укромных местах перед штурмом, остальные похоронили погибших и провели инвентаризацию доставшегося нам добра. Еды и выпивки было навалом, оружия — тоже, но делёжку самой ценной добычи решили оставить назавтра. Из еды была в основном солонина да овощи, но кто-то вспомнил, что есть и свеженина: в повозку был впряжён конь, бедолага погиб, когда началась драка.

В кузнице было тесновато, но мы кое-как разместились. Разлили выпивку. Молча выпили за погибших. Алексей похлопал Пашу по плечу, тот судорожно всхлипнул, но плакать не стал. Дальше тосты пошли за победу, но веселье, что называется, было безудержное — мы устали, многие были ранены, кроме того, о себе давала знать та стычка с птицами: у Антона поднялась температура, и он ушёл спать. Мальчишка, перекусив, отправился за ним. Он хоть и был напуган, но когда узнал, что нас прислала Гая, приободрился.

Потихоньку мы познакомились. Берсерк звал себя Трясучка, тот парень, что меня проткнул, Лuffи. Тёмная Мать, Чертовка, Хрипун, Эльрик... Ни одного настоящего имени (впрочем, кто бы говорил). Ребята искренне верили, что они в игре, пусть и сломавшейся. Или заставляли себя верить в это. Наверное, так им было проще.

— Нужно договориться, где встретимся, — говорил Трясучка, набивая рот варёной кониной. — Восьмером вам здесь делать нечего. А у нас настоящий клан, Серверная Рать. Больше восьмидесяти человек, между прочим.

Мы заняли несколько разорённых деревень у старого замка здешнего ярла. Хотели, конечно, забрать замок, но жить там невозможно... — Берсеркера передёрнуло. — Этот Нервил — редкостный мудака.

— Я бы даже сказал — полное чудовище, — угрюмо добавил Эльрик, тот маг, что атаковал меня.

— Или так. В общем, замок-то хоть и разорён, но цел... Но вот, что там осталось внутри... Будто скотобойню остановили посреди рабочего дня и, побросав всё, разбежались. Вот только вместо скота там были люди. — Трясучка тяжело вздохнул. — Вероятно, это работа ведьм, но Нервил явно им не препятствовал, если местные не врут, а я сомневаюсь,

что они врут. Короче говоря, Нервил с ведьмами проводили там какие-то ритуалы, а когда закончили, увели всех самых сильных на южную оконечность полуострова. Тех, кто не пошёл с ними, либо убили, либо бросили.

В общем, мы заняли несколько ближайших деревень. Вычистили леса от всякой нечисти и нервиловских недобитков, собрали припасы. В общем, обосновались как следует, но так, чтобы сняться с места в любой момент — вероятно же, что и эти локации закроют. И буквально через несколько дней к нам потянулись неписи. Мы специально их не трогали, обещали защиту, просили только, чтобы они на нас работали. Создали, в общем, эдакое квазигосударство. И сработало. Мы здесь всего около полутора месяцев, а на нас работает не меньше тысячи мобов. С женщинами проблем нет, так что никакого принуждения...

— Местные в плане строение тела от наших ничем не отличаются, — усмехнулся Луффи.

— Пару эксцессов, конечно, было, но у нас тут мораториев на смертную казнь не вводили. В общем, если придётся нам сниматься, а сниматься придётся, мы пойдём настоящей армией — с фуражом и при полной поддержке местных. Если вас такое не устраивает, дело ваше, мы других игроков не трогаем, если не беспределят на нашей территории, конечно. Но ещё раз говорю — группы вроде вашей здесь долго не живут.

В первых локациях что было? Вот босс с кучкой приспешников, вот просто пачка мобов, вали их, собирай опыт и лут. Никто не объединяется, если ты вырезал какого-нибудь злыдня с шайкой, злыдень-сосед за него впрягаться не пойдёт. В общем, полная анархия. Здесь же происходит целенаправленное насилие, и у главного босса несколько сотен приспешников. Мы не уверены, что своим кланом его осилим.

— Преимущества большой группы мы уже поняли, — кивнул Павел. — Так что мы, конечно, подумаем над твоим предложением. Думаю даже, что мы его практически уже приняли. Но у меня вопрос: что делать дальше? Государство, армия, слуги — это, конечно, хорошо. Но дальше-то что?

— Цель любой игры — её прохождение, — пожал плечами Трясучка. — И мы собираемся её пройти. Вероятно, в дальнейшем придётся присоединиться к другому клану. Так что мы в любом случае снимемся с места. И вот тут-то, в общем, и начинается проблема.

Все пути с полуострова перекрыты Нервиллом. Где-то на востоке есть какое-то ущелье, ведущее на материк, но там настоящий замок. И... это, в общем, не наша территория. Второй путь — лодки и драккары. А они все либо сожжены, либо у Нервила. Так что с ярлом воевать придётся. К тому же, мы пообещали местным, что уберём его.

— И гадить он нам помаленьку начал, — добавил Луффи. — Никто пока не погиб, но пара стычек была.

— А проскочить в другом месте не получится? — спросил Павел.

— Нет, — покачал головой Трясучка, — только ущелье и море. Игровые условности, куда от них деваться?

— А с другим кланом, в общем, не всё так сладко? — ухмыльнулся я уголком рта.

— В общем, да, — кивнул берсеркер. Видимо, этой темы он собирался избежать.

— А в чём проблема?

— Да, уроды они и все дела, — буквально прорычал Эльрик. — Что тут обсуждать-то? Резать таких сволочей надо.

— Но у нас шаткое перемирие, — резко напомнил ему Трясучка. — Ну да об этом после. Я гляжу, кое-кого уже срубает, так что давайте-ка сделаем так, чтобы срубало всех.

Мы подняли тост за будущее сотрудничество.

Где-то через полчаса я вышел на улицу, подышать. Погода немного успокоилась, шёл моросящий дождь. У могил я рассмотрел тёмную ссутуленную фигуру. Поразмыслив, подходить не стал, сочтя, что Паше сейчас лучше побыть одному со своим горем. Конечно, это далеко не первая смерть, которую мы видели. Мы потеряли десятки знакомых, несколько друзей... Но некоторые смерти оставляют в душе куда больший след, чем сотни других.

Когда я возвращался, Павла уже не было. Зато меня встретила Тёмная Мать — одна из тех, кто меня чуть не пришёл перед домом.

— Я тоже хочу извиниться за нападение, — сказала она, пьяно опираясь на мой локоть.

— Да брось, проехали. К тому же, от вас-то мне даже и не досталось.

— Ты не понял. Я хочу извиниться.

Я на миг запаниковал, когда её мокрые горячие губы коснулись моих, но уже через секунду успокоился. Это было мне знакомо.

Как-то странно понимать, что ты не девственник, и заниматься сексом, фактически, впервые. Потеря памяти иногда становится занимательной вещцей.

Смерть II

Мы вышли в дорогу уже ближе к полудню. С полными животами, потяжелевшими сумками и в новых штотках. Мои раны затянулись так, будто их и не было, да и боль отступила. Я заменил тесак, взял новую маску чумного доктора и новый плащ-палатку. Пара новых уровней и новая одежда положительно сказались на моей статистике, а полное брюхо и ночной секс — на настроении.

Чего не скажешь о Павле. Он полупьяный брёл в хвосте отряда, раз за разом прикладываясь к бурдюку с вонючим, но крепким вином. Судя по покрасневшим глазам, спал он не дольше пары-тройки часов. Мы помалкивали, хотя даже убитый тем же горем Антон более или менее держал себя в руках.

На этот раз через заросли решили не идти. И с птицами встречаться не хотелось, и прицеп в лице Смоги мешал. Гая вряд ли обрадуется, если мы притащим ей полумёртвого израненного мальчишку.

— Ладно, — буркнул я, когда мы остановились у зарослей кустарника, — я поищу обход, а вы никуда не уходите.

— Всё как всегда, — пожал плечами Алексей.

Я наскоро проверил снаряжение, бросил сумку и, набросив Плащ Теней, припустил вдоль зарослей.

Чёрт знает, что это за кустарник, но у меня сложилось впечатление, что его посадили специально. Возможно, жители хутора хотели таким образом обезопасить себя от разбойников и прочих криминальных элементов. Я нашёл свободную от зарослей зону только в полутора километрах на запад от стоянки, да и там пройти можно было с трудом: у подножья холма было нагромождение острых камней, из-под которых вытекала река, превратившая в натурально болото несколько ближайших полей.

Проходить здесь не хотелось, но прежде чем проводить разведку в другом направлении, нужно проверить, годится ли эта местность для прохождения. Не факт, что на востоке вообще будет проход.

Я поменял Плащ на Скрытность и медленно полез через камни. Если не перчатки, я бы наверняка пару раз рассёк ладони до самой кости, настолько острыми были края камней.

Добравшись до ручья, я спрыгнул в воду.

В мои сапоги чуть выше щиколоток вцепились две бледные руки. Утопленница опрокинула меня на спину, буквально выдернув землю из-под моих ног, и потащила на глубину. Если бы вода не отполировала камни, я бы наверняка лишился плаща, а может и всего мяса на спине и затылке. Зато эта вода теперь скрывала меня с головой, а жабрами я пока не обзавёлся.

Извернувшись так, что затрещали кости, я всадил в Топлюше стрелу. Она на миг отпустила меня, но этого было достаточно, чтобы я успел вскочить на ноги. Плащ Теней, Слепление, Яд. Утопленница зашипела мне в лицо и вскочила на ноги. Каким образом она умудрялась плыть так быстро в потоке, глубина которого едва ли достигала сорока сантиметров — для меня загадка.

Положение у меня не выгодное: в воде Топлюша наверняка сильнее, а я только стеснён в движениях. Но что-то как будто поменялось. Я чувствовал, что ей не победить меня. Возможно, дело в новых уровнях и шмотках. Да и выглядела утопленница, откровенно говоря, не слишком-то воинственно — изодранное платье едва прикрывало её тело, на бледной коже видны толстые розовые шрамы, а в единственном глазу читалось скорее отчаянье, чем воинственность.

— Ты — мой! — буквально простонала Топлюша.

— Нет, — покачал я головой и ухмыльнулся. — И ты это знаешь. Тебе меня не победить.

— Я не хочу тебя побеждать, — прошептала утопленница, — я хочу, чтобы ты любил меня. Как... как... как ту шлюху вчера! — её голос резко сорвался на визг. — А я ведь красивей! Ну, посмотри, красивей ведь! И я ведь тебя люблю!

Кажется, я сошёл с ума. Но драться с ней я передумал.

— Ты красивей, — кивнул я. И это была чистая правда. Если не считать последствий двух наших прежних... гм... встреч. — Вот только выдерни хотя бы из глаза наконечник копья.

Топлюша ойкнула и с хрустом выдернула из глазницы наконечник.

— Ой, а я думала, почему я так плохо вижу.

— В воду-то не посмотрелась?

— Я не отражаюсь в воде, — фыркнула утопленница, бросая обломок копья в воду. — Теперь я хорошо выгляжу?

По её лицу стекала бледная сукровица вперемешку то ли с гноем, то ли с ядом.

— Выглядишь отлично. Вот только... мы не можем быть вместе. Может, останемся друзьями?

Это Топлюше явно не понравилось. Она что-то проворчала и насупилась, сложив руки на груди. Думала она секунду.

— Придётся заставить тебя.

— А сможешь? — вздохнул я.

— Попробую, — обречённо сказала Топлюша.

Я выстрелил из арбалетов, но утопленница ушла от стрел и атаковала. Я встретил её ударом тесака, метя в живот. Лезвие распороло лохмотья, едва зацепив кожу — всё-таки в воде моя противница двигалась очень быстро. Она схватила меня в охапку, прижимая руки к груди. Но на сей раз у меня было средство от обнимашек. Я боднул Топлюшу в лицо. Заточенный клюв маски разодрал ей щёку. Утопленница взвизгнула, отступила, отпуская

меня, и в этот момент я рубанул ей по ноге, разделявая бедро до самой кости. Девушка взвизгнула и тяжело рухнула в воду.

Я поднял тесак, чтобы добить её. И почти сразу опустил. Хватит с меня смертей влюблённых дурочек.

Она сидела в воде и тихо плакала, зажимая щеку ладонью. Её единственный глаз светился от боли и непонимания. Она даже не пыталась сбежать.

Сумасшедшая утопленница в роли сталкерши, каково? Мне что-то не смешно.

— Уходи, — сказал я, засовывая тесак в ножны. — Если хочешь понравиться парню, не нужно пытаться сначала утопить его. Это я так на будущее. Меня больше не преследуй. В следующий раз я с тобой разговаривать не буду, просто убью, поняла?

Топлюша кивнула и, разрыдавшись ещё сильнее, исчезла в воде. Как сквозь дно провалилась.

Я дошёл до края болота, каждую секунду ожидая нападения, но утопленница не появлялась. Прикинув, сколько мы потеряем времени, если пойдём в другую сторону, я решил, что мы пройдем здесь.

Когда я вернулся, Павел уже был в такой кондиции, что пришлось тащить его на себе.

Старуха расплакалась, когда мы притащили парня. Смоги сначала мужественно всхлипывал, вытирая скупую мужскую слезу ладонью, но потом всё-таки заревел в голос. Натерпелся мальчишка за эти недели столько, что врагу не пожелаешь. Расправу над жителями хутора ведьмы устроили на его глазах, о чём дрожащим голосом он рассказал нам ещё в дороге.

Выслушав историю об островке спокойствия под управлением Серверной Рати, Гая только фыркнула.

— Останемся здесь, — сказала она. — Теперь нас не найдут. Не хочу ни с вашими связываться, ни с нашими. Время беспокойное. Да и что будет, когда вы уйдёте? Даже если вы убьёте Нервила, на его место сразу найдётся несколько претендентов, а такие дела в наших краях решаются только на мечах.

Нам отдали награду, которая теперь выглядело откровенно блёкло, а вечером Гая закатила настоящий пир. Не забыв намекнуть, что завтра она видеть нас не хочет.

В самый разгар ужина ко мне подошла Рилай.

— Выйдем, — шепнула она.

Я пожал плечами и последовал за ней. Никто и внимания не обратил.

— Куда мы идём? — спросил я на улице.

— Увидишь.

— Содержательный ответ.

— Я тебя не языками чесать звала, — сварливо отозвалась горбунья.

Мы шли минут пятнадцать. Как оказалось, местом назначения был тот дуб, у которого мы встретили Гаю и детей в прошлый раз. Видимо, старуха в прошлый раз порядком хотела нас запутать.

— Если бы бабка узнала, что я веду тебя сюда, она бы меня убила, — сказала Рилай. — Хотя, сейчас-то уже наплевать.

Она положила руку на кору и что-то тихо зашептала себе под нос. Это продолжалось около минуты. Потом что-то тихо ухнуло под землей, и меня ослепило короткой вспышкой.

— Не заставляй меня ждать, — едва ворочая языком от слабости, проговорила горбунья.

В глазах троилось. Земля шаталась под ногами. Знакомо, очень знакомо.

— Бабке приходится стоять здесь не меньше получаса, — с гордостью в голосе сказала Рилай, — но она ослабела к старости. А физические, — губы девчонки горько скривились, — уродства порой положительно влияют на силу. Ну, чего стоишь?

Шатаясь, я шагнул за ней.

Мы стояли на болотном островке. В центре острова возвышался камень, формой отдалённо напоминающий сердце. Сам островок покрывала редкая короткая трава, но у камня земля была совершенно лысая.

— Здесь Корд всегда встречал Алу, когда они шли убивать очередного бога.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, сглатывая.

Я задыхался. От зловонных болотных испарений. От вони, идущей от камня. От того что всё существо этого мира пыталось выдавить меня ОБРАТНО.

— Просто знаю. Мы, видишь ли, потомки Корда. Бабка Гая — настоящая моя бабка, потому так над нами и трясётся. Творить мы не можем, но кое-какими силами владеем.

— Где мы? — простонал я. Голова раскалывалась.

— Там же, где и были. Всего в трёх шагах от того места.

— Но болото...

— Болота здесь никогда не было. Никогда не было раньше, вот что я имею в виду. Корд убил Алу и похоронил здесь, под камнем. А потом... ну, появилось болото. Или Корд сделал так, что оно здесь появилось. Тебе-то какая разница? Мы никуда не уходили, поверь.

Горбунья приблизилась к краю острова и заглянула в мутную воду. Я поступил так же.

В воде копошились какие-то твари. Тысячи тварей. То ли слизняки, то ли миноги, то ли пиявки, но куда более отвратительные, чем все перечисленные мною существа вместе взятые.

— Не трогай их.

Но я уже бессознательно опустил руку в воду. Перчатки остались лежать на столе в доме, и один слизняк вцепился мне ровно в середину ладони. Боли не было, но я чувствовал, как в мою кожу впилась острая зубья, как в глотку в твари полилась моя кровь, а та в свою очередь что-то впрыскивает мне в кровь. Это продолжалось около двух минут. Потом со звуком «чмок» слизень, налившийся багрово-красным цветом, отвалился и одним вёртким движением нырнул в болотную жижу.

Я посмотрел на свою ладонь. Кожу покрывали три прерывающиеся окружности из семи участков каждая, а в центре была круглая рана в монету диаметром.

Я перевёл взгляд на Рилай. Девчонка была напугана, но как-то умудрилась взять себя в руки.

— Я не знаю, кто ты, и что ты, но у нас осталось мало времени. Иди за мной.

Горбунья подошла к камню и кивнула в сторону его подножья.

— Бабка говорила, что если эти вещи попадут в плохие руки, то ничего хорошего не выйдет точно. Но... ты не плохой человек. Жестокий, растерянный, немного озлобленный, но не плохой. Это трудно объяснить. Я говорила с бабкой, но она запретила мне приводить тебя сюда. Но... если не вы... то больше некому. Возьми. Но только одну вещь.

Я не понимал. У подножья камня ничего не было.

— Ну, бери.

Я протянул руку. В раненую ладонь удобно легла рукоять. Я потянул.

— Я не сомневалась, что у тебя получится, — скороговоркой заговорила горбунья. — Но вышло даже лучше, чем я ожидала. Тяни!

У меня в руках оказался полуметровый клинок из воронёной стали. Тесак с полуторной заточкой, гардой едва ли в указательный палец длиной и простой рукоятью, обмотанной шершавой кожей. Необычным было то, что лезвие было будто окутано дымкой, от чего казалось, что оно размазывается в пространстве.

— Меч Тени, — замороженно прошептала горбунья, — я в этом не сомневалась.

Девчонка выпрямила свою кривую спину, как смогла, и улыбнулась. Так мог улыбаться висельник.

— У нас почти не осталось времени. Помни, если ты пользуешься этим клинком, то кто-то должен погибнуть. Кто-то сильный. Или наоборот, слабый, но жертв тогда должно быть много. Иначе клинок заберёт твою жизнь. Тебе повезло, что я не просто уродливая горбунья.

Рилай шагнула вперёд и ещё раз улыбнулась. Из уголков глаз у неё текли слёзы.

— Давай. Не используй его просто так, только в самых крайних случаях и только когда ты можешь сражаться в полную силу. А что делать с подарком болот, решать тебе самому. Помни меня, Судья.

Меч описал полукруг и, едва не выломав мне кисть, начисто снёс горбунье голову. Я вскрикнул и отступил, под ноги как будто попался камень, хотя никаких камней под ногами лежать не должно...

Я сидел на траве перед дубом. Ладонь нещадно саднило, но никакого меча в руке не было. Хотя я твёрдо знал — стоит захотеть, потянуться к нему, и меч окажется у меня в руках.

Происходящее напоминало кошмарный сон, и если бы не раны на ладони, я бы быстро убедил себя в том, что это и был кошмар.

Головная боль отступала. Я тяжело поднялся.

— Рилай! Рилай! Девочка моя!

Это была Гая. Увидев меня, она бросилась в мою сторону, но сразу же остановилась.

— Где Рилай? — резко спросила старуха.

— Мертва. Я... я убил её.

Глаза ведьмы горели, ноздри трепетали так, будто она приняхивалась. Хотя, скорее всего, так и было.

— Покажи ладонь.

Я поднял правую ладонь.

— Она сама этого хотела? — зло спросила Гая, хотя уже знала ответ. — Сама привела сюда?

— Да.

— Бедная маленькая дурочка, — пробормотала старуха и разрыдалась.

Я опять ничего не мог сделать. Как может успокоить горящего человек, который сам стал причиной горя?

— Она дала тебе большую силу, пришлый, — всхлипнув, проговорила старуха. — Она поверила в тебя. Сделай так, чтобы её жертва была ненапрасной. Сделай всё, ради чего погибла моя внучка. Если ты не оправдаешь её надежд... клянусь, сам Корд не спасёт тебя.

— Я сделаю. Клянусь.

Мне было над чем поразмыслить. А, поразмыслив, понять, что никаких ответов я пока получить не в состоянии. Оставалось лишь поддаться потоку событий, который, я уверен, рано или поздно приведёт меня ко всем ответам и ко всем тем, кто в ответе за происходящее.

Нет, я не сидел без дела. Я спрашивал местных, читал все свитки, которые попадались мне. Ничего о потомках Корда ни в одном из них не было. Впрочем, это и не удивительно: их бы почитали, как богов, а Корд считал, что божественность — это его крест. Скорее всего, он утаил их существование ото всех, кроме них самих. Становилось понятно, откуда силы у Гаи. Наверняка ритуал, который они совершали тогда, нёс в себе смысл. Но никто не мог мне ничего рассказать. Не ходить же мне среди местных и не расспрашивать, не потомки ли Корда случаем. А даже если и потомки, то что? Об этом знала Гая, знала Рилай, которую бабка явно готовила себе на замену, но знали ли другие?

Про Меч Тени я кое-что нашёл. Тысячелетия назад им пользовался один из палачей Гаспа, потом меч куда-то делся. Теперь я знал — куда. Наверняка под Сердцем (или в Сердце) хранилось множество таких артефактов, слова Рилай намекали на это. Было утеряно много экземпляров древнего и откровенно злого оружия, созданного Гаспом. Но. Зачем Корду из могилы возлюбленной госпожи делать помойку для тёмного оружия? Зачем окружать её мерзким болотом с ещё более мерзкими обитателями (и что это, кстати, за твари)? Или любовь Корда — обман? Историю пишут победители, возможно, Корд воевал не только с Гаспом, но и его дочь, кто знает?

Рана на моей руке зарубцевалась, а после и вовсе зажила, не оставив и шрама. Раны нет. Ответов нет. Подсказать некому. Кругом и так происходило столько всякого дерьма, что терять своё время на бесцельные поиски или устраивать самобичевание из-за погибшей горбуньи не было смысла. Оставалось только как обычно затаиться и жить.

Ведь даже просто жить здесь не просто.

Нас было уже почти сто двадцать человек. Серверная Рать росла и крепла. Думаю, это благодаря порядкам, установленным Корумом, нашим предводителем, королём, боссом... в общем, называли его по-разному. Кто-то иронизировал, приветствуя его словами «ваша светлость», но были и те, кто говорил так вполне серьёзно. Но Коруму было плевать, как его называли. Его уважали и побаивались, а главное — слушали.

При первой встрече я понял, что ему лучше не перечить. Да и что подумаешь, когда тебя встречает эдакий двухметровый детина, закованный в сталь с головы до ног, и ворочающий своими цвайхандером и бродексом так же легко, как я — тесаком. Дело даже не в том, что он действительно силён. Корум умудрился прокачаться в танка-берсеркера, причём идеально. Я видел, как он собственноручно вкатал в землю полдюжины латников Нервила, залезших на нашу территорию. С нечеловеческим воем он влетел в ущелье, где они засели, а через полминуты мы уже раздевали трупы. Доспехи, правда, потом правили очень долго.

Просто, когда многие представляют себе идеального лидера, они видят кого-то вроде Корума. Он мог пошутить и посмеяться, но когда он начинал высказывать тебе претензии бесцветным голосом, лучше было не перечить. У Корума был зычный голос, да и за словом в карман не лез. С ним можно было поболтать по-приятельски, но когда он начинал командовать, ты понимал, что он как минимум на ступень выше.

И, помимо вышперечисленного, он навёл порядок. Кто-то готовит оружие и доспехи, кто-то учиться варить зелья, кто-то охотится, кто-то воюет. Работали в среднем по двенадцать часов в день. Ушёл в разведку на два дня, знай, что будет несколько дней отдыха.

Каждому приходилось заниматься всеми посильными для него делами, но как-то так получалось, что большую часть времени я занимался тем, что у меня удавалось лучше всего. Я проводил в кузнице или с охотниками процентов двадцать рабочего времени, остальные восемьдесят — в разведке и небольших стычках с людьми Нервила. Дважды был в диверсионных отрядах, притом, что диверсии мы устраивали всего три раза. Зелья я не варил вовсе, но и друиды не ходили на охоту, тут уж каждому своё.

Поначалу казалось, что пользы больше от тех, кто воюет. Опыт, получаемый за убийства и квесты, делился между всеми членами клана. Понятно, что с одного убийства шли сущие копейки, но когда на войне три или четыре отряда — уже неплохо. Помножим это «неплохо» на то, что опыт поступал непрерывно, и получим хорошие цифры. За месяц я вырос до тридцать пятого уровня, ловкость и выносливость перевалили за две сотни.

Но труд в тылу был куда полезней левелапа. Пусть зелья, которые варили девчонки, получались слабее тех, что, скажем, нам дала Гая, но их не нужно покупать за бешеные деньги у соседей или слишком смелых торговцев, сунувшихся в наши окраины. Когда Корум принимал полуголых и практически не прокачанных ребят, я боялся, что им предстоит выполнять роль пушечного мяса. Но очень скоро у воинов появились грубые мечи и кое-как залатанные кольчуги, а у друидов обереги, больше напоминающие какие-то гламурные фенечки, но имеющие какую-никакую силу. Что главное, у ребят появилась возможность добыть себе хорошие шмотки в бою, прокачаться, а недохнуть пачками, силясь завалить один отряд.

Появилась крыша над головой. Еда. Время для отдыха. Время для упражнений. Мы не трогали местных, а они помогали нам. Мы защищали их, и нас чуть ли не боготворили и обеспечивали нам тыл.

Несмотря на то, что глава у нас был один, клан делился на несколько отрядов. Делились как по старым пати, так и по нуждам всего клана. Причём, границы между отдельными группами были весьма расплывчаты, и порой человек состоял в нескольких пати одновременно.

Выделилась группа ребят, которые хорошо варят зелья? Лучше их объединить в пати химиков и отпускать в бой исключительно по одному человеку из пати одновременно. Если кто-то погибнет, алхимия не захиреет. Но и дробить сложившиеся боевые группы, доказавшие свою состоятельность, тоже никто не собирался. Будь ты хоть лучшим алхимиком, если без тебя твой отряд небоеспособен, придётся идти на передовую. Совать туда мага или друида, чьи способности не сочетаются с тиммейтами, да ещё и не сошёлся характер — угробить всю группу. Конечно, народ гиб, но уже не в таких масштабах, как раньше. За месяц мы потеряли пятнадцать человек.

Одним из них был Павел. Что тут сказать. Погиб в бою, как полагается. Полупьяный, отбившись от группы... Смерть Юли его сломала. Нам всем приходилось несладко, каждый цеплялся за любую соломинку, чтобы не сдаться, не сойти с ума от происходящего. Кому-то хватало инстинкта самосохранения. Кто-то собирался отомстить тому, кто всё это устроил. Кто-то думал, что это лишь игра и её надо пройти. Павел, видимо, цеплялся за Юлю.

Наверное, поэтому я отшил Тёмную Мать через пару дней после смерти друида. Она мне, в принципе, не была безразлична, но и по уши я не влюбился. Если сделать человека

целью своего существования, а потом его потерять, то и существовать не за чем. А люди здесь гибнут слишком часто. Мне же слишком многое нужно узнать, слишком много я хочу спросить с тех, кто устроил эту игру. Иногда мне даже хотелось, чтобы вместо ответов я получал лишь бессвязные вопли боли, но это состояние прошло через неделю после того как погиб Павел.

Костя попробовал подмять остатки нашей пати под себя, но у него ни черта не вышло, не тот он был человек. Мы с тёзкой сначала присматривались к народу, но в итоге никаких решений принимать не пришлось. Само по себе нас вынесло на передовую, к отряду, который чаще всего отправлялся не фармить и охотиться в леса на север или запад, а трепать конунга на юге и патрулировать восточную границу с Полярными Песцами.

Не знаю, что послужило причиной конфликта кланов, эта информация есть, наверное, только у Корума и нескольких приближённых. Встретив патруль Песцов, мы не сблизались, не разговаривали, но и стрел друг в друга не пускали. Возможно, если бы кто-то нарушил границу, пришлось бы повоевать, но никто на такое не решался. Даже мне, считающему местных людьми, воевать со своими было бы не по себе, чего уж говорить о других игроках, которые думали что за пограничным ручьём — настоящие люди, а тот, кто только что правил ему доспех — непись. Раньше чтобы убить моба, нужно было щёлкнуть мышкой, сейчас, конечно, стараний требовалось больше, но физических, а не моральных. Конечно, народ ожесточился, после стольких смертей ценность человеческой жизни стала куда ниже, но черту преодолеть могли немногие. А тех, что могли, останавливало то, что Песцы не хуже нас организованны, а народу у них по слухам ещё больше.

Если на востоке у нас был плохой мир, то на юге хорошая война. Настоящего фронта, конечно, никакого не было — на это не хватило бы людей ни конунгу, ни нам. Но пару застав и патрули мы могли себе позволить. Чаще всего и мы, и они, встретив отряд противника, обменивались несколькими стрелами и заклинаниями и разбегались, подав тревогу. Кто знает, какие резервы может подтянуть противник через пару минут. Смерти боялись все. Но когда кто-то был уверен в своём превосходстве, дрались по-настоящему. Наши попадали в такую засаду дважды, первый раз погибли все шесть человек, второй — четыре. Людям конунга не везло пять раз, они потеряли четыре ведьмы и восемнадцать карлов, как их называли наши знатоки истории. Хорошие результаты, но проблема в том, что никто не знал, сколько у конунга карлов и ведьм. Размен пятнадцать в двадцать два может быть выгодным, если силы примерно равны. Если у конунга вдвое больше людей, мы в заднице.

Первая наша вылазка на территорию врага кончилась ничем. Во время второй, в которой я не участвовал, была вырезана одна застава. В третью мы ограбили обоз, вёзший конунгу зерно. Вряд ли это нанесло врагу непоправимый урон, но будь у нас больше времени мы, возможно, измотали бы противника. Хотя никто не знал, что Нервил получает из-за пролива, и все были согласны с тем, что такими черепашьими шагами войну не выиграть.

А дело уже шло к ноябрю. Новички перестали появляться, оружия, зелий и еды должно было хватить. Корум собирался захватить пролив до зимы. Почему до зимы? Наверное, потому, что всё нужно делать до зимы. Или надеялся, что зимовать в замке будет лучше, чем здесь. Боялся, что Нервил возьмёт где-то новых людей. Будь у конунга достаточно войск, он бы нас раздавил. А значит, нужно нападать, пока враг слаб.

Так что я не слишком удивился, когда за четыре дня до назначенной даты выхода войска, меня разбудили посреди ночи и приказали вооружаться и выходить. У ворот нас

набралось восемнадцать человек — два наиболее опытных отряда вояк и шестеро приближённых к Коруму парней, друидов и воинов: разведчиков хватало в наших двух отрядах.

— К конунгу в гости? — спросил я у Алексея, пожимая ему руку.

— Кто знает? — усмехнулся друид. — Но одно я знаю точно.

— И что?

— Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро.

Война I

Мы миновали нашу заставу и вышли к границе. Порыскав по лесу, Сталкер — один из самых приближённых к Коруму людей и наш командир — отвёл нас в какой-то земляной грот и приказал затаиться.

— Официально мы — делегация к Песцам, — пояснил он, — никто не знает, что мы отправились сюда. Так что не стоит нам встречаться с патрульными. Ни с нашими, ни с местными. Поэтому всем заткнуться, все объяснения потом.

Мы выждали около получаса. Сталкер, руководствуясь одному ему известными приметам, сказал, что всё чисто, и мы, стараясь не шуметь, выбрались из укрытия. Сталкер развернул карту и ткнул пальцем в небольшую точку, располагающуюся в четырёх километрах юго-западнее от нашего убежища.

— До утра нам нужно попасть сюда, там переждём день. Все объяснения тоже там. Доктор, ты первый.

Я набросил Скрытность и рванул по знакомым тропкам. Поднявшись на холм, мы буквально скатились по замёрзшей траве в густой ельник, где были уже земли конунга. Шумели не сильно, но в мертвенной тишине леса можно было услышать, как бежит муравей. Патруль врага я нашёл через четверть часа. Пять карлов и две ведьмы и в ус не дули, занимаясь тем, чем взрослые люди иногда занимаются ночью. От одного воспоминания о гноящейся плоти ведьм меня передёрнуло, но мы уже выяснили, что особи помоложе выглядели лучше, чем те твари, с которыми мы столкнулись на хуторе. Несмотря на видимое отсутствие опасности, я провёл отряд мимо патрульных по широкой дуге.

Ельник закончился, мы вышли к ручью с каменистыми берегами. Берег довольно резко спускался вниз, вниз по течению маячили какие-то скалы. Если верить, за этими скалами до самого моря будут ровные травяные холмы, местами поросшие лесом.

Ручей обогнул начавшуюся череду скал и слился с большой рекой. Примерно здесь была указанная Сталкером точка, но куда идти дальше я не понимал. Пришлось ждать остальной отряд.

— Отлично, — буркнул наш вожак, — теперь в воду, вдоль скал. Доспехи не снимаем — на нас могут напасть. Мешки с едой и вообще всё то, что нельзя мочить, держать над головами. Я скажу, когда прийдём.

Течение было быстрым, а вода — ледяной. Я погрузился в воду по пояс, а уже через пятьдесят метров приходилось брести чуть ли не по грудь. Но вопросов никто не задавал, Сталкер вообще был не из болтливых.

Без потерь не обошлось — упал кто-то из друидов, но парня вытащили за плащ из воды, хотя мешок уплыл. Кстати, среди нас не было ни единой девушки. Наверное, потому, что девушки-воины гибли чаще парней, а магички и друидки приспособились к рукоделию и зельеварению.

Я уже думал, что превращусь в ледышку, когда командир приказал лезть под скалу. Скала висела над водой сантиметрах в тридцати, пришлось окунуть свою сумку в воду, но не намного. Метров через пять карниз пошёл вверх, а ещё через десять и дно. Мы очутились в большом гроте с сухим полом. И нас уже ждали.

Трое незнакомых парней, все убийцы. Они жгли костры, явно готовясь к нашему приходу. Это было видно хотя бы потому, что рядом с кострами торчали палки, на которых можно обсушить одежду. Я же не говорю о больших котлах с горячим варевом.

— Сталкер, здорово! — крикнул один из убийц. — Мы уж думали, чего поменялось в планах.

— Мы пришли на час раньше условленного, — пожал плечами воин. Он уже освободился от мокрых штанов, так что остальные поспешили последовать его примеру.

— Дохлики, которые простынут, будут сидеть здесь, — распорядился Сталкер. — Всё самое весёлое пройдёт без них.

Кое-кто хихикнул. Заболеть никто не боялся. Мы были сытыми, отдохнувшими, могли обсушиться у костра и выпить горячего супа с зельями выносливости, которые, как оказалось, отлично справлялись и с болезнями. Мы стали сильнее и выносливее обычных людей. Возможно, месяц назад меня и свалила бы температура, но не сейчас.

— Выловили шпииков? — спросил Сталкер у Репья — ассасина, что его поприветствовал.

— Двоих, но их должно быть больше. Про вас они ничего не знали, — Репей недобро усмехнулся, — мне-то поверь.

— Верю. Ладно, — наш командир теперь говорил громко, чтобы слышали все. — Мы — передовой отряд. Наша задача — нанести противнику как можно больший урон и подготовить плацдарм для подхода основных сил. Детально задания раздам на месте.

— Уже сейчас можешь раздавать, — вставил один из ассасинов, — задание звучит так: бей, убивай, жги и ломай всё, что попадётся под руку.

— Заткнись, Дис. Эти ребята — наш самый передовой отряд. Они уже почти два месяца находятся на территории врага, без них мы были бы как без рук и глаз. Это Репей, Дис и Анархист. От них мы узнали, что среди неписей, живущих с нами, завелись шпионы, служащие конунгу. Поэтому мы во всеуслышание заявили одно... — Сталкер запнулся, подыскивая слова. Всё-таки оратор из него никакой, ему лучше короткими командами с людьми общаться.

— А делать будем другое, — оскалился Репей. — Конунг ждёт нашего нападения и готов к нему, но всё-таки какой-никакой эффект неожиданности будет. Пока же предлагаю жрать и спать, завтра ночь будет бессонной. Такой план? — спросил он у Сталкера.

— Да. Ещё — присмотришь к Доктору. Из того, что я слышал, он не хуже Алика будет.

— Будем знакомы, — ассасин протянул мне руку, — Доктор — это ты ник такой взял или из-за маски?

— Из-за маски. — Я постучал по клюву левым указательным пальцем.

Ладонь у Репья была узкая, но хватка как клещи.

— Начнём завтра всей толпой, но, возможно, ты мне понадобишься в разведке.

— Как раз посмотришь на него в деле, — кивнул Сталкер и принялся укладываться спать.

Остальные по большей части тоже устроились по своим лежанкам, так что я последовал примеру своего командира.

Смерть III

Я плыл в темноте. Ни рук, ни ног, только длинное гибкое тело. Ни мысли. Только направление.

Я был не один. Нас — тысячи. Кто мы и зачем плывём, не знал никто из нас. Я в том числе.

Но плыть — это правильно.

Плыл я долго. Возможно, дни или недели. Несмотря на то, что кругом была тьма, я чувствовал себя отлично. Тьма была тёплой и ласковой. Я ничего не видел, но знал, что кругом нечто напоминающее тоннели. Или кровеносные сосуды, частицей крови в которых был я.

Я сменил несколько тоннелей и очутился в центральном. Теперь всё должно быть хорошо, я достигну своей цели.

Но неожиданно в нашем потоке появились какие-то завихрения. Наверное, у меня была какая-то воля, потому что я увернулся от преграды. Я поплыл дальше.

Но всё поменялось. Сосуд исходил в судорогах. Теперь я понял, что это была за преграда: оторвался боковой сосуд, и часть крови пролилась. Это случилось не в первые, я чувствовал сотрясения вначале своего путешествия, но тогда они были далеки. Сейчас я чуть не оказался наружи. Я не знал, что там, но был уверен в том, что там плохо, что мне там не место.

Моё место было дальше, там, куда стремился поток крови. Там меня ждала тёплая тьма.

Сосуд содрогался ещё дважды. Раз разрыв был впереди, но далеко. Раз близко, но позади, мне нужно было лишь приложить немного больше усилий, чтобы продолжить движение.

В конце концов, я доплыл до места назначения. Оставалось лишь подождать, когда Сердце откроет себя, и я смогу погрузиться в тёплую вечную Тьму.

Но чья-то воля выдернула меня из тихой заводи. А Тьма дала на это согласие. Моё сопротивление не могло ничего решить. Я подчинился.

Было тяжело. Я потерял тело и растворился в агрессивной среде. Но даже здесь разыскалось что-то, что помогло мне выжить. Жалкие крохи, если вспоминать тот поток, в котором я плыл. Но я подпитал себя ими и заснул, готовясь измениться.

И изменить своего нового хозяина.

Правая рука пылала огнём, чесался шрам. Чёрт, надо же было так сильно отлежать руку. Голова трещала, будто я напился самой хреновой бормотухи.

Наверное, я надышался дыма, иначе объяснить этот какой-то аэрофобный кошмар было нельзя.

— Подъём, подъём, — бубнил Репей, расталкивая всё ещё спящих ребят. — Труба зовёт. — Из рта босса ассасинов торчала кость, которую он самозабвенно пережёвывал. — Нас ждут великие свершения. Хэй! Сталкер! Хватит харю мять!

— Я встал полчаса назад.

— Если спят твои подчинённые, значит спишь ты сам.

— Это что за правило придурочное?

— Сам только что придумал. Эй, мать вашу! Подъём!

Из-под волчьей шкуры вынырнула помятая физиономия некро-друида.

— Кажется, я дыма надышался, — пробормотал Алексей, потирая лицо ладонями.

— Я тоже, — кивнул я.

— У нас тут в чёрную топится, — пояснил Дис, — иначе дым увидели бы.

— Да и как пробить дыру в потолке? — оскалился Репей. Кость он уже натурально пережевал и проглотил. — Ничего, скоро привыкнете.

— Так мы здесь надолго? — спросил Алексей.

— Кто знает?

Большая часть народа уже привела себя в порядок и принялась за сухие пайки. Сталкер осоловело тряс головой и что-то втолковывал Репью, но тот продолжал убеждать воина, тыча в одну и ту же точку на карте. Наконец, они пришли к какому-то консенсусу. Ассасин вышел на центр грота и похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание.

— Сталкер у нас не мастак речи толкать, — сказал Репей, — он только гавкать умеет, поэтому говорить буду я. Так, у нас есть первые две цели. Так что мы разобьёмся на два отряда. Вернее, я присоединюсь к отряду Якудзы.

В отряде Якудзы были мы с Алексеем. Возможно, разведчик прислушался к совету Сталкера и решил ко мне присмотреться. Или наш отряд был опытнее в дальних рейдах, а мы, судя по всему, собирались лезть далеко, чем и был недоволен Сталкер.

— Во-от тут, в четырёх километрах южнее, есть небольшой такой бор, в центре которого стоит кузница. Кузницу эту уже грабанили и почти разрушили те, кто успел уйти на тот берег раньше нас, но дней пятнадцать назад там кто-то завёлся. Ничего определённого сказать не могу, но дым оттуда валил такой, будто там ТЭЦ построили. Мы проверим, что там. А остальные со Сталкером во главе вырежут приграничные патрули и постараются разгромить блокпост во-от в этом хуторе. Всем ясненько? Вот и хорошо. Выходим через два часа, к закату.

Я подошёл к Репью и спросил карту. Он, как обычно усмехнувшись, дал мне посмотреть.

Место, отмеченное на карте, располагалось в шести с половиной километрах от побережья. От центральной дороги, где, я уверен, должны быть посты и патрули, бор отделяло каких-то семьсот-восемьсот метров. И это притом, что здесь леса почти нигде не

было.

Я пожевал губами и осторожно спросил:

— Может, вдвоём проверим?

— Проверить можно было бы и вдвоём, — кивнул Репей, — вот только если там завелась какая-то дрянь, без которой Нервилу придётся худо, я хочу её извести под корень. Понятно?

— Звучит логично.

— Я вообще логичный парень.

Я на два раза проверил своё оружие и одежду и ещё раз легко перекусил прежде, чем мы вышли. За это время Репей выяснил, на каких заклинаниях специализируется каждый из нас и, кажется, остался доволен. Сам он был вооружён луком, двумя лёгкими дротиками и длинным стилетом.

— Я больше на выслеживании и стелсе специализируюсь, — сказал Репей. — И в ближнем бою от меня прока мало. Но ни одна мышь мимо нас не проскочит, а уж я постараюсь провести нас так, чтобы никто и не думал, что мы там вообще есть.

Первым из грота выбрался Дис. Он подал знак, что всё нормально и мы, все как один голые с одеждой и оружием в руках, полезли в ледяную воду.

— На бегу погреемся, — бубнил рядом Алексей, выбивая зубами чечётку.

— Д-да-а...

На берегу я как можно быстрее напялил одежду и принялся пританцовывать. Мелкие капли дождя постепенно сменялись на снежинки, с юга дул ровный ветер. Солнце медленно и лениво уходило за западные холмы, окрашивая небо в кроваво-красный цвет.

— Надеюсь, снег как зимой не повалит, — проворчал Репей, — иначе придётся идти по воде пару километров. Шучу.

Что-то мне подсказало, что он не шутил.

Мы разделились на два отряда и припустили каждый в свою сторону. Репей вёл нас каким-то странным маршрутом, делая такие петли, что иногда мы пересекали собственный след. Через полчаса я понял, что хожу почти так же, просто было немного непривычно находиться в роли ведомого, а не ведущего.

Когда мы пересекали дорогу, я засёк отряд противника, но они были слишком далеко, чтобы заметить нас. Думаю, это был свежий ночной патруль Нервила. Если так, то им осталось жить недолго.

Бор, где стояла кузница, представлял собой плачевное зрелище. Часть деревьев была срублена, на некоторых виднелись следы недавнего пожара. Чья-то землянка, встретившаяся нам у тропы, порушилась, причём, тоже недавно. Судя по запаху, под провалившейся крышей покоились человек десять-двенадцать. Это либо те наши, что уже ушли на юг, либо люди Нервила. Впрочем, кому какая разница, кто убил этих людей? Вполне возможно, что там бок о бок лежат и ярлы, и игроки.

Через пару минут я почувствовал запах дыма, а ещё через пять мы вышли на большую поляну. В центре поляны громоздились два валуна, из-под которых бил родник. На эти же валуны опиралась задняя стена кузницы. Ещё недавно кузницу окружал частокол, но он был почти порушен. Часть крыши тоже провалилась, но из большой трубы валил дым, а в щелях и окнах виднелись огненные всполохи.

— Там один моб, — сказал Репей. — Так что погнались. Доктор и кто-нибудь из воинов — со мной, остальные прикрывайте.

Когда мы добрались до дверного проёма (раздолбанные двери валялись рядом), в кузнице полыхнуло так, что мне пришлось несколько секунд стоять на месте, промаргиваясь. Ассасин, к счастью, дал мне время. Видимо, он ничего не опасался. Но лук держал наготове.

В кузнице стоял резкий запах горелого мяса. Я увидел широкую спину, принадлежащему, видимо, самому кузнецу. Мастер не обращал на нас внимания, с оглушительным звоном орудия своим молотом. Ударив по железной заготовке ещё раз, он сунул её в бочку. Сталь зашипела, над бочкой начали подниматься клубы пара, а в ноздри мне ударил удушающий запах.

Оставив заготовку, кузнец наклонился над железным корытом и вытащил оттуда человеческую ногу, которую спокойно отправил в топку, а за ней, взяв щипцы, и заготовку.

В горне полыхают человеческие останки, а сталь закаляется в крови. О времена, о нравы.

— Кто вы такие? — спросил кузнец, не поворачиваясь.

— Да так, простые путники, — откликнулся Репей. Стрела была направлена в пол, но лук был натянут, а уж поменять прицел — дело мгновенное. — Кому мечи делаем, дяденька? Может, продашь парочку?

Кузнец повернулся к нам, отложив щипцы, но молот всё ещё был в его руках.

— Я не дяденька, — медленно проговорил он, почёсывая левой рукой курчавую от жара бороду. — Для тебя я дедушка. А мечи я делаю единственному здесь правителю — Нервилу. И он дал мне чёткий приказ убивать всех бродяг. Но что-то вы недобро выглядите, не хочу я с вами драться.

— Можно и не драться, — оскалил зубы Репей. — Там, на севере, есть деревня, где нужно много оружия и доспехов. Там щедро платят, а Нервил тебя не достанет. Ну, что скажешь?

— Скажу, чтобы ты убирался отсюда, иначе пойдёшь в топку. У Нервила великая миссия, и я, кузнец Гризли, должен помогать ему.

— Резать женщин и детей — великая миссия?

— Да что ты знаешь!? — рявкнул Гризли, дёргая рукой в грубой перчатке свою кучерявую бороду. — Видите этот меч? Он должен бороться со злом, обрушившимся на наш мир. А что может лучше бороться со злом, как не другое зло?

Что вы вообще знаете, пришлые? Ни хрена вы не знаете! А и если бы знали, вам на нас плевать! Это случилось за день до вашего появления, за день до того, как нас обрекли на смерть. Люди в деревне будто обезумели. Они начали драться. Мужчины избивали мужчин, женщины таскали друг друга за волосы и убивали своих младенцев в колыбелях. Дети душили стариков в постелях, а после до смерти избивали друг друга. Только я, хранитель осколка молота Корда, сохранил разум. Я остановил это безумие, как мог. Когда всё кончилось, я понял, что остался один.

Я бросил руины и скитался по лесам, опасаясь, что меня примут за сумасшедшего, уничтожившего свою деревню. Но ведь безумные были они! Время шло, а за мной никто не приходил. Когда я вернулся к своей деревне, я увидел всех её жителей. Мою жену, дочь, сыновей. Всех их подняла тёмная магия. Мне было плевать на то, что они уже не живы. Я хотел быть со своей семьёй. Но тут пришли ваши. Они снова всех вырезали и ушли. Будь я тогда в деревне... Во-второй раз моя семья не встала.

И тогда я решил бороться со злом, а Нервил пообещал мне помощь. Плоть обезумивших, плоть моих детей и соседей уже две недели топят этот горн, раскаляя металл, их кровь

остужает его. Когда я закончу, то возьму этот меч и отправлюсь на борьбу со злом. Но чтобы закончить, мне нужен осколок молота Корда. Я вделаю его в рукоять моего меча, и это напитает его силой.

Вы не заберёте у меня осколок молота. Зато я заберу ваши жизни, и ваши тела сделают мой меч ещё лучше.

Гризли напал нас, заноса над головой молот. Я набросил на него метку и ослепление, но второе заклинание даже на миг не остановило его. То же произошло и с замедляющим воем, наколдованным Вертелом — нашим танком. Репей выпустил стрелу, сразу же за ней вторую, но он застряли в переднике, не причиняя вреда. Вертел шагнул вперёд, поднимая щит. Воина-то и атаковал кузнец. Мощнейшим ударом молота он сбил его с ног. Если бы Вертел не успел поднять щит, думаю, его можно было бы списать со счетов.

Завыл ветер. Похолодало. Вокруг кузнеца образовался вихрь из осколков льда. Но это только замедлило Гризли. Лёд таял в воздухе, а те осколки, что долетали до кузнеца, лишь оставляли небольшие царапины на его лице, и даже не пробивали одежду. Ледяную стрелу, скастованную кем-то из друидов, кузнец отбил рукоятью молота, она разлетелась на части, одна из которых воткнулась в кисть боссу, но тот и бровью не повёл. Нависнув над Вертелом, он обрушил на него второй удар молота. Щит и на этот раз спас воина, но долго так продолжаться не могло.

Репей буквально засыпал кузнеца стрелами, но тот не обращал на него внимания. Ассасин выругался и схватился за дротик. Выкрикнув какое-то заклинание, он швырнул своё оружие в Гризли. Дротик прочертил кроваво-красную полосу в воздухе и впился в плечо кузнеца, но тот одним движением вырвал копьёцо из плеча и мощным ударом, пригвоздил открытую ногу Вертела к полу.

Скрывшись в тени, я обошёл кузнеца и ударил его отравленным тесаком в бок. Кузнец дёрнулся и ударом локтя отбросил меня к корыту с человеческими телами. Я ударился головой, перед глазами поплыли серые пятна. Пока я пытался подняться, Репей бросил в Гризли второй дротик и снова натянул лук, не в силах больше ничего сделать. Надо было иметь крепкие нервы, чтобы делать это, когда к тебе идёт бугай, способный размозжить твою голову одним ударом.

Тем временем кое-как поднялся Вертел. Он бросился к кузнецу и ударил его щитом в бок, но это только замедлило противника, а после ответного удара молота воин отлетел в угол, застыв там уже надолго.

А где, чёрт побери, наша поддержка? На улице маг, два друида, убийца и ещё один воин. Почему они стоят на месте?

Ответ нашёлся быстро. На улице пылал огненный смерч. С ним сшибались ледяные глыбы, но они лишь с шипением исчезали. В общем-то, ясно, почему Нервил оставил такого ценного мастера одного — он и сам вполне мог за себя постоять.

Я разрядил арбалеты и прыгнул кузнецу на спину. Кровь из разодранного лба (наверное, острый край маски зацепил — она не слишком-то предназначена для защиты в ближнем бою) стекала по моему лицу, слепя правый глаз, но я кое-как ориентировался в пространстве. Под действием Плаща я намеревался уворачиваться какое-то время от ударов, чтобы отряд поддержки хотя бы попробовал справиться с защищающим кузницу смерчем. Тесак не пробивал ни одежду, ни будто деревянную шею Гризли. Хотя по шее-то я умудрился попасть раз или два.

Это сработало. Отчасти.

Опалённый, как боров, в кузницу влетел второй наш воин. Раздался хруст, от которого зашевелились волосы на затылке. Нечто невидимое вмяло беднягу в пол и медленно — невероятно медленно — протащило около метра. Конечности воина выворачивались под невероятными углами в разные стороны, шлем сплюснулся. Об пол стесало плоть до самой кости. Запах свежей крови перебил даже смрад горящего мяса.

— Силой меня не перешибёшь, — сказал Гризли Репью. — Этими веточками — тоже.

— Я здесь не один.

— Да ну?

Кузнец, будто ему это ничего не стоило, сдёрнул меня за плащ левой рукой и зашвырнул в дальний конец кузницы.

От удара у меня перехватило дыхание. Маска куда-то потерялась, кажется, лопнули ремни на затылке. Тесак тоже неизвестно где. Я кое-как поднялся на четвереньки, отполз к стене и, опираясь на ящик с трупами, встал.

Репей кружил, стараясь не подпускать к себе Гризли. За окном ещё бушевали огонь со льдом.

Ничего не остаётся. Не хотел я светить этим оружием на людях. Да и боялся, что кузнеца будет недостаточно, чтобы утолить его жажду крови. Но деваться некуда.

Правую руку ожгло огнём. Рукоять удобно легла в ладонь. Я даже как будто почувствовал шершавость её кожи, хотя на руках были перчатки. В голове почти сразу прояснилось.

Даже не набрасывая Плащ, я повторил свой самоубийственный прыжок на спину Гризли. Кузнец попытался меня сбросить, но в этот раз я умудрился вцепиться ему в шею крепко. Гризли сделал два шага назад, а потом упал, намереваясь придавить меня массой своего тела. Я еле вывернулся, мы покатались по полу.

Уж накатался я по всяким поверхностям в обнимку со всякими гадами достаточно. Когда кузнец очутился на животе, я вскочил ему на спину. Я ударил своим клинком кузнеца в шею, а после привычным движением вскрыл ему глотку, уверенный в том, что дело окончено. Но тот и не думал умирать. Его локоть воткнулся мне в солнечное сплетение, я упал на задницу и согнулся, стараясь вдохнуть. По моему затылку потекло что-то горячее. Подняв глаза, я увидел, что кузнец застыл надо мной, поднимая свой молот для удара. Я завалился назад и юркнул в бок, молот проломил пол...

Кузнец замер в согнутой позе, поливая пол кровью, обильно фонтанирующей из его вскрытой глотки. Из спины Гризли торчал кусок льда. Простояв так некоторое время, кузнец свалился набок и замер. Из кармана на его фартуке выпал кусок камня и покатался по полу. Кузнец что-то пробулькал, глядя исключительно на камень, его рука, отпустив молот, потянулась к нему, но замерла на половине пути.

Меч Тени не сработал. Или, вернее, сработал как-то слишком медленно. После удара я чувствовал, как он принялся пить жизнь кузнеца, но тот, видимо, каким-то образом сопротивлялся ему. Впрочем, обычным тесаком я его даже поцарапать не смог. Меч Тени исчез, и я поднял свой простой клинок, который очень кстати подвернулся под руку.

— Действительно, Хранитель Осколка, — протянул Репей, поднимая камень. — А мы-то уж думали, что ни одного больше не найдём.

— А сколько у вас? — спросил я, утирая кровь с лица.

— Шесть осталось, остальные куда-то исчезли.

— Мы все свои потеряли...

— ... каким-то неведомым образом, — кивнул ассасин. — В общем-то, со всеми так. Из-за них мы с Песцами и... Ну да ладно.

В кузницу ввалилась опалённая и помятая пати.

— Долго вы, — проворчал Репей. Он уже крутился около меча, который ковал кузнец, но не прикасался к нему. — Жжётся, блин!

Обозлённый Якудза подошёл к мечу и ухватился за недоделанную рукоять. И тут же, завизжав, как девчонка отдёргнул руку. Даже сквозь перчатку были видно, как опухает его рука.

— Оставим здесь, — предложил я. — Не для нас это ковалось.

— Что-то не хочется мне такую вещь здесь оставлять, — сказал Репей.

— Мне тоже. Но деваться некуда. Доковать её некому. И кузницу лучше сжечь, пусть покопаются в пепле.

— Отличный план. Собираем всё с трупов, поджигаем кузницу и валим, пока на огонёк никто не заглянул.

Репей сказал, что мы успели уйти из-под самого носа людей конунга. Причём, по его словам отряд состоял как минимум из двадцати человек. К схватке мы явно не были готовы: у Анархиста болела рука, Вертел еле шагал, его рана сильно нагноилась (ой, не простые у Репья были дротики), маги выбились из сил, пробивая огненный щит. Единственным человеком более или менее готовым к бою был я. А от меня в прямом столкновении проку немного. Я уж не говорю о как минимум трёхкратном численном преимуществе врага.

Мы долго петляли, пока не добрались до убежища. В воду полезли, как были — в одежде, с оружием. Вертела, находящегося в полубессознательном состоянии, тащили на вытянутых руках.

В пещерах нас уже ждали остальные. И досталось им куда крепче, чем нам.

Пять трупов, четверо тяжелораненых, остальные пятеро более или менее держались, но и им досталось крепко.

Как я и боялся, они попали на смену караулов. Первый они почти вырезали, потеряв одного человека, но тут подошли свежие противники, а через несколько минут и подкрепление с ближайшей заставы. Сталкер злобно матерился, уверенный в том, что их засекли и устроили ловушку. Скорее всего, именно так и было. Но ребята справились. Они убили пять ведьм и полтора десятка карлов — почти всех, кто участвовал в бою, удалось уйти только одной ведьме.

Репей с мрачной физиономией (самодовольного оскала как не бывало) выслушал рассказ Сталкера и на несколько минут задумался. После твёрдо сказал:

— Нужно уходить отсюда. Если вас засекли на подходе к караулу, то вполне могли проследить путь вашего отступления. Чёрт, если бы они рискнули и послали всех своих с заставы, то вполне вероятно, что мы бы сейчас сидели у костра и гадали, куда вы запропастились.

— А сколько у них на заставе человек? — спросил Сталкер.

— Обычно четырнадцать.

— То есть там осталось семь или восемь человек? Может, тогда перережем их всех и займём оборону до подхода наших?

— Не получится. На наш фейерверк (или на ваш, кто знает) собиралось явиться ещё как минимум двадцать гостей. Боюсь, как бы нас не прихватили на выходе отсюда.

— У вас есть ещё место, где спрятаться?

— Есть. Но оно не такое милое и уютное.

Я осмотрел мрачные каменные своды, освещённые дрожащим светом костров, и подумал о том, что не совсем хочу оказаться в менее уютном месте. Но деваться было некуда.

Мы наскоро перекусили, собрали все вещи, которые не могли бросить, и волоча на себе раненых выбрались из убежища. Второго купания в ледяной воде не пережил Вертел. Мы просто отпустили его тело. Возможно, люди конунга увидят его тело и потратят какое-то время на поиски нашего убежища на реке. Да и хоронить его времени не было.

— Всё чисто, — сказал Репей, когда мы выбрались на берег. — Но всё равно давайте пошустрее.

Мы прошли около километра вниз по течению, перебрались через полуразрушенный каменный мостик (мне пришлось нырнуть, чтобы достать верёвки, по которым мы перебирались на тот край моста) и углубились в чащу, расположенную в естественной котловине.

— Надеюсь, слабонервных среди вас нет, — оскалился Репей.

Буквально через пару часов мы наткнулись на довольно большое лесное озеро. Мелководье и берега буквально кишели товарками и товарищами Топлюши. Причём, товарищи выглядели скорее как зомби — неповоротливые, с сизой кожей. Они не обращали на нас никакого внимания, да и Репей сказал, что трогать их смысла нет — слишком низкий уровень, дольше провозимся. К тому же, с четырьмя ранеными на руках особо не повоюешь.

Утопленницы щеголяли либо в оборванных полу гнилых платьях, либо в набедренных повязках из водорослей. Мне было бы неприятно убивать их, в каждой я боялся узнать Топлюшу. Странно, но я переживал за утопленницу.

И Топлюша появилась. Только раз, когда я отстал от Репья (мы по понятным причинам шли впереди всех), да и то в паре сотнях метров от берега. Она помахала мне и исчезла. Я сам удивился тому облегчению, которое испытал. Её лицо стало для меня странно родным.

Мы почти обошли озеро, когда рассвело. Здесь мы наткнулись на странную группу утопленников. Они выглядели получше, чем остальные, кроме того, здесь были дети, а других утопленников вблизи видно не было. Пятеро детей, две женщины и юноша. Они копошились на мелководье. Завидев нас, утопленники даже не предприняли попытки напасть.

— Послушаете их, — сказал Репей, он шёл рядом со мной. — Очередная занятая история из жизни замечательных людей.

— Ага, — кивнул я, выходя из Скритности в паре шагов слева от него. Убийца вздрогнул — он был уверен, что я держусь чуть позади него и справа. Но уже через секунду он ухмылялся.

— Сталкер говорил к тебе присмотреться, а?

Я усмехнулся в ответ.

Мы остановились около утопленников, ожидая остальных. Моё внимание привлекла девочка лет одиннадцати-двенадцати. В её чертах мне показалось что-то знакомое... но что?

— Здесь как у Христа за пазухой, — сказал Репей. — Костры можно жечь — скоро здесь такой туман поднимется, что дыма будет не разглядеть. Сыровато, конечно, но жить можно. Да и местные, судя по всему, этого места боятся.

Сталкер кивнул и приблизился к утопленникам:

— Привет!

— Привет, — откликнулась одна из взрослых утопленниц — дородная женщина лет тридцати. Она купала малыша четырёхлетнего малыша. Утопленница купала утопленника, да. Он молотил по воде ногами и смеялся. Плавать учиться? Утопленник?

— Что вам надо? — несколько враждебно спросил парень. — У нас ничего нет. Мы мертвы.

— Тише, — сказала ему первая утопленница. Она перевела взгляд на нас. — Он прав. Даже если бы вы хотели забрать наши жизни, вы бы не смогли сделать это.

— Мы могли бы забрать ваши не-жизни, — проговорил кто-то.

— Могли бы, но не будем, — жестко сказал Сталкер, увидев, как Репей качает головой. — Лучше скажите, кто вас убил? В этом виноват конунг?

Парень зло хохотнул. Дети как-то сразу стихли и сжались в кучку. А я всё не мог оторвать от девочки глаз, вспоминая, где я видел кого-то похожего на неё.

Разговор продолжила всё та же женщина:

— Виноват ли в этом Нервил? Конечно, виноват. Кто сделал это? Мы сами сделали. Утопить своих детей, а после утопиться самим — это куда лучше, чем попасться в лапы тех тварей, которых Нервил призвал к себе в помощь.

— Вы не знаете, зачем он сделал это?

— Я знаю, — тихо сказала вторая утопленница. Это была симпатичная девушка лет двадцати. За её подол цеплялся двухгодовалый малыш. — Я была любовницей Нервила...

— Одной из многих, — слабо улыбнулась первая.

— Он хотел собрать легендарные камни, — продолжила девушка. — Тем более, он был Хранителем одного из них. Однажды к нему пришла странная женщина. Она была одета в чёрные лохмотья и не показывала лица. Нервил заперся с ней в комнате, где он вёл секретные дела, и долго с ней разговаривал. А после... — утопленница всхлипнула. — После он забрал наших детей. Моих детей! Он не может считаться их отцом после этого. Эта старуха... эта ведьма... Она убила их. Моих маленьких деток, двух милых близняшек... Она... эта тварь вырезала их сердца и сделала из них амулеты, срезала с их лиц кожу и сшила лицо себе! Она вылила их кровь в огонь и призвала своих товарок, злых тварей! — Утопленница зашлась рыданиями. — Он сам рассказал мне об этом... — с трудом проговорила она. — Он сказал, что так надо, иначе этот мир погибнет... Что ему нужны камни, чтобы спасти других.

— Но он убил других, — угрюмо сказал парень, подходя к девушке и обнимая её за плечи. — Убил всех, кто не смог бежать. Я был его солдатом. К счастью, я был далеко, когда пришли ведьмы, и они не успели заморочить мне голову, как другим. И, когда я увидел своих товарищей, которые уже не были мне товарищами, не были людьми... я сбежал, взяв с собой Аму, Слашу и детей. Но мы находили только пустые деревни. Люди либо сбежали, либо погибали. Но детей они убивали не сразу, нет. Из их органов эти твари делали амулеты, пили их кровь, а старшая с двумя помощницами шили себе тела взамен старых, прогнивших, наполненных трупным ядом и опарышами. И тогда мы пришли сюда.

— Я собственными руками утопила всех своих детей, — медленно произнесла старшая. — Аму собственными руками утопила своего сына. Но это всё равно лучше, чем то, что ожидало их.

— Убейте их, — сказала старшая девочка, видимо, единственная из детей, кто поняла, что произошло. — Убейте Нервила.

И тут я вспомнил горбуню. У неё было бледное, уродливое лицо, но в нём четко угадывались черты, схожие с чертами этой девочки.

— Горбунья, — сказал я. — Горбунья из приюта Гаи. Кто она?

— Так же как и все эти дети, — горько улыбнулась Слаша. — Так же, как и все дети из приюта Гаи. Она — дочь Нервила. Наш конунг очень любит женщин. Но других грехов за ним раньше не замечалось.

Чёрт, это я прекрасно знал. Мне нужна была информация про тот схрон и Сердце тьмы либо про потомков Корда. Я секунду думал, а после решил отказаться от вопросов. Спрашивать нужно Гаю, а не этих несчастных.

— Надеюсь, Нервил сейчас трахает этих гнилых ведьм, — буркнул парень. — Убейте их, прошу.

— Просим, убедите их всех, — в унисон сказали утопленницы.

— Убьём, — прошипел я.

— Убьём, — кивну Сталкер. — Вы будете отомщены. А части тела Нервила будут утоплены в этом озере.

— Это принесёт нам покой, — хором произнесли все утопленники. От детских голосов у меня на голове волосы встали дыбом. — Мы станем свободны.

— Я же говорю — замечательная история, — сказал Репей. Но уголок его ухмыляющегося рта явно дрожал.

— Располагаемся здесь, — приказал Сталкер. — Кто может, лечит раненых. Я пока свяжусь с Трясучкой. Доктор, ты как, в порядке?

— Вполне.

— Прочеши ещё раз озеро. Репей, я тебе доверяю, но ты сам говорил, что мы могли привести хвост.

— Да я как бы всё понимаю.

Я ушёл в Тень и направился в разведку. Чёрт побери, как же Сталкер мне помог.

Топлюша ждала меня в нескольких сотнях шагов от нашей стоянки. Я чуть не наткнулся на неё в густом тумане, а ей как будто это и было нужно. Она хихикнула, поправляя свои лохмотья, которые скорее не скрывали прелести, а подчёркивали их. Мне, впрочем, от неё нужно было другое.

Её раны зажили, даже шрамов почти не осталось. Глаз зарос, но под сросшимися веками я увидел неестественно маленькое глазное яблоко. Наверное, иногда хорошо быть утопленником.

— Привет, — сказала Топлюша, осторожно улыбаясь.

— Привет, — кивнул я, раздумывая, как начать разговор. Но утопленница сама жаждала поговорить.

— Ты пришёл ко мне?

— Да.

— Я надеялась, что увижу тебя, — прошептала утопленница с придыханием. — Когда остальные сказали, что чувствуют живых, я сразу узнала, что среди них ты.

— Остальные? Это другие утопленники? Они чувствуют приближение живых?

— Конечно. Иначе как бы они спрятались? Живые не любят утопленников, стараются их убить и сжечь... А они такие хорошие. Я познакомилась с Аму. Она добрая.

— А они смогут тебе сообщить, когда кто-нибудь появится?

— Конечно, — пожалала плечами утопленница. — А зачем тебе?

— Я разведчик. Если мне не нужно будет прочёсывать местность, я смогу поговорить с тобой.

Топлюша заулыбалась, от чего даже немного порозовели ещё бледные щёчки. Всё-таки она милашка. Ну, в те моменты, когда её лицо не перекошено злобой и ненавистью. И когда она не пытается меня убить.

Но что-то не сходилось.

— погоди, — сказал я. — Если утопленники боятся людей, почему они не спрятались от нас?

— Рыжий уже приходил сюда. Он никого не тронул и даже пообещал помочь. Сказал, что вернётся с друзьями попозже.

Я кивнул. Теперь всё, кажется, расположилось по своим местам. Оглядевшись, я жестом

предложил сесть прямо на землю. Заднице, конечно, холодно, но мягкая умирающая от холода трава — не худшее сидение.

— На самом деле, я пришёл у тебя кое-что узнать, — честно признался я.

— Я знаю. И если я тебе помогу, ты меня поцелуешь. Хорошо?

Вот же приставучая. Всегда бы ко мне так девушки лезли... Хотя, я же знаю, что было раньше.

— Хорошо, — согласился я. — Теперь скажи мне: ты что-нибудь знаешь о потомках Корда?

Топлюша думала долго, морща свой маленький носик и закрывая здоровый глаз, но через какое-то время покачала головой. Я вздохнул.

— А про Сердце Тьмы?

— О, про него я знаю! Это, — Топлюша поморщилась, — вроде помойки. Туда сливают весь мусор. Когда я погибну, я тоже уйдут туда. Стрыга и Леший ждут меня там, я знаю.

— Это всё, что знаешь?

— Да.

Негусто. Но уже что-то. Попробую спросить более предметно.

— Может, знаешь про таких здоровых слизней? Или пиявок? Они живут в болоте около Сердца. — Когда я спрашивал где-то на самом краю сознания возникли какие-то образы, связанные... со шлангами? Или осьминогами? Бред какой-то...

— Нет, не знаю. Озеро ведь находится по ТУ сторону, а я там ещё не была. Если бы побывала, то сейчас бы с тобой не сидела.

— Это понятно, — я тяжело вздохнул.

— Мало помощи? — грустно спросила Топлюша.

— Немного. Но ты мне всё равно помогла. — Я наклонился и поцеловал утопленницу в щёку. Та оказалась нежной и неожиданно тёплой. Хотя, дело, наверное, в том, что на улице слишком холодно.

— Мы ещё увидимся? — со слезами в голосе спросила Топлюша.

Я покачал головой.

— Оставайся здесь, в безопасности. Не следи за мной. Кто-то из наших может убить тебя просто по не знанию. — Не стоит давать несбыточных надежд, но жить с надеждой лучше, чем вообще без неё. — Если получится, я попробую тебя найти. Позову у озера или реки.

Утопленница улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты уйдёшь, да? — спросила она. — За солёную воду?

— Да, мне нужно туда.

— Я не могу плавать в солёной воде, — прошептала девушка.

— Но... ты же переплыла тот залив?

— Это другое. Я шла по пресной воде. А там... там другое место.

Другое место? Если вспомнить карту, два полуострова, как двузубая вилка, торчат глубоко в море, но они соединены с материком. Но Топлюша говорит, что это другое место. Быть может, это как-то связано с тем разделением, которое я видел в первые секунды моего пребывания в этом мире? И тот мост...

— На зиму я остаюсь здесь, — сказал я.

Но Топлюша замотала головой и, разрыдавшись, убежала.

С Тёмной Матерью было так же. Сначала она на меня вешалась, а потом убежала в

слезах. Бессердечный я тип.

Ради приличия я всё-таки обогнул озеро и проверил тропу, по которой мы пришли. Всё было чисто.

Когда я вернулся, Сталкер был доволен, как в боров в луже.

— Пришли данные от второй группы разведчиков, — поделился он. — Нервил закусился с Песцами, потерял человек тридцать и несколько ведьм. У Песцов, конечно, свои цели, и Нервил им не к чему, но даже такие потери нам на руку.

— Полсотни воинов, с десятков ведьм и кузнец за один день, да он там наверняка рвёт и мечет, — оскалился Репей. — У него не больше ста пятидесяти человек осталось и десятка два ведьм.

— В общем, завтра Корум переходит в полномасштабное наступление. А мы зализываем раны и гадим, как можем, пока не встретимся с основными силами.

Я кивнул. Наверное, впервые за последнее время у меня появилась уверенность, что мы победим. По крайней мере, Нервила.

Война IV

Нервил паниковал. Он отвел все свои войска в замок и окопался там.

Поправочка. Он пытался отвести все свои войска в замок. Два отряда мы перехватили. Один вырезали полностью, из второго ушло три человека. Мы не потеряли никого. Мы были на кураже и чувствовали, что нам теперь море по колено. Люди же конунга бежали, поджав хвосты. Первый отряд, в общем-то, даже попытался нам сдаться, именно поэтому погибли все. Мы не собирались никого щадить. Некоторые помнили последствия бойни в старом замке Нервила, некоторые — кузницу с трупами, и все утопленников. Конечно же, мы не собирались вырезать всех местных, просто на некоторых это правило не распространялось.

В дальнем рейде были не мы одни. Корум направил второй отряд, восточнее, рядом с границей с Песцами. Именно за ними гнался та шайка нервиловских прихлебателей, случайно забредшая на территорию Песцов. Что с ними стало, рассказал Сталкер. Своими силами наше восточное «войско» перехватили только одну кучку отступающих, но это делает их рейд более эффективным — куда лучше загрести угли чужими руками. Мы же за успех заплатили кровью.

Ещё мы разогнали то ли крестьян, то ли торговцев, вёзших к замку Нервила зерно, и присвоили себе груз. Пусть спасибо скажут, что вообще живыми оставили.

Пока мы тащились с обозом, Корум уже начал осаду. Ну, вернее занял берег, перекрывая сообщение Нервила с сушей.

Замок стоял в гавани, глубоко вдающейся в сушу. Основное здание, причалы, да и вообще всю гавань с трёх сторон окружала мощная прямоугольная деревянная стена, составленная из заполненных землёй срубов. На каждом углу стояло нечто вроде форта или мощной, но невысокой башни. Между двумя фортами, стоящими на берегу, была поднята толстая железная цепь, мешающая проникнуть в порт с моря.

Основное здание представляло собой две толстые четырёхэтажные башни, соединённые одноэтажным прямоугольным корпусом. Плюс куча деревянных пристроек — жильё челяди, овчарни, коровники...

Глядя на стены замка и приземистые башни, я угрюмо раздумывал, как мы собираемся их штурмовать. Да ещё и так, чтобы не разнести всё в щепки, а обосноваться здесь на зиму. Откровенно говоря, уже через полчаса после прибытия к замку мне казалось, что с

наибольшей вероятностью зимовать мы будем либо под стенами замка, либо в тех деревьях, где мы обитали до этого.

Сначала нужно занять стену и башни. Потом как-то штурмовать сам замок. А у нас из штурмового снаряжения — таран, десяток лестниц да верёвки с крюками. Ну, ещё на нашей стороне численное превосходство: около сотни местных жаждущих мести присоединились к нам. Но двести человек против ста пятидесяти — не такое уж и подавляющее преимущество, особенно при атаке: атакующий всегда несёт большие потери.

Но, кажется, у Корума был какой-то план. Пока, правда, он не торопился приводить его в действие. Так что пока мы ставили шалаши и палатки, жгли костры и отдыхали перед предстоящим боем.

Мы сидели под стенами замка три дня. За эти три дня удалось выяснить, что измором замок не взять — дважды в день цепь опускалась, и из гавани выходили драккары. Привозили, скорее воду — еды у Нервила было достаточно, но ни одного водоёма с пресной водой. Как рассказывали местные, раньше здесь проходила река, потому-то замок и построили. Но река сменила русло, и сейчас его использовали исключительно ради торговли, а хозяева переехали вглубь суши, где и замок побольше и вообще безопаснее.

На четвёртый день меня вызвали к Коруму.

В шатре босса за круглым столом собралось десять человек: сам Корум, Репей, Дис, Анархист, Трясучка, Сталкер, ещё трое трясучкиных приближённых аж из его первой пати — Ищейка, Рудда и Монца, а так же командир местных — Хорвил. Откровенно говоря, раньше меня столь высокое общество не принимало.

— Садись, — сказал Корум, кивая в сторону свободного стула.

Напротив моего места стояло блюдо с тушёной бараниной, лепёшками и сушёными овощами и кружка с вином. За последнее время я не привык отказываться от угощения, так что принялся невозмутимо жевать, запивая еду вонючим и горьким вином. Да и, собственно, чего париться? Я не страдаю манией величия, так что прекрасно понимаю — спрашивать моего совета никто не собирается. Меня позвали потому, что для меня есть какое-то дело. Вернее, для меня, Диса, Анархиста, как исполнителей, и, возможно, Репья, как командира. Какое дело способны справиться три или четыре убийцы, чьи способности — прятаться и выслеживать? Всё, в общем-то, очень просто.

Все сидели и смотрели, как я ем. Я старался остаться таким же невозмутимым, хотя прекрасно понимал, что меня изучают. Хотя, что можно понять просто глядя на человека? Но разговор никто начинать не собирался, так что я решил взять всё в свои руки. Инициатива, конечно, наказуема, но...

— Диверсия, — сказал я, тщательно пережевывая и проглотив очередной кусок мяса. — Какая-нибудь самоубийственная для исполнителей диверсия. Нужно пролезть в замок и что-нибудь сотворить такое, что поможет начать штурм.

Репей хихикал. Корум вскинул свои кустистые брови, а потом тоже усмехнулся.

— Ну, ты и фрукт, Доктор, — спокойным голосом проговорил он. — Нужно было посмотреть к тебе пораньше.

— Нет, всё вовремя, — оскалился Репей, — теперь я его из своего отряда никому не отдам.

— Так я прав? — спросил я, приканчивая ужин.

— Прав, — кивнул босс. Он нахмурился, разглядывая меня так, будто видел впервые. — Я тебя почти не знаю и, уж прости, не слишком-то верю в тебя. Но завтра ночью идеальное

время для нападения, а Репей слишком высоко о тебе отзывался.

— Ты, кстати, можешь отказаться, — вставил рыжий убийца.

— Не перебивай меня, — жёстко сказал Хорвил.

Репей успокаивающе поднял руки.

— Вообще-то, с этого нужно было начать.

— Я ещё не знаю, от чего могу отказаться, — осторожно проговорил я.

Корум подвинул ко мне карту, более или менее точно изображавшую замок. Его толстый волосатый указательный палец ткнулся в западный форт, стоящий у моря.

— В этот форт есть потайной ход, о котором Нервил не знает.

— Откуда такая уверенность? — спросил я.

— Потому что я его построил, — сказал Хорвил, хотя на его лице было написано, что разговаривать со мной, мелкой рыбёшкой, он не слишком-то хочет. — Три года назад. Для... своих целей. Я, видишь ли, был управляющим этого замка. Ушёл из него со своими людьми, когда услышал, что Нервил сошёл с ума.

— Простого человека не назначат управляющим, — предположил я.

Хорвил усмехнулся.

— Я младший брат Нервила.

Так во-от оно что... Как там говорила Гая? За власть здесь борются мечами? От себя добавлю — лучше, когда чужими. И претензий к Хорвилу у меня нет. Мы собираемся использовать его людей, чтобы уничтожить Нервила и иметь доступ на юг. Он хочет использовать нас, чтобы захватить власть. Симбиоз, мать его. За зиму под нашей защитой Хорвил наверняка соберёт по окраинам и лесам какое-никакое войско из разбежавшихся бондов, установит на разорённой земле порядок. Мы когда-нибудь уйдём, а жить-то как-то надо. Гая, кажется, говорила что-то подобное. Да и в поддержке местных теперь появляется куда больше смысла. Раньше я думал, что они помогают нам за защиту. Теперь же понимаю — они помогали потому, что Хорвил, первый в споре за эту землю претендент, поддерживал нас. Не за пришлых они собирались сражаться, нет, за собственную кровь, за своего конунга.

— Ты, наверное, уже догадался, но уточню: вам нужно будет пробраться в этот ход, — отвлёл меня от мыслей Корум. — И навести как можно больше шороху.

— Ты же не боишься холодной водички? — оскалился Репей.

Я пожал плечами.

Когда я выходил из шатра, на меня смотрели с лёгким удивлением. Некоторые — с досадой. Без году неделя в клане, а уже вызывают к боссу. Мне было плевать.

Я отмахнулся от Алексея, приставшего с расспросами. Но когда понял, что просто так он не отстанет, пробурчал что-то насчёт секретного задания.

— От самого Корума? Да ты теперь крупная шишка, — сыронизировал друид.

— Я теперь почти стопроцентно мёртвая крупная шишка, — угрюмо сказал я.

Алексей округлил глаза и куда-то исчез.

У нас был один на четверых шалаш. Но Алексей куда-то запропастился, а остальные двое сегодня были в дозоре. Так что я завалился в своё лежак, радуясь простору.

Я почти уснул, когда кто-то поскрёбся ко мне.

— Кто? — сонно пробормотал я.

— Это я.

Тёмная Мать. Мы же, кажется, всё с ней обсудили...

Магичка забралась ко мне и, не церемонясь, нырнула под одеяло.

— Я всё знаю, — сказала она. — Ты боишься привязаться ко мне слишком сильно и потерять. Но Лёша сказал, что у тебя какое-то опасное задание. И... я хочу быть с тобой сегодня.

Я думал о том, что Лёше нужно будет оторвать язык (да и самому себе в придачу), но магичка отвлекла меня.

Она хорошо целовалась. Я собирался придерживаться своих твёрдых принципов — в конце концов, я её бросил — но Тёмная Мать была слишком настойчивой и не дала даже шанса на сопротивление. Уже через пятнадцать секунд я был сверху, лаская губами её небольшую грудь с маленькими острыми сосками, а мои руки блуждали по её телу. Магичка не отставала.

В первый раз всё кончилось слишком быстро, но мы не собирались останавливаться на нём.

Через некоторое время мы лежали, обнявшись. Девушка что-то говорила мне на ухо. Я почти не слушал, но некоторые фразы улавливал. И звучали они диковато.

Спросил отдельную комнату в замке на зимовку. Или вообще вернёмся в деревню — там куча свободных домов. Перезимуем.

Перезимуем... Зима будет длиться месяцев пять, не меньше. Чёрт, пять месяцев покоя! Это... да это почти две жизни, если учесть, что мы здесь каких-то три месяца. Чем мы будем заниматься? Чистить дорожки от снега? Долгими зимними вечерами обсуждать осенние приключения (если это можно назвать «приключениями»)?

Тёмная Мать что-то спросила, я не думая промычал нечто утвердительное. Её рука скользнула к моей промежности, а мокрые губы прижались к моим. Магичка забралась на меня сверху и начала равномерно двигаться.

А я внезапно подумал о Топлюше. О том, что было бы куда приятней, если бы рядом была она. Эта мысль крутилась в моей голове пару секунд, а после я забыл обо всём.

Идеальное время для нападения, мать его.

Ветер поднялся с вечера, принеся уже совсем зимний холод. Хлынувший дождь за каких-то пару часов превратился в сплошную пелену мокрого снега, а после и в настоящую метель. По изрезанному каменистому берегу хлестали волны.

— Обычному человеку нужно от четырёх минут! — орал Репей. — Но мы-то не обычные! Ставлю на пятнадцать минут!

— О чём он? — спросил меня Анархист.

— О том, сколько времени нам понадобится провести в холодной воде, чтобы откинуть копыта от переохлаждения.

Анархист с кислой миной принялся усердней обмазывать своё тело жиром. Я старался не отставать.

Вся одежда и снаряжение лежали в непромокаемых мешках. Свой я собирался тащить на спине, Репей наматывал верёвку на правую голень.

— Минутная готовность! — крикнул командир.

Мы, впрочем, уже были готовы, хотя Дис наносил уже четвёртый или пятый слой жира на свой член. Мы же с Анархистом стояли, скрючившись, обхватив себя руками и приплясывая на месте.

— Больше он от этого не станет! — крикнул я Дису.

— Вот я посмотрю потом, как ты с бабой после этого заплыва покувыркаешься!

Дунул резкий порыв ветра, чуть не сбивший нас с ног, а потом мир превратился в спокойную обволакивающую снежную пелену.

— Отставших не ждём!

Мы одним движением бросились в воду. Не знаю, кто рассчитал время, когда буря успокоится (или успокоил саму бурю), но я был ему благодарен. Сунься мы в воду чуть раньше, нас бы просто размазало о прибрежные камни. Кроме того, Хорвил предупреждал, что здесь много рифов. Вот бы завра чайки полакомились...

Плыли мы долго. Чёрт, мы плыли охрененно долго! У меня за это время вся жизнь раз двадцать или тридцать перед глазами пронеслась. Впрочем, недолгая у меня жизнь... Думаю, ребята успели прокрутить свои раза по два, не больше.

А чем, собственно, являлась моя жизнь? Бросок в омут с головой. Один из тех кошмаров, когда ты нырнул, но как бы не старался, не можешь всплыть. Моя проблема в том, что я не слишком-то старался вынырнуть на поверхность, смирившись с обстоятельствами.

Впрочем, все мы здесь живём так. Мы обязаны бежать куда-то вперёд, не заглядывая далеко в будущее. Пусть мы захватим замок Нервила. Что ждёт нас на другом берегу? Без разницы, ведь нам всё равно придётся переть туда, выкладывая дорогу перед собой кучами трупов. Мы одновременно и охотники, и жертвы. Жертвы обстоятельств, загнанные в рамки около игрового мира, мы привносим в этот мир хаос, сеем разрушения. Для каждого из местных мы мгновенно можем превратиться из партнёра или союзника в безжалостного охотника.

Пусть мы настоящие люди, пусть всё кругом настоящее. Но этот мир живёт по законам игры. Квест за квестом, ступень за ступенью, мы движемся вперёд, надеясь прожить ещё

хотя бы день-другой, надеясь на то, что эта игра-жизнь всё-таки имеет своё логическое завершение. Смерть — самое логическое завершение жизни, и многие уже нашли такой конец. Надежда на то, что убийство главного босса завершит игру. Что дальше? Плевать. Нырок в омут с головой.

Я перевёл дыхание, стараясь выбросить эти мысли из головы. Хандра перед боем — не лучший союзник.

Сначала мы просто плыли. Немного перестарались, не увидев в темноте и снежной пелене форт, так что потом двигались, цепляясь руками за ржавую толстую цепь. Я разодрал левую ладонь в кровь, но на самом деле цепь помогала хотя бы не потерять направление. А потом мы по очереди ныряли, стараясь нащарить дыру в фундаменте форта. В этой дыре находился потайной рычаг, открывающий лаз в форт. Хорвил хвастал, будто лаз будет таким, что корову протащить можно. Вот только дыра, в которой находился рычаг, оказалась маленькой и находилась под водой даже во время местных отливов, пусть и слабых.

Не знаю, сколько времени мы провели в воде. Думаю, не больше шести минут. Обычному бы человеку хватило. Но Репей совершенно точно прав, мы были необычными. Нет, холодно было до ужаса. Руки и ноги еле слушались. Но мы боролись и с холодом, и с водой, и побеждали.

Что-то лязгнуло, раздался шорох. Репей вынырнул, указывая, куда нам надо плыть, но мы и так прекрасно рассмотрели ход — он располагался в полуметре над местом, откуда свисала цепь. Корову в него протащить удалось бы только хорошенько связанную, но нам хватило.

С интервалом в тысячную долю секунды мы ввалились в тёмную, душную, но тёплую комнатку. В теории здесь должна была находиться сплошная стена, но Хорвил выдолбил в камне небольшой тайник для контрабанды. Корд будучи богом ввёл запрет на некоторые вещи, в частности какие-то местные листья с наркотическим эффектом и крепкий алкоголь. За исполнением запрета следили жрецы, но, думаю, чёрный рынок существовал всегда, особенно на севере, где народу (а значит и жрецов) поменьше, а свободных земель (и морских путей) побольше. При нынешней ситуации безбожия и потере веры среди местных, запрет официально оставался в силе, неофициально же наркоманов и алкашей стало куда больше.

Репей не церемонясь распотрошил один из мешков, вытряхнул из него содержимое и принялся вытираться мешковиной. Мы последовали его примеру, а Анархист завладел одной из бутылок.

— По глотку, — предупредил Репей, с трудом выговаривая слова из-за дрожи.

Больше было и не выпить. Пойло несло сивухой, а крепостью достигало градусов шестидесяти.

— Перегонный куб — великое изобретение, — констатировал Репей.

Я кивнул, стараясь сдержать рвотный позыв.

— Марганцовку им бы ещё изобрести, — буркнул Дис.

— Растираемся, — приказал босс, указывая на бутылки.

Я кое-как стёр с кожи жир и растёр тело самогоном. Помогло слабо, но потихоньку дрожь уходила, а тело наливалось теплом. Разогреться перед боем было просто необходимо: мы должны воевать в полную силу. Наш провал означал бы тяжёлую изнурительную осаду, которая вполне возможно кончится ничем. Я уже не говорю о том, что кто-то из нас мог попасть к Нервилу живым. Представить что-то худшее я могу с трудом.

Наконец, Репей отдал приказ выдвигаться. Его навык слежки работал в помещениях не так хорошо, как в поле или лесу, но у нас у всех были подобные способности, так что мы не слишком-то боялись засветиться.

Часовые на своих постах не то чтобы отсутствовали, но и присутствием это назвать было сложно. У двери сидели два подвыпивших карла, они играли в кости и костерили на все лады погоду, начальство и друг друга. Оба были уверены в том, что напарник мухлюет. Оба ушли из жизни с этой уверенностью, даже не осознав, что их убивают.

— Шесть и два, — сказал Репей трупам, поднимая стакан. Он подбросил кости в руке и швырнул их на грудь одному из покойников. — Нормальные кости. Учись, парень, принимать поражение достойно.

Мы убрали тела и вышли во двор. Здесь не было никого. Мы старались вести себя как можно тише и незаметней, хотя я сомневаюсь, что охранники на башне сейчас следили за внутренним двором. А если и следили, увидеть что-либо во вновь разбушевавшейся метели было практически не реально.

Как можно быстрее мы принялись раскладывать по деревянным пристройкам свёртки с заговорённой берестой.

— У нас пара минут, — сказал Репей, сверяясь с пергаментом.

Меня во все детали плана не посвящали, но, думаю, наши вряд ли не планировали воспользоваться потайным ходом, через который пробрались мы. Пожар, паника, удар в лоб основными силами, удар в тыл небольшим отрядом из элиты клана... Думаю, шанс на успех у нас есть.

Когда дело было закончено, мы отступили в башню. Мы закрыли дверь на засов. Баррикадировать не стали, что подтвердило мои догадки об атаке с тыла — засов держал дверь прочно, но и снять его труда не составляло.

— Доктор, Дис, уберите тех, что наверху. А мы пока...

Репей вытащил из-за пазухи небольшой оберег. Поднимаясь по лестнице, я слышал, как он даёт обратный отсчёт.

— Бух! — закончил рыжий.

За стенами прогремело несколько настоящих взрывов.

— Эй, что там за?..

Я боднул высунувшегося из люка часового в лицо и влетел по лестнице на крышу. Можно было убить его сразу, но тело могло заблокировать люк, и мы бы потеряли несколько драгоценных секунд. Впрочем, часовой успел только почувствовать, что ему сломали нос, а потом что он умирает, захлёбываясь в собственной крови.

Я и не заметил, что орудовал Клинком Тени. Он будто сам выпрыгнул мне в руку, чувствуя, что вот-вот прольётся кровь. Со своевольным мечом нужно будет что-то делать. Вот только что? Высечь и поставить в угол?

Охранники на смотровой площадке тоже были полупьяными. Вот только играли они не в кости, а просто пили, устроив себе навес из плащей, чтобы спрятаться от снега. Сейчас двое оставшихся полоумно метались по площадке, не понимая, что происходит. Я быстренько их прикончил. Причём, действительно быстро — всё дело кончилось за два удара. Я буквально чувствовал, как меч урчит от удовольствия, поглощая их жизни. Теперь я чувствовал своё новое оружие куда лучше, чем во время драки с безумным кузнецом. Меч будто просыпался, выпивая чужие жизни.

Во дворе полыхал пожар. Парочку сараев разнесло в щепки, но даже разлетевшиеся по

всему двору щепки продолжали полыхать, будто их полили напалмом. Карлы и челядь носились по двору, стараясь потушить огонь, но даже сейчас в этом хаосе появлялись группы людей, действующие скоординировано и быстро. Часть принялась за тушение пожара, а другая двигалась к стенам и фортам.

— Крысы! — верещала какая-то ведьма невыносимо противным скрипучим голосом. — У нас завелись крысы!

— Спускайся, — сказал Дис. — Если наш форт попробуют взять штурмом, внизу без тебя не обойтись. А я пока гляну что тут почём.

Я пожелал напарнику удачи и бросился вниз.

Ничего критичного пока не произошло, но кто-то всё настойчивей и настойчивей лупил в дверь.

— Смысла прятаться больше нет, — вздохнув сказал Репей. — Угощу-ка я их парочкой стрел.

— Сколько нам нужно продержаться здесь? — спросил я у него.

— Минут пять, наверное, если Гае удастся успокоить море. — Отвечая, командир выпустил из бойницы не меньше полудюжины стрел.

— Гае? — переспросил я.

— Да. Ну, старуха такая, какая-то родственница Нервилу и Хорвилу. Мать, наверное, хотя по виду смахивает на бабку. Ты её разве в лагере не видел?

— Я как-то пообещал ей, что не буду попадаться на глаза.

— Ну тогда тебе повезло, что вы не встречались — бабка она суровая.

Ну да, суровая бабка... А как же покой для нервиловых бастардов? Как же нежелание вмешиваться в происходящее? Что такое произошло, раз она решила помочь Хорвилу (не нам же)?

Хотя, чего я удивляюсь? Вряд ли кто-то из наших смог бы управлять погодой. Кому это под силу как не потомку Корда?

— Хреново дело, — сказал Репей. — К двери тащат таран. И щитами, суки, прикрываются. Нужно их как-то отвлечь.

Тем временем вдалеке, у ворот, судя по направлению звука, раздалось ещё три или четыре взрыва. Основные силы наверняка начали штурм. Но карлы, собирающиеся напасть на нас, и не думали отвлекаться от собственной цели. Если учесть быстроту, с которой люди Нервила вникали в обстановку, на стене уже должно быть достаточно народу, чтобы отбить штурм. Значит, на наших плечах по-прежнему успех операции.

Я вслушался в себя. Или, скорее, в стенания меча. Это чудовище каким-то образом общалось со мной, требуя крови. Правую руку жгло как огнём. Странно, но в руке как будто что-то шевелилось. Хотя, возможно, это просто подрагивали от напряжения мышцы.

Меч продолжал требовать от меня крови, и я решился.

— Отрывайте дверь, я их отвлеку.

— Ты умом тронулся? — поинтересовался Репей.

— В ближнем бою я лучший из нас. А нам ведь нужно всего пару минут, так?

Рыжий тяжело вздохнул, но подал знак Анархисту, чтобы он выпустил меня.

Под Скрытностью я вынырнул на улицу, почувствовав, как дверь за мной сразу захлопывается. Я набросил Плащ Теней, поправил маску боли, прикрывающую моё лицо, потом взял в левую руку арбалет и двинулся на воинов, прущих к дверям таран.

Кстати, несмотря на бурю, было не холодно. Градусов пять ниже нуля, не больше.

Возможно, снег ещё и сойдёт. После такого снега хорошо лепить снеговиков и играть в снежки.

Завтра слеплю снеговика. Красного от пролитой крови.

Я врубился в ряд карлов. Меч пел.

Меня в бок ткнули копьём, но промазали. Две стрелы воткнулись в землю у моих ног. Меч Тени, лязгнув, отбросил неприятельский клинок, отхватив с частью гарды несколько пальцев. Оба арбалета уже болтались на цепочках, болтов в них не было. Перезаряжу потом...

Движение влево, движение назад. Меч пел.

Прочертив правильную дугу, голова попавшегося на пути карла упала в снег. Другой выл, стараясь запихать в брюхо собственные кишки, изрезанные и изорванные моим клинком. Третий отползал к замку — его правая нога болталась на нескольких лоскутах кожи и сухожилиях.

Меч проснулся. Я был богом тени. Богом смерти.

«Я верила в тебя, — прошептал женский голос в моей голове. — Мы все верили».

Кто это была? Безликая, что зачитывала сообщения? Или Рилай? У них похожие голоса...

Враг дрогнул. Таран упал в снег, часть воинов бросилась бежать. Но другая часть не собиралась прощать мне мою самоубийственную атаку. Трое карлов в тяжёлых доспехах оттеснили меня назад и синхронно отступили. Три стрелы прошли мимо, а четвёртая запуталась в полах плаща. Эйфория прошла. Меч требовал крови, но добраться до неё я не мог. Из бога смерти я превратился в обычного ассасина, которого прихватили в чистом поле превосходящие силы противника.

А такие долго не живут.

Я отбил ещё один выпад меча, ушёл от удара копья, и тут меня достали. Причём, ведьма.

Внутренности скрутило невыносимой коликой. Кишки превратились в клубок кусающих друг друга змей. Боль была адской, и что-то внутри обещало мне, что это только начало.

Я с трудом ушёл от очередного удара копья. Боль сковывала движения, в глазах темнело. Правая рука с трудом меня слушалась, кажется, атаковали и её. Внутри будто что-то ползало...

Боль отступила. Так же резко, как и началась. За миг до того, как меч какого-то легковооружённого бонда лишил меня жизни, я съёл противнику голову и атаковал остальных. Копейщик и мечник отступили скорее от неожиданности — они были уверены, что мне уже крышка, а я ещё и умудрялся брыкаться.

— Стойте, — проскрипел тот невыносимый голос, который кричал о крысах. — Он мой. Не мешайте.

Она появилась передо мной будто из неоткуда. Высокая, худая, красивая. Ветер трепал её чёрные волосы и не менее чёрную накидку. Её кожу тоже стягивали швы, но аккуратные, похожие на давно зажившие шрамы. Я посмотрел ведьме в глаза и увидел в них только ненависть, глубокую, всепоглощающую. Взгляд ведьмы обрекал меня на смерть только потому, что я был жив. Сейчас же она мной ещё и заинтересовалась.

— Кто ты такой? — проскрипела ведьма. Только по голосу можно было определить, насколько она стара. Её зловонное дыхание буквально окутало меня с ног до головы. — Откуда у тебя этот меч? Как ты спасся от моего наговора?

Я пожал плечами и ухмыльнулся. Меч ходил ходуном в моей руке. Мне даже на миг показалось, что он захочет убить меня, чтобы оказаться у ведьмы. Но только на миг. Меч Тени хотел только убивать, ему было плевать в чьей он руке. А чёрную жизнь ведьмы он выпьет с ещё большим удовольствием, чем обычную.

Сколько, интересно, прошло времени? Наши уже должны были добраться до форта. Потянуть бы ещё чуть-чуть.

— Отвечай или я убью тебя, — потребовала ведьма.

Я ещё раз пожал плечами и ухмыльнулся. Другого ответа, тем более при свидетелях я дать не мог. Тем более, я знал только один ответ — откуда у меня появился меч.

Накидка на груди ведьмы распахнулась. Она взмахнула руками, как птица, и, завизжав, бросилась на меня. В неё сразу же вонзились три стрелы — Репей не сидел сложа руки — но они исчезли, словно их и не было.

А ведьма уже превратилась в чудовище. Её голова не изменилась, но прекрасное лицо лишь усугубляло эффект. Исковерканное крылатое тело, покрытое клыкастыми ртами со свисающими ядовитыми языками-шипами, налетело на меня и сбило с ног. Я покатился по снегу, едва отмахнувшись мечом, но три языка упали на землю и зашипели, разлагаясь буквально на глазах. Ведьма и глазом не повела, она зависла метрах в пяти над землёй, причём её крылья даже не двигались. А я слишком поздно заметил, что на моей одежде какая-то чадающая гадость. У меня перехватило дыхание, но это продолжалось недолго.

Чары не подействовали. Вот это взбесило ведьму по-настоящему. Её лицо исказилось, и она ещё раз завизжала. Меня окутал смрад разложения, каждый шрам на моём теле будто превратился в гноящуюся рану, но и этот эффект продолжался не больше секунды.

— Кто ты, сосунок? — вновь заверещала ведьма.

«Я не знаю», — подумал я и, перезарядив арбалет, выпустил в парящую в воздухе тварь стрелу. Впрочем, тоже безрезультатно.

Несколько ртов высунулись вперёд, выплёвывая в меня зелёные комки какой-то слизи, но я легко ушёл от этого выпада. Мне нужно было как-то достать ведьму, но она не торопилась спускаться. Репей выпустил в неё ещё пару стел, но те исчезали в теле, а от третьей, метящей в лицо, ведьма просто отмахнулась «крылом».

Пат. На меня не действуют её чары, а я не могу ей ничего сделать. Видимо, тварь сделала тот же вывод. Со скрипящим визгом она бросилась врукопашную.

Мы покатались по снегу, беспорядочно молотя друг друга. Рты ведьмы пытались прокусить мою одежду, но лёгкая кольчуга, надетая под плащом, не позволяла сделать этого. Я же пытался достать чудовище мечом, но та ловко уворачивалась. Знает, сука, чего бояться нужно...

Мне было не до того, но я чувствовал, что происходило по сторонам. С пожаром справлялись. Ворота тоже ещё стояли, хотя звуки битвы перекрывали даже визг ведьмы. Надежда только...

Мощный удар кривого, покрытого свежими побегими, копьё пригвоздил ведьму к земле. Немного левее, и копьё превратило бы нас в пародию на сиамских близнецов. Я думал, что тварь завизжит ещё громче, но она наоборот заткнулась. Её взгляд был направлен куда-то мимо меня.

— Не ждала меня?

Я узнал голос Гаи. Что ж, раз у них тут свои разборки, почему бы не вмешаться? Я размахнулся и всадил Меч Тени в одну из пастей ведьме. Но, чёрт возьми, у меня ничего не

вышло. Клыки сжались, тормозя движения, и сразу же несколько ртов вцепились в клинок по всей длине. Ведьма брыкнулась, и я вместе с мечом полетел в снег.

Подскочив на ноги, я собирался броситься на ведьму, но там моя помощь была не нужна. Гая, превратившаяся в нечто волосатое, гривастое, худое и абсолютно седое, молотила сухими старческими кулаками пытающуюся левитировать ведьму так, что чёрные ошметки крыльев летели во все стороны. Копьё, горящее багровым холодным огнём, чадило так, что резало глаза, но со своей задачей справлялось — ведьма оставалась на месте. Дерущихся старух охватывало поле радиусом метра в полтора, оно светилось то грязно-коричневыми и серыми цветами, то вспыхивало всеми цветами радуги. Здесь сошлись противоборствующие по своей сути силы, и лезть в эту не хотелось совершенно.

Подкрепление подоспело как никогда вовремя. Таран уже валялся на земле, а воины, нёсшие его, либо погибли, либо бежали. Ударный отряд состоял из полудюжины воинов под предводительством самого Корума, в форте я чувствовал ещё столько же друидов, оставшихся для поддержки. Хорвил, видимо, руководил атакой на ворота.

— Замок! — рывкнул мне Корум. — Мы должны взять замок. Там почти не осталось воинов.

Я присоединился к ударному отряду. Друиды с поддержкой из трёх ассасинов выбрались из форта и принялись раскладывать на снегу какие-то амулеты. В драку двух ведьм — светлой и тёмной — никто не вмешивался. Видимо, Гая распорядилась об это заранее.

Мы распугали челядь, борющуюся с остатками пожара, и побежали к небольшим воротам, ведущим в основное помещение замка. Но у Нервила остался резерв. На улицу высыпало полтора десятка тяжело вооружённых воинов и три ведьмы, по нам били стрелы...

Нет, по мне стрелы не били. Когда я увидел открывающиеся ворота, то действовал рефлекторно. Я сбросил Плащ, нацепил Скрытность и рванул навстречу карлам. Проскочив их, я каким-то чудом влез в уже закрывающиеся двери и, сбив с ног какого-то раненого воина, побежал вглубь помещения.

Конечно, можно было убить охрану и открыть двери, но так быстро наши даже с Корумом не справятся. А я пока могу что-нибудь предпринять...

Охраны в замке осталось не так много, причём большая часть воинов была ранена. То ли мы постарались за прошлые дни, то ли так аукнулся поход к Песцам. В большом помещении собралась перепуганная челядь — старики, женщины и подростки, человек пятьдесят. Без детей. С учётом appetитов ведьм это не удивительно. Одна, кстати, лежала на столе и выла, пока две престарелые подружки пришивали дратвой к её развороченному боку куски мяса. На них старались не смотреть, их боялись. И никто не торопился им помогать.

Я несколько секунд постоял, вглядываясь в истощённые и перепуганные лица людей, собравшихся здесь. Удивительно или нет, в них не читалось злобы. Страх, отчаянье, подавленность. Их запугивали, заставляли служить мерзким тварям, которых они искренне ненавидели. Какие, интересно, на них планы у Хорвила? Ножом по горлу и в море во время прилива? Я не был в старом замке Нервила, но, думаю, здесь произойдёт что-то похожее. Акт возмездия? Месть? Или просто бессмысленная бойня?

Сколько ещё дерьма произойти, чтобы здесь всё успокоилось?

А меч тихо, без слов нашёптывал мне, что я могу атаковать ведьм и ослабленных ранами охранников прямо сейчас. А потом, быть может, врубиться в беззащитную толпу. Нужно много крови, много... чем больше, чем лучше. Часть этих людей добровольно ушла с

Нервиллом из старого замка, а значит, они были свидетелями и участниками той резни. Это зло нужно выдрать с корнем...

Возможно, об этом думал я сам. Легко прикрываться чужой волей или приказом. Меч пусть и обладает чем-то сродни разуму (искин фентезийный, мать его), но со мной ему не справится. У меня своя воля и своё отношение к жизни, как бы смешно это не звучало от человека, который, по сути, живёт всего-то три месяца. Я не буду учинять расправу. Точка. Если дать волю злости, как тогда, когда мы спасали Смоги, единственным живым здесь стану я.

Не знаю, понял ли пострадавший от меня охранник, что в замок кто-то проник, но тревогу он поднял. Я отступил в полуосвещённые коридоры. В тени я чувствовал себя как рыба в воде. Я поднялся на второй этаж, но он пустовал. Выглянув в бойницу, я увидел, что драка между двумя старыми ведьмами ещё идёт. Отряд Корума так же продолжал возиться с резервом, несмотря на большую разницу в потерях — четыре против одного. Ведьмы помладше схлестнулись с друидами, и даже этот бой, где у клана было численное преимущество, не торопился заканчиваться, видимо, троица принадлежала к сильнейшим. Понаблюдав за боем пару секунд, я понял, что кастерам сильно мешают лучники, засевшие где-то в замке — как минимум двоим приходилось вызывать порывы ветра и ледяные щиты, чтобы отражать стрелы.

Я поднялся в башню и нашёл лучников. Их было шесть. Двое погибли быстро, с остальными пришлось повозиться некоторое время. Последний неплохо владел своим кинжалом, он нанёс мне серьёзную рану в правое бедро, но Меч Тени работал безотказно. Он рассекал дублённую кожу и лёгкие доспехи вместе с костями так же легко, как мясо. От одной раны мои противники начинали корчиться от боли или и вовсе падали парализованными — меч усиливал действие токсинов, из которых состоял мой яд, и накладывал эффекты от каждого удара. Когда можно было вызвать описание, вероятность каждого эффекта (приступ боли или паралич) составляла что-то вроде пятнадцати процентов, причём работали они параллельно... Сейчас всё как в жизни: отравился — подыхай.

Я хотел сбросить лучников с башни, но через бойницу это было невозможно, так что я, перевязав рану и выпив зелье, пристроился туда, откуда открывался наилучший обзор, и принялся посылать стрелу за стрелой в ведьм. Друиды это быстро заметили и обрушились на обороняющихся с удвоенной энергией. По ведьмам хлестали тонкие водяные струи, способные срубить дерево, на них падали ледяные глыбы и шары. Но и это не всё. Воины вместе с Корумом отступили от карлов, и над землей поднялся ураган высотой в пять метров. Он смял людей Нервила и ведьм и завис над поверженными, превращая людей в окровавленные замёрзшие статуи.

Я поспешил ретироваться. Теперь как-то нужно открыть ворота, и как-то позаботиться о своей шкуре — пусть я и помог, но выдал своё местонахождение. А в замке и без того подняли тревогу.

Мне удалось выскользнуть из-под самого носа полудюжины легковооружённых бондов. Один из них, кажется, засёк меня, но уже слишком поздно — я ушёл в тень и быстро спустился на первый этаж. Охрана у ворот была утроена, так что мне пришлось просто отступить. Помыкавшись между общим залом и дверью, я решил уйти вглубь замка. Вряд ли Нервилу хватит людей, чтобы искать меня там, а уж с дверьми всей оравой и без меня должны справиться.

Спустя пару минут я наткнулся на какого-то паренька, с трудом прущего ведро с водой. Поразмыслив, что у него можно узнать что-нибудь полезное, я быстро выбил из его рук ведро и, зажав левой ладонью рот, приставил меч ему к горлу.

— В замке прячется кто-нибудь важный? — прошипел я пареньку на ухо, стараясь сделать голос как можно более злым и неприятным.

Мычание похожее на посыл по всем известному адресу. Что ж... Я кольнул мальчишке шею и провёл острием по его глотке. Парня затрясло, но он лишь повторил направление, куда мне полагалось идти. Меня это разозлило. Мы и так торчали посреди коридора, стража могла появиться в любой момент, а мальчишка строит из себя героя.

— Я отрежу тебе ухо, потом второе... Хотя, чего тянуть?

Я сделал неглубокий надрез. Не садист же я, в конце-то концов... Приглушённый писк, означающий согласие. Это всё-таки двенадцатилетний пацан.

— Теперь тихо, но внятно. Кто-нибудь важный находится в замке?

— Конунг.

Интересно. Не увидев его среди челяди, я решил, что он командует войсками, обороняющими ворота. Оказывается, этот ублюдок прячется здесь.

— Веди меня к нему.

— Туда, — шепнул мальчишка, указывая направление, откуда он появился.

— Если там ловушка, ты умрёшь быстрее, чем я.

— Туда, — повторил он, вздрогнув. Первый испуг прошёл, и теперь он выглядел уверенней. Вот только в чём? Хочет умереть во имя конунга? Или смирился со своим предательством?

— Пошли.

Мы прошли по пустому коридору с большим количеством боковых дверей. Я держал парня под прицелом, тот трясся, но, в целом, вёл себя молодцом.

С улицы послышался приглушённый лязг, а после чудовищный вопль. Кричали десятки человек. Клан взял ворота? Но люди кричат так, будто заживо сгорают. Вспомнив про берестяной «напалм», я, внутренне содрогнувшись, понял, что моя догадка может быть недалеко от истины.

Коридор тем временем закончился тяжёлой окованной дверью. Кажется, мы добрались до второй башни.

— В зале могут быть люди.

Под Скрытностью я заглянул за дверь. Небольшой зал с трофеями, большую часть которого занимали составленные подковой столы, в дальнем конце стоял высокий стул с красивой резьбой и украшениями. Открывающаяся дверь тихо закрипела плохо смазанными петлями. Пусто.

— Пошли дальше.

Парень провёл меня мимо столов. В центре располагался очаг, наполненный обугленными детскими костями. Злоба, которой я не давай воли, чуть не вырвалась наружу. За большим стулом располагался решётчатый люк, ведущий в подземелье.

— Здесь?

— Да.

— Хочешь закрыть меня здесь?

— Нет. Нервил... он давно уже там. Это тюрьма. Он любил, когда пленники слушали, как сверху веселятся.

— Откуда знаешь?

— Я его сын. Внебрачный, конечно же. Я слишком стар, чтобы меня можно было убить, и слишком молод, чтобы драться. Никто не знал, что со мной делать. Ты убьёшь его?

— Конечно.

Парень облизнул губы. Кажется, когда-то он любил отца. Возможно, всё ещё любил. Но он твёрдо произнёс:

— Это лучше, чем то, что сейчас с ним происходит. Сделай это быстро, пожалуйста.

— Хорошо.

Я открыл люк и спустился в него. Но парень не стал его захлопывать, он просто ушёл. Я какое-то время слушал его отдаляющиеся шаги. Я в ловушке. Если клану не удастся взять замок, и меня прихватят с телом конунга...

Я отбросил эти мысли. Нужно делать своё дело. А моё дело сейчас — убивать.

Короткий коридор с шестью дверьми. Четыре двери приоткрыты, значит, за ними никого. В первой запертой камере сидело двое мужчин, старых, грязных, заросших волосами так сильно, что они не походили на людей. Увидев меня, оба забились в угол, тихо мыча. У них не было ни глаз, ни ушей, ни языков. Эти существа думали, что я пришёл их пытаться. Стиснув зубы, я застрелил обоих через окошко в двери. К нормальной жизни их уже не вернуть.

Где-то на краю подсознания будто звякнули монетки, наполняющие копилку моего опыта. И было этих монет много, словно я выполнил какое-то задание. Акт милосердия? Или наоборот — безжалостный убийца?

Человек, находящийся за другой дверью, выглядел не намного лучше. Старый, с обвисшим животом, всколоченными волосами и буйной бородой, закрывающей почти всё лицо, он смотрел на меня широко раскрытыми глазами безумца. В руках он тискал какую-то небольшую вещицу.

— Здравствуй, сынок, — сказал он. — Ты пришёл, чтобы обнять папу?

Я перезарядил арбалет. Двери открывать я и не собирался. Ещё бросится на меня... он же, скорее всего, непредсказуем.

— Оружие, — произнёс Нервил, вслушиваясь. — У тебя оружие?

— Да.

— Ты хочешь меня убить?

— Да.

— Это хорошо. Я заслужил это. Знаешь, что я хотел? Просто стать лучшим правителем. Я всегда заботился о своих людях. А что до детей... никто не безгрешен. Тем более, за ними следили. За мальчиками воины, за девочками — мать. И всё было нормально. Пока не ушли боги. Я хранитель осколка. Я видел такое, что невозможно вообразить. Зло пришло в этот мир. И я решил выбрать меньшее зло. Или... древнее забытое зло. Этих ведьм, служительниц культа Гаспа. Вернувшегося Гаспа. Ты же знаешь, что он возвращался недавно, лет за восемьдесят до появления Властелинов? О нет, откуда тебе знать, ты слишком молод. Даже мой прадед моего прадеда тогда был сопляком.

Гасп возвращался, да. Он тогда совсем обезумел, этот старый долбанутый бог. Всё ещё пытался воевать... И тогда Корд наказал его и лишил сил. Как лучше всего наказать бессмертное существо? Конечно же, обречь его на бесконечные муки. Во время битвы Корд лишил Гаспа левой руки, левой ноги, распотрошил ему живот, выдрал половину внутренностей. Когда Гасп сдался, Корд бросил его таким в один глухой, всеми забытый

мирок... Мирок, который терзали бесконечные войны. В родной их мир, изначальный мир.

Но Гасп потерял не все силы. Безумный, никчёмный, он всё больше и больше сходил с ума, становился всё злее и злее. Злоба придала ему сил. После десятилетия мучений в лесах он нашёл людей и убил их, а после начал создавать себе новое тело. По кусочку. Потом он нашёл себе новых учеников. Учениц, вернее. Кто же, кроме женщин, способен выращивать в себе новые тела? Но Гасп всегда имел извращённые представления об этом мире. Женщины, которые должны были рожать, наоборот забирали себе жизни детей, чтобы приобрести силы и жить вечно. Да и сам Гасп питался чужими силами, как же ещё сохранить свою жизнь и подпитаться силами?

Но Корд вернулся. Как всегда в самый последний момент. Он разгромил культ Гаспа, а самого бога куда-то дел. Куда — я не знаю. Думаю, наконец-то убил. А бога, даже обессилившего, просто так не убить, нет... Потому-то и сам Корд пропал. Может, тоже сдох. Одна жизнь бога за другую, такое вполне могло произойти. Мне даже мать говорила... — Нервил на миг замолчал, но, собравшись с мыслями, продолжил:

— Но культ не мог исчезнуть просто так. И я его нашёл... — Конунг хихикнул и прикоснулся к своему виску. — Вернее, она меня нашла. И залезла вот сюда.

Он замолчал. Искра разума, горящая в его глазах во время рассказа, исчезла.

— Сынок, ты пришёл, чтобы обнять меня? Иди к папочке. Прости меня, хорошо? И пусть твоя мама простит, я не хотел...

Уже ничего не опасаясь, я вошёл в камеру и зарубил обезумевшего конунга. Быстрая смерть — это даже больше, чем он заслужил, но я обещал парню сделать всё быстро. Из сжатых ладоней Нервила я вытащил осколок Молота Корда.

Вернувшись в зал, я увидел, что перепуганная челядь бежит сюда. По ощущениям их преследовали не меньше двух десятков моих соратников. Стена пала, замок взят, конунг мёртв.

Мы победили.

Милосердие I

Корум выкрикивал приказания, активно жестикулируя. Он делил пленников на три кучки. В одной были ведьмы, во второй — бонды и ярлы, в третьей — челядь, прятаясь в замке и по сараям.

Я торчал у всех на виду у левого плеча босса. Видать, за особые заслуги. На меня косились, хлопали по плечу и всячески выражали своё признание, хотя никто толком не знал — за что.

С ведьмами особо не церемонились. Выжило всего семь тварей. От их матриарха осталась лишь бесформенная масса, совершенно не напоминающая человеческое тело, но даже она продолжала жить. Когда связанных ведьм согнали в кучу и принялись забрасывать собранными наспех досками и дровами, они подняли обречённый вой. Не знаю, о чём они думали, когда сдавались. Если надеялись на пощаду, то сами могут пенять на свою наивность. Когда импровизированный костёр был собран, в него метнули несколько свёртков бересты и подожгли. Никаких речей или обвинений, они были излишни.

Воинов осталось не больше четырёх десятков, большая часть еле стояла на ногах, а несколько тяжелораненых и вовсе лежала прямо на снегу. Труп Нервила тоже вынесли на улицу, он лежал рядом с ранеными. Как я уже успел узнать, не меньше пятидесяти человек погибло у ворот — туда били и местные, и наши, стягивая большую часть обороняющегося

войска в одно место. А потом в ход пошли свёртки с берестой. В огне погибло несколько нападающих, около десятка получили сильные ожоги, но в открытом бою народа погибло бы куда больше. Не думаю, что сгорающим заживо людям было от этого легче.

Пленных окружили люди Хорвила. Сам новый конунг с перевязанной рукой командовал своими людьми, расставляя лучников так, чтобы им было легче вести огонь по толпе. Когда всё было готово, он повернулся к пленникам.

— За все ваши преступления, — сказал он. — Хороший воин должен погибнуть рядом со своим командиром.

Я не смотрел, как их расстреливают из луков в упор, а потом дорезают ножами. Меня больше беспокоила судьба пленной челяди.

Их никто особо не охранял, но никто и не пытался бежать. Им дали время на то, чтобы одеться и оказать помощь слабым, что немного радовало. Слышались мольбы о милосердии и крики о помощи. Я нашёл взглядом парня, показавшего мне местонахождение конунга, и одобряюще улыбнулся, но тот то ли меня не увидел, то ли не поверил мне.

— Они тоже пострадавшие, — сказал я Коруму. — Их заставляли служить.

— Уверен?

— Я был в замке. Они даже пальцем не пошевелили, чтобы помочь ведьмам. Их детей точно так же принесли в жертву, как и у тех, кто нам помогал.

— И никто не посмел помешать?

— Те, кто посмели, думаю, мертвы.

Берсеркер помолчал, а после пробасил:

— Я тебя услышал. Но решаешь здесь не ты.

Около двух десятков соклановцев стояли здесь. Большая часть сейчас оказывала помощь раненым, кто-то хоронил убитых. Всего погибло двадцать восемь наших и двадцать пять человек Хорвила. Самые большие потери клана за всю историю, но и победа одержана самая большая.

— Не знаю почему, — громко начал Корум, обращаясь к пленным, — но Хорвил хочет, чтобы вас судили мы, пришлые. — Он помолчал, глядя на женщин, детей и стариков. — Наверное, думает, что взгляд со стороны будет более объективным.

«Или не хочет мараить руки в крови, чтобы не выглядеть таким же мясником, как Нервил».

Был у меня ещё один вариант. Жестокий, но тоже правдоподобный. Вполне может быть так, что сам Корум решил судить их. Чтобы проверить, способны ли мы по его приказу убивать безоружных. Но я сразу отбросил эти мысли.

— Но взгляд со стороны, — продолжал босс, — может быть ещё и неполным. Мы не присутствовали при вашем бегстве из замка. Многие, думаю, служили конунгу здесь. И уж тем более, я не могу знать, кто участвовал в расправах над безвинными, а кто нет. Кого заставляли служить, а кто это делал по собственной воли. Никто не рассудит вас лучше, чем те, кто присутствовал при этом. — Трясучка вскинул руку, указывая на север. — Там находятся деревни. До них день пути. Там сейчас остались такие же женщины, старики и дети, как и вы. Ваши родственники, односельчане, ваш народ. Я не дам вам ничего, ни дополнительной одежды, ни еды, ни тем более оружия. И пусть такие же как вы беззащитные судят, кого им принять, а кто останется умирать на улице. Идите.

Кто-то не верил в своё счастье, кто-то выл, умоляя дать им хоть что-то, но Корум развернулся и отдал приказ уходить.

— А они не ограбят тех, кто остался в деревьях? — спросил кто-то.

— Там осталось достаточно крепких мужчин, пекарей, пахарей и пастухов, чтобы их защитить, — ответил Корум.

Вот тебе и милосердие. Прямо по-местному.

— Ладно, — сказал босс, когда мы миновали догорающие остатки ворот, — все свободны. Награды будем раздавать завтра.

Он хлопнул меня по плечу и ушёл в сопровождении наиболее приближённых людей. Рудды среди них не было.

Я побродил по замку и нашёл Алексея. Он сидел с несколькими знакомцами и пил вино. Думаю, скорее в целях анестезии — у некро-друида после боя осталось несколько сильных ожогов, да и одна ведьма чуть не свела его в могилу своими амулетами.

— Прости, что мне придётся это говорить, — еле слышно прошептал он, — но Тёмная Мать...

Они стояли вместе в задних рядах. Проку от них практически не было — Алексей не мог поднять ни мёртвых животных, ни управлять травой ввиду их отсутствия, а Тёмная Мать запоролла прокачку давным-давно, превратившись лишь в слабого персонажа поддержки. И когда взорвались ворота, они стояли рядом. Просто некро-друиду повезло, а Тёмной Матери — нет. Балка с прилипшим куском берестяного «напалма» сбила её с ног. Дерево сняли быстро, но у Тёмной Матери уже загорелась одежда, волосы... У неё обгорело половина тела прежде, чем удалось сбить огонь. Рука превратилась в культю, сгорела правая грудь...

Я стоял у кровати, слушая сквозь стоны и крики других раненых её прерывистое дыхание. Правую половину лица скрывали пропитанные мазью Гаи тряпки, но я знал, что мясо там сгорело до кости.

— Ничего, выживет твоя ненаглядная, — проговорила старуха. Несмотря на собственные раны, она не покладая рук ухаживала за ранеными. — А через полгодика будет такой же красоткой, как и была.

Я угрюмо кивнул.

— Иди, ей нужен отдых.

Я поднял взгляд на старуху.

— Ты даже не попробуешь меня убить?

— За что? За то, что убил моего сына и внучку? Они оба выбрали свою дорогу самостоятельно, они знали, что умрут, а ты лишь слепое орудие в этой игре богов. Нет, Судья, тебе придётся с этим жить.

— Почему ты назвала меня судьёй?

Старуха тяжело вздохнула. В её взгляде читалась злость.

— Узнаешь, если доживёшь. А теперь вали-ка отсюда, не отвлекай меня от раненых.

Я вернулся к нашим. Горько покачал головой на безмолвный вопрос «как она?». Мне всучили выпивку.

Якудза поднял бокал.

— Выпьем за живых!

Мы повторили тост.

Осень заканчивалась, значит, заканчивалась война. Дороги заметёт, море замёрзнет. Время для героев прошло, пришло время для мирных жителей. Время чинить дома, подсчитывать потери и надеяться, что весна станет временем для свадеб, а не для войны.

Не знаю, стали ли мы для этого мира своими. У нас есть ещё полгода покоя, чтобы

узнать это. Знаю одно — мы стали героями. Жестокими, безжалостными, озлобленными. Наше милосердие — лишь отсрочка неминуемой смерти. Способ решения проблем — меч и смертоносная магия. Наша жизнь — смерть для других.

Именно таких героев заслуживает этот мир.

Часть вторая. Время для зла. Зима I

Широкой лопатой я чистил снег во внутреннем дворе замка. Кровавого льда уже почти не осталось, лишь несколько отколовшихся от мёрзлой земли кусочков портили девственно-чистую белизну снега. Закончив работу, я их засыпал.

Сунув в заново отстроенный амбар лопату, я направился к воротам. Часть ворот была заделана свежей древесиной, но закопчённые куски напоминали о недавнем сражении.

— Куда направился? — спросил меня стражник.

— Погулять, — пожал я плечами, — засиделся в замке.

Стражник понимающе ухмыльнулся. Прогуляться ходили многие — в замке не хватило бы женщин на всех соклановцев, а если учесть четыре десятка дружины Хорвила, и говорить нечего. До ближайшей деревни день пути, так что на прогулки обычно уходило четыре дня, эдакий своеобразный отпуск. В деревнях кроме местных жило ещё человек пятьдесят наших. Вместе с людьми Хорвила они патрулировали границу, и вообще поддерживали порядок: когда слухи о кончине старого конунга расползлись по округе, многие прячущиеся по лесам крестьяне начали возвращаться на насиженные места. Завелись и разбойники, но их быстро сократили в числе до такой степени, что про них уже неделю ничего не слышно.

Обычно у покидающих замок спрашивали письменное разрешение от Корума или кого-то из его приближённых, но меня стражник выпустил просто так. Я как-никак человек, «без которого весь диверсионный отряд погиб бы в первые минуты», «внёсший неоспоримый вклад в победу», «собственноручно убивший злодея». Или «лучшая крыса, которую когда-либо знал мир», если припомнить похвалы от Репья. Из-за этого мне пришлось покинуть старую пати — Якудза быстро намекнул, что ему такие крупные шишки в отряде не нужны, а уступать командирское звание он не собирается. Да и, честно говоря, я уже прижился в отряде Репья. Впрочем, мой уход все пережили безболезненно: Алексей нашёл девушку среди наших и почти всё тратил на неё, а у остальных было слишком много других дел.

Но я и не на четыре дня уходил, я планировал вернуться уже сегодня.

Выгоревший кусок земли, где проходила основная часть сражения, теперь покрывал снег — мы специально сваливали его туда, и за две недели его набралось достаточно. Остатки несгоревших костей мы захоронили в другом месте, дальше от ворот, не пытаясь разделить своих и чужих, но снежное «надгробие» напоминало о погибших. Кучу снега приходилось обходить, но никто не жаловался.

А вот место расправы над ведьмами и воинами Нервила мы сторонились. В первую очередь из-за страшной трупной вони — несгоревшие останки ведьм разлагались даже при отрицательной температуре. Во-вторых, рядом с могильником сразу становилось как-то не по себе. Именно из-за этого мы весь следующий день сооружали кострище для казнённых солдат, хотя до этого Хорвил собирался бросить тела вообще без погребения, в наказание. Новоиспечённый конунг ещё поговаривал, что если трупы встанут, он с удовольствием убьёт их ещё раз. Но тёмная магия, оставшаяся от ведьм, заставила его передумать. И я его в этом поддерживаю.

Все ходили в увольнительную в деревни, где клан базировался до штурма, я же сэкономил полдня как минимум. В деревнях меня никто не ждал, а вот у озера, оккупированного утопленниками, кое-кто был. Местные называли это озеро Озером

Мертвяков, а мертвяки — Туманным. Или Вечным. Дело в том, что когда температура воздуха падала ниже нуля, и озеро по идее должно было замерзнуть, с поверхности воды поднимался тёплый туман, не дающий встать льду и даже «отапливающий» берег метров на пятнадцать. Не сказать, что там было тепло, так, градусов восемь-десять, но всё лучше, чем морозиться.

До озера я добрался бегом за пару часов. Летом времени ушло бы меньше, но по снегу особо не разгонишься. Сороковой уровень стал для меня каким-то прорывом, я получил за него много стат (рост составил сорок процентов), и, думаю, косвенно это усилило все мои способности, не говоря уже о физической форме. К тому же, я получил новое чуть ли не лучшее из имеющегося снаряжение — лёгкую кольчугу из воронёной стали, великолепный плащ и два отличных ножа, один из которых висел на поясе, а второй был вставлен за голенище. Встреться мне по дороге какое-нибудь чудовище, я бы места мокрого от него не оставил. Даже без Меча Тени, который, напившись крови, как будто ушёл в спячку. Иногда я чувствовал, что с ним что-то происходит, но проверить не мог, иначе пришлось бы искать себе жертву, и не одну. Чем сильнее становится меч, тем больше ему потребуется жизней, чтобы насытиться, в этом я был уверен практически со стопроцентной уверенностью.

Когда лес закончился, мне открылась будто заполненная туманом котловина. После мороза от влажного прохладного воздуха становилось немного не по себе, но только на пару секунд. Я сбросил плащ и направился к шалашу, который построил в прошлое своё посещение. Топлюши там не оказалось, так что мне с четверть часа пришлось отмахиваться от покойной любовницы Нервила.

— Вы обещали принести нам его труп, — тупо бормотала она, расхаживая по кромке воды. — Вот я бы поиздевалась над ним... он бы пожалел за то, что нам пришлось с собой сделать...

— И тебе бы пришлось видеть его рожу каждый день, — раздражённо сказал я, но это не подействовало, как и другие объяснения. Я рассказал покойнице и то, что разумом конунга завладели ведьмы, и то, что он сошёл с ума, и плевать ему было на все мучения, какие бы она не выдумала. Без толку. Аму просто хотела выцарапать покойному любовнику глаза, и я не виню её в этом.

Появившись, Топлюша отогнала Аму. Она пользовалась среди утопленников уважением, не знаю почему. Да и не моё это дело.

— Привет, — улыбнулась утопленница, в руках она держала рыбину.

Шрамы совершенно исчезли с её тела, будто их и не было. О наших ранних встречах напоминали только сросшиеся веки на левом глазу. Причём, под ними чётко виднелось полноценное глазное яблоко, и даже ресницы уже выросли.

Я отказался от угощения, сославшись на то, что у меня есть своя еда.

— А я поем, — с позитивным настроением в голосе сказала утопленница. — А потом ты должен мне помочь.

— Хорошо.

Топлюша пальцами распотрошила рыбу, выдавила все кишки и принялась за трапезу. Ела она с такой аккуратностью, какую вообще можно ожидать от «человека», поедающего сырую рыбу целиком. Закончив, Топлюша умылась, под села ко мне, положила голову мне на колени и попросила:

— Разрежь мне глазик.

— А я его не поврежу?

— Так ты аккуратно режь. А если и выколешь, новый вырастет и даже быстрее, чем в этот раз.

Я тяжело вздохнул и вытащил из-за голенища самый маленький из своих ножей. Растянув кожу двумя пальцами, я проделал хирургический разрез на веке, умудрившись даже аккуратно разделить ресницы пополам.

— Готово.

Утопленница несколько раз моргнула и захлопала в ладоши.

— Ой, как хорошо! А то когда разрываешь веки руками, очень больно получается.

— Это у тебя не в первый раз? — поинтересовался я.

— Конечно, нет! — махнула рукой Топлюша. — Как-то раз, когда я ещё была совсем слабой и молодой утопленницей, я захотела поиграть с медведицей и её медвежатами, так она мне пол-лица оторвала, правую руку и кое-что из мягкого. — Моя собеседница кокетливо поправила свои лохмотья, от которых за осень практически ничего не осталось. Вообще, ей вполне можно было и вовсе остаться без них, настолько мало голого тела прикрывало то, что осталось от платья.

— Молодой и слабой утопленницей? — переспросил я.

— Ну да. Со временем сил становится больше. Вот ты, например. Когда я тебя первый раз встретила, ты был совсем слабый, а сейчас мы бы со Стрыгой и Лешим втроем с тобой бы не справились.

— Это немного другое.

— Почему ты решил? Потому что ты убиваешь кого-то и только после этого становишься сильнее? Так и я многих убила, — голос Топлюши неожиданно похолодел, стал похожим на тот, что я слышал увидев её впервые. — У меня было много игрушек, Безымянный.

От этого прозвища я вздрогнул. Утопленница так начала называть меня, когда я выложил ей всю правду про себя. Всё, что меня глодало, про смерть Рилай в том числе. «Я не буду называть тебя ни Доктором, ни Алексеем, потому что это не твои настоящие имена», — сказала тогда Топлюша.

Странно. Я не осмелился рассказать никому из друзей и знакомцев о себе. Даже Тёмная Мать знала обо мне не больше других. Когда меня спрашивали, я ограничивался общими фразами, а заканчивал разговор словами типа «да что уж теперь-то об этом говорить», и мой собеседник каждый раз вздыхал и тянул «ну, да...».

Топлюше же я рассказал всё, как только она попросила, хотя я с ней даже не спал. Потом долго пыталась что-нибудь вспомнить о подобных случаях, потомках Корда и Мече Тени. Расспрашивала утопленников, но никто не мог вспомнить большего, чем знал мне уже было известно. Даже жена Нервила знала только о каком-то очень важном камушке, который вроде как был счастливым талисманом для её мужа. Ни о крови Корда, текущей по жилам её детей, ни о разбитом Молоте.

Думая об этом, я понял, что практически ничего не знаю о Топлюше. В прошлое своё посещение я рассказывал о себе да давал задания, чтобы она расспросила других утопленников. У нас была куча времени, а я даже не спросил, что для неё значили Стрыга с Лешим, как она жила до смерти и что делала после.

— Стрыга и Леший много для тебя значили? — осторожно поинтересовался я.

— Много? — Топлюша грустно хмыкнула. — Почти всё.

— Расскажи. О них, о себе.

Утопленница лукаво улыбнулась.

— Я уж думала, что ты никогда не спросишь. Я почти не помню того, что было со мной, когда я была жива. Знаю одно — я любила одного парня. Он был таким милым, так смешно дышал мне в шею, когда... трогал меня. Мне было так щекотно. Но у меня был другой жених, и, когда он узнал о нас, то в приступе ревности утопил обоих. Но я утонула... не до конца. Конечно, я умерла, но была в сознании. Я обнимала моего возлюбленного на дне озера и плакала, но не ощущала слёз — вокруг была только вода. Когда ты ушёл от меня в третий раз, я тоже хотела плакать, потому что я решила, что потеряла тебя... Но ты вернулся. — Топлюша улыбнулась и продолжила:

— Я долго ждала, пока мой жених не придёт купаться в озере, а когда он пришёл, утопила его. Мне это понравилось, и я стала топить других симпатичных парней, они мне были безразличны, но я понимала, что такова уж моя участь. Ведь в сказках утопленницы и русалки должны топить симпатичных парней. Постепенно моя сила росла, и я поняла, что могу путешествовать по другим рекам и озёрам.

Так я познакомилась со Стрыгой и Лешим. Они были старые и относились ко мне, как к внучке. Это было лет шестьдесят назад. Когда я поняла, что уже совсем старая, и если бы мой жених меня не утопил, то я бы давно умерла своей смертью и покоилась в земле, то сказала им это, но они начали на меня ругаться. «Ты маленькая девочка, — говорила стрыга. — Ты погибла, когда была такой молодой, а значит, ты осталась молодой навеки». Ещё лет через десять я поняла, что им нравится, когда я веду себя по-детски, потому что они любили меня, как дочь. И тогда я стала вести себя, как ребёнок. Но потом пришли вы, — в голосе Топлюши послышалась боль. — Вы убили и Стрыгу, и Лешего, и я осталась одна. Я хотела тебе отомстить. И одновременно хотела, чтобы ты был моим. Я искала тебя... Но ты сам нашёл меня. Вот так.

— Грустная история.

— Очень грустная, — печально кивнула утопленница. — Но если ты меня поцелуешь, я стану весёлой-весёлой.

Я облизнул губы. Черт, почему нет? Это красивейшая девушка, которую я знаю. Тонкие черты лица, идеальная фигура. Характер, как оказалось, не такой уж и скверный (кучу трупов в расчёт не берём — это было давно, да и я сам не ангел). Чуть-чуть бледновата, но это даже не минус, стоит лишь посмотреть на эту белую гладкую кожу.

А Тёмная Мать?..

Я не святой. И я никогда её не любил. Она мне нравилась... Но, чёрт, сейчас она сама не может смотреть на своё отражение в зеркале. Конечно, с каждым днём ей становится всё лучше, она уже ходит на костылях, а на лицоросло мясо...

И всё равно мне не по себе, когда я проведу её.

О Топлюше я думаю уже долго. Слишком долго, чтобы не признаться себе, что я кое-что к ней испытываю.

И что же мне делать?

Я осторожно взял Топлюшу за подбородок и поцеловал её в губы. Они были мягкими и тёплыми. Я с трудом заставил себя оторваться от неё. Чувство было странным. Ей в несколько раз больше лет, чем мне, и большую часть времени она не то чтобы жива.

— А если ты поцелуешь меня ещё раз, я приведу утопленника, который кое-что знает о Корде и его потомках.

Я вздрогнул от неожиданности. Вот так так... И как давно, интересно, она с ним

знакома? И чего ждала? Пока я спрошу об её прошлом или поцелую? Я посмотрел на хитрую улыбку Топлюши и улыбнулся сам.

— Поцелую два раза.

Утопленник, о котором говорила Топлюша, обитал на другом краю озера. Пока мы шли, я заметил несколько изменений. Во-первых, топляков сильно поубавилось. Во-вторых, я увидел несколько мёртвых деревьев. И дело вовсе не в зимнем увядании. Приблизившись к одному из них, я постучал кулаком по коре. Будто по камню ударил. Со вторым то же самое.

— Они мертвы, — сказала Топлюша, до этого наблюдавшая за мной молча. — Умерли в один момент. И умерли окончательно, не как я.

— А что с теми местами, откуда мы пришли?

Утопленница вздрогнула и повела плечами будто от холода.

— Там уже всё мертво. Не осталось даже нежити. Сейчас все живут здесь, кто-то ушёл дальше, но... многие думают, что рано или поздно смерть достанет всех.

— Поэтому утопленников здесь стало меньше?

— Нет, просто рыба сейчас ловится хуже, многие закопались на дне, чтобы спокойно перезимовать.

«Зимой рыбы становится меньше, и обитатели местной неживой фауны уходят в спячку на зиму, чтобы весной, с первыми тёплыми деньками, выйти на охоту на мелководье». Передачу можно будет назвать «Диалоги о утопленниках» или «В мире нежити».

Как обычно яркие, но в то же время слишком обобщённые воспоминания о том мире не нашли внутри меня никакого отклика, никакой зацепки о моём прошлом. Безымянный, Судья, Доктор, Алексей... четыре прозвища, за которыми как будто и нет человека, только разумная оболочка с ограниченным набором действий, чаще всего сводящейся к простым действиям вроде «найти цель — убить цель».

Я устало потёр ладонями лицо. Хватит хандрить, я — живой, настоящий человек. И сейчас у меня, возможно, появится шанс узнать об этом мире больше. Кто знает, возможно, это поможет получить кое-какую информацию и о себе.

Мы вышли на небольшой травяной пляж. Тумана здесь было куда больше, а температура поднялась ещё на пару градусов, так что я сбросил большую часть одежды, которая уже начала мокнуть.

— Я сейчас, — сказала Топлюша и, сбросив свои лохмотья (будто в этом был смысл), нырнула в воду.

Ждать её пришлось около пяти минут. Наконец, наигранно отдуваясь и плюхая в воде, она вытащила на берег нечто, что я никогда бы не принял даже за мёртвого человека. Но, присмотревшись, всё-таки признал в этом своего собрата, умершего, должно быть, сотни лет назад.

Наверняка его изуродованный труп с отрубленными ногами выбросили в озеро, где нам ним потрудились ещё и рыбы прежде, чем он «ожил». На теле остались истлевшие куски одежды и кольчуги, а на единственной оставшейся руке была латная перчатка. Утопленник водил единственным глазом, а в его ране на голове, стоившей ему левых скулы, глаза и половины лба, шевелился маленький рак.

— Я почти поймал себе обед, — недовольно проговорил труп, едва шевеля своими синюшными губами. — Но раз уж есть возможность поговорить с кем-то кроме Брюнхильды, я согласен пожертвовать даже тем замечательным карпом.

— Брюнхильды? — переспросил я.

— Это мой рак, — утопленник нежно прикоснулся к ране на голове. — Она живёт со мной уже шестьдесят лет. Подозреваю, что она тоже давно мертва, но продолжаю верить в лучшее. И, откровенно говоря, не уверен, что она самка. Но я так соскучился по женскому обществу.

Я с содроганием посмотрел на рака, шевелящегося в мозгу утопленника. Мерзко и смешно одновременно. Казалось бы, куда дальше — жалкая жизнь нежити, навек прикованной ко дну, но даже в этой ситуации этот утопленник продолжает цепляться за любые вещи, связывающие его со старой человеческой жизнью. Хотя бы ищет компанию.

— И как ты, интересно, охотился? — спросил я. — Не бегал же по дну за рыбами?

— Ха-ха! Да уж, верно подмечено, бегать я не могу уже лет сто пятьдесят или чуть меньше. Я лежу на дне, прикинувшись бревном, и когда какая-нибудь легковерная рыба подплывает достаточно близко — ХВАТЬ! (утопленник лягнул латной рукавицей) — я её хватаю. Боюсь себе в этом признаться, но я чуть не съел Брюнхильду, когда она забралась ко мне. Тогда её, правда, звали Снорри. Ах да! — утопленник хлопнул себя по уцелевшей половине лба. — Совсем забыл представиться! Я... — он замолк на полуслове, но тут же спохватился: — Я забыл, как меня зовут, но все здешние называют меня Бревно.

— А это Безымянный, — сказала Топлюша, — я тебе о нём рассказывала.

— Ах, да! Помню-помню. Не я один забыл своё имя, да, Безымянный? Топлюша говорила, что у тебя есть ко мне пара вопросов?

— Быть может, даже не пара. Что ты знаешь о потомках Корда?

— Ну, я знаю, что я один из них. Но, думаю, тебе нужен более полный ответ. — Бревно на некоторое время замолчал, а потом вздохнул. — Эх, башка моя пустая. Наверняка, многое я забыл, но кое-что могу рассказать. Начну, наверное, с себя.

Зовут меня... не помню как... А вот отца моего звали Нервил, сын Кровви, чьего отца звали Хорвил, а его отца звали Нервил, а его отца звали Кромен... и так далее, вплоть до самого Спага, первого потомка Корда. Спага родила человеческая женщина, чьё имя мне, к сожалению, неизвестно. Корд тогда ещё не был богом, так что вполне мог зачать свой род. У Спага было множество детей и друзей, и Корд, тогда ещё общающийся с простым народом, отдал им обломки своего Молота. Один из них, кстати, хранился у меня. Из-за него меня, в общем-то, и убили... Но об этом позже.

Обломки Молота передавались из поколения в поколение. И у каждого из них владельцев всегда обнаруживались какие-то скрытые способности. Кто-то хорошо врачевал, кто-то становился оборотнем. Молот, созданный из сердца мира, Молот, убивший полубога, просто не мог не принять часть силы этого мира. И этой силой заражались, если можно так выразиться, хранители. Но, конечно же, больше всего она воздействовала на прямых потомков Корда.

Именно на хранителях осколков Корд и построил свою Империю взамен гасповой. Кто-то поклонялся им как богам, тем более, многие ушли в храмы, чтобы служить своему уже божественному предку. Но кто-то возжелал себе такой же власти. Многие роды прервались из-за жрецов — ведь тем, как и Корду, теперь не разрешалось иметь детей. Некоторых убили. Многие пали в битве с Гаспом, когда он вернулся в этот мир. Но, думаю, несколько кланов ещё остались. И теперь они уже хранили свою тайну, в этом им помог сам Корд, объявивший, что все его потомки умерли либо от старости в храмах, либо в битвах с приспешниками Гаспа. Мне тяжело это признавать, но многие погибшие в войне были и на

другой стороне.

Кланы разбрелись по свету и зажили тихо, как мы. Но старые легенды не забываются... и старые боги иногда возвращаются. Говорили, что Корд наконец-то окончательно победил Гаспа, но я не слишком-то верил это рассказням. И, как я и думал, Гасп объявился лет через тридцать. Не буду гордиться, но честь встретить его во всеоружии досталась именно мне.

Я помню его как сейчас. Сумасшедший старик на носилках, сшитых из человеческой кожи. Настоящая развалина с выпотрошенными и гноящимися внутренностями. Его живот стягивали верёвки, но какое-то проклятье заставляло верёвки распадаться очень быстро, а кишки сумасшедшего бога буквально пухли от гноя. О, он страдал так, как не страдало ни одно живое существо до того времени.

Но, к сожалению, он нашёл выход. Плоть хранителей осколков и потомков Корда могла заживить его собственную. На время, но этого времени было достаточно, чтобы он мог что-нибудь предпринять. В то время я отдал приказ всем кланам попрятаться, кроме мужчин, конечно, которые хотели принять бой. И мы действительно очень хорошо спрятались. Лишь несколько героев собрали армию и начали войну против культа Мёртвого бога... Но для меня она кончилась довольно быстро.

Тут уже история короткая: меня загнали в ловушку и убили. Ноги отрубили, чтобы пришить одну из них Гаспу, а тело бросили в озеро. Хорошо, что я успел отдать свой осколок моему троюродному племяннику и хорошему другу... которого звали... звали... Снорри, вот как его звали! Ха-ха, что-то ещё осталось в этой голове! — Бревно довольный собой постучал себя пальцем по виску. — Что было дальше, мне неизвестно — слишком мало новостей доходит до озёрного дна. Про одного из своих потомков я, конечно, слышал... но, честно говоря, до людей мне теперь дела нет, предпочитаю питаться рыбой.

Я какое-то время обмозговывал полученную мной информацию. Многие осколки в таком случае должны были затеряться... А Гасп непосредственно — я бы сказал даже кровно — связан с Кордом. Иначе его плоть не признала бы плоть потомков нового бога. Я просил об этом у Бревна.

— Обломки никогда не теряются, — назидательно произнёс утопленник, — просто новые хранители берегут тайну лучше зеницы ока. Возможно, кто-то собрал несколько. Возможно, таких людей — если их можно называть людьми — несколько. Но потерять осколок невозможно.

Что до Корда... Когда-то он был зверем, свободным зверем, что бродит по лесам в поисках самки и добычи. Добычу в лесу найти несложно, тем более сильному и мудрому зверю. Но всего лишь зверю, да ещё и последнему в своём роду, потому с самой у зверя были некоторые затруднения. Не знаю, что это был за зверь. Странное, магическое существо. Не знаю, почему оно было последним, и как вымерло его племя, но легенды говорят об этом как о факте. Гасп, ещё будучи человеком, сразился со зверем и победил. Но убивать не стал, пожалев последнего представителя своего вида. Он заключил раненого зверя в цельный горный хрусталь и оставил в нём, как он думал, на веки.

Но один из друзей Гаспа, великий воин и герой, был тяжело ранен в бою. Гасп в то время уже обладал способностью Творить, и он, не найдя другого выхода, сделал из своего друга и последнего в роду зверя одно существо. Как он сделал это, меня не спрашивай, я не Творец. Гасп понадеялся, что полученное существо сохранит разум его друга, но... получился Корд, чистый лист, глупый, как младенец. И до самок ему дела не было.

Дочь у Гаспа была единственная, и умерла она бездетной, это неоспоримый факт. Сам

Гасп убил собственных братьев, чтобы забрать себе все силы природы. Так гласят легенды, и так говорил сам Корд. Теперь скажи мне, как они могут быть кровно связаны?

— Корд мог лгать, — сказал я.

Это моё предположение рассердило Бревно.

— Послушай, — недовольно проговорил утопленник, — ты бы помалкивал о тех вещах, о которых не знаешь.

— Но ведь были нестыковки с легендами и реальностью, — упрямо продолжил я. — Например, если Корд так любил Алу, зачем он сделал из её могилы Сердце Тьмы? Зачем собрал там кучу злого магического хлама?

— Да что ты мелешь! — взорвался Бревно. — Могила Алу находится в самом сердце материка, под главным храмом самого Корда! А Сердце Тьмы недалеко отсюда! Это все знают! Вот у неё спроси хотя бы, если не веришь мне.

— Это все знают, — подтвердила Топлюша.

Я промолчал. Об этом знают все, но не знала Рилай? Ох, сомневаюсь. Кажется, об этом придётся разговаривать со старухой, но той и след простыл на следующий же день после битвы.

Бревно тем временем принялся ворчать, что он устал, хочет есть и вообще молодёжь в его время так себя не вела, не беспокоила мёртвых и принимала их слова за чистую монету.

— Я тебя отнесу, — предложила Топлюша.

— Подожди, — попросил я. — Скажи хотя бы, кто такой Судья?

— Человек, который волей других людей назначен решать имущественные и прочие споры, — раздражённо ответил утопленник. — Убери меня с берега, родная, солнце сушит мне кожу. Только ты знаешь, как общаться со стариками. И не приводи ко мне этого... — остальные фразы заглушила вода. Всё-таки не нужно было с ним спорить.

Утопленники исчезли, а я остался на берегу подумать. Всё-таки кое-что не сходилось. Ведь ведьмы гонялись именно за детьми Нервила, то есть прямыми потомками бога. Конечно, они резали на «запчасти» всех подряд, но если бы так хорошо подходили любые дети, они не стали бы искать бастардов старого конунга.

Появилась Топлюша.

— Ну, узнал что-нибудь полезное?

— Да, спасибо. Пошли назад?

— Пошли.

— Одеваться не будешь?

Утопленница делано сконфузилась и, пробормотав, что совсем об этом забыла, натянула свои лохмотья.

Возвращались мы в полной тишине. Топлюша висела у меня на руке, видимо, довольная одной моей компанией, а я размышлял о богах. Всё-таки они большие ублюдки, что Властелины, что Гасп, что сам Корд. Но коль уж выбирать меньшее зло, то Корд смотрится предпочтительней.

— Ты опять сегодня уйдёшь? — спросила меня Топлюша, когда мы вернулись к шалашу.

— Да, у меня дела. — На утро Трясучка собирал всех приближённых, чтобы обсудить планы на будущее. Нервил убит, ведьмы уничтожены, замок в наших руках, но на западе и юге остались куда более опасные... пусть пока не противники, но соперники точно. Я имею в виду другие кланы игроков. А в том, что на материке должны заправлять целые кланы, никто не сомневался.

Топлюша расстроилась, но постаралась не подавать вида.

— Я уйду не прямо сейчас, — сказал я. — У меня ещё есть пара часов.

— Это хорошо, — оживилась утопленница. — Можно поиграть в догонялки или поплавать. И ты обещал, что поцелуешь меня два раза, а поцеловал только один.

Я с трудом унял дрожь в голосе.

— Я об этом помню.

Топлюша услышала, с какими интонациями я говорил. Поэтому она приникла ко мне всем телом и принялась дёргать завязки моей рубахи. Я впился в её губы своими, а мои руки уже нашарили её грудь.

Я, в конце концов, не святой. И от моих маленьких, человеческих ошибок этот мир страдать не будет.

В замок я вернулся тем же вечером. Мне не хотелось ночевать в сырости, да и перед Тёмной Матерью надо было... кхм... отчитаться.

Магичка ждала меня. Наверняка кто-то успел донести, что я ушёл, а куда ходят все наши, я уже говорил. Когда я появился в «больничном крыле», Тёмная Мать заметно приободрилась.

— Как дела? — спросил я, стараясь не смотреть на неё.

— Лучше, гораздо лучше, — ответила Тёма.

Её лицо как обычно скрывала повязка, из-под которой торчала только нижняя часть лица. Но всё равно можно было рассмотреть нижний край раны или уже скорее шрама. Я чувствовал себя не очень-то уютно. Магичке было хреново, как только может быть хреново когда-то симпатичной, но изуродованной девушке. А я шатаюсь по всяким... озёрам. Сейчас секс с Топлюшей не казался такой отличной идеей. И всё равно я знал, что при первой же возможности пойду к ней.

Что делать? Бросить изуродованную любовницу, чтобы её место заняла утопленница-убийца?

— Гая принесла мне новую мазь, — продолжала магичка. — Говорит, за пару месяцев лицо восстановится. И грудь у меня уже начала расти. Я сегодня молочную железу нащупала...

Она говорила что-то ещё, а я боролся со своей совестью. Совесть проигрывала.

— Куда ты уходил?

А я уж думал, что не спросит... Теперь ещё и врать.

Я неопределённо повёл плечами.

— Прогулялся. Местные говорили, что видели неподалёку какой-то дым, и я решил проверить.

Шито белыми нитками. Никто ничего не говорил. Но местных она проверять вряд ли будет. Или будет?

— В общем, небольшое задание, — закончил я.

По выражению лица Тёмной Матери я понял, что в этот раз попал в точку. Я же теперь крупная шишка, мне могли дать очередное задание на самых верхах...

От того, что ложь сработала, мне стало ещё хуже. Совесть подняла голову и начала своё победное шествие на рушащуюся оборону союза цинизма и тестостерона.

— Отдыхай, я завтра ещё зайду. Утром.

— Буду ждать.

Я осторожно поцеловал магичку куда-то в подбородок и вышел из лазарета. Впервые за долгое время у меня появилось стойкое желание выпить. А для такого нужен друг.

Алексей бесцельно болтался по тронному залу. Некро-друид от скуки мирной жизни порядком пристрастился к игре в кости. Иногда выигрывал, но чаще проигрывал, особенно когда играл с местными. Это, кажется, приносило какие-то проблемы с его зазубой. Меня Лёха просил в эти дела не лезть.

— Привет, — буркнул он, пожимая мне руку. — Где весь день шарисься?

— Да так, гуляю, — уклончиво ответил я. — Выпить не хочешь?

— Хочу, да только денег нет. Не везёт мне последние пару дней...

— Я куплю.

У нас был своеобразный магазинчик. Паёк (четырёхразовое, между прочим, питание) и крышу над головой мы себе добыли сами. А вот выпивку и еду повкусней, вроде дефицитных засахаренных фруктов или прочих сладостей, извольте покупать за деньги. И в этом есть смысл — многие наши дисциплиной не отличались, и я уверен, что первый месяц в замке царило бы повальное пьянство от скуки, а потом бы все сидели вообще без алкоголя. Деньги на излишества брали либо из своих запасов, либо из зарплаты. Зарплату получали за службу, рейды... ну, в общем, работу. Всё просто и логично. Рейдов-то не было давно, а вот стоять на страже, когда знаешь, что ничего произойти не должно, скучно, и такой простой стимул как жалование позволяло не расшататься дисциплине. Спидишь на посту? Штраф. Тоже вынужденная мера. Казалось бы, и так всем понятно, что если стражник проворонит неприятеля, и начнётся бой, многие умрут по его вине, в том числе и сам стражник, но в первые дни некоторых это не останавливало. Репей предлагал за сон на посту порку плетями, но Корум решил действовать мягче. И, думаю, он был прав.

Я купил мех вина и бутылку очищенного нашими умельцами самогона, добавил к ним полоску копчёной рыбы и фруктов — завтра утром отнесу их Тёмной Матери. Остальную закуску — хлеб и пресный комковатый сыр — взяли из ужина и отправились в мою каморку.

— Раз уж ты такой богатый, может, займёшь мне пару монет? — поинтересовался некро-друид, глядя на то, как я раскладываю закуску на столе.

— Чтобы ты их проиграл? Нет, извини, на это не займу.

— Эх, как же ты прав...

Мы выпили. Потом ещё...

— С бабами вообще всё не просто, — угрюмо говорил Алексей, собирая из мелких кусков сыра на столе какой-то узор. — Там-то я особо ни с кем не встречался, ну, серьёзного ничего не было. А здесь... Ну вот хочет Алёнка чего-то от меня. А чего? Стабильности? Так она есть. Клубов и прочей дряни здесь нет. Цветы не купишь. Цацки и одежду в бою надо добывать, а боёв нет. Самогонкой ненаглядную угощать? Бред.

Но она зудит. Не играй, говорит, чего ты как гопник какой с игровыми автоматами. А чего делать-то? Она всё в своей «лаборатории» торчит, варит там зелья, старается улучшить рецептуру. А я? Опыты над мёртвыми животными ставить? Так неоткуда их взять. Только если над крысами и тараканами измываться. А что ты с боевым зомби-тараканом сделаешь? Припасы вражеские портить отправишь?

Некро-друид внезапно замолчал, явно смутившись.

— Извини. У тебя-то посерьёзней проблемы.

— Уж не знаю, называть ли это проблемами, — покачал я головой. Про Топлюшу я пока ничего не говорил, так что слова Алексея относились к Тёмной Матери. — Просто нужно подождать, пока она выздоровеет.

— Я к ней заходил сегодня. Вроде бы нормально держится. Ты молодец, что её поддерживаешь. Уж не знаю, хватило бы ли у меня духа на то, чтобы продолжать отношения после... такого...

— Хватило бы, — пробормотал я, чувствуя очередной укол совести. — У нас, тех, кто выжил, сейчас на многое должно духа хватать.

— Да ну? — фыркнул Алексей. — Это там, в бою духа на всё хватает. Когда кругом всё горит, кровища льётся рекой, кругом трупы. А сейчас? Зима после победы. Казалось бы,

радуйся, отъедайся, отдыхай. Живи, сколько влезет, заработал ты эти месяцы покоя. Но нет. Жизнь — сплошное болото, и ты раскисаешь в то же болото. Когда меня в последний раз волновало, сколько у меня в кармане денег? Да, чёрт побери, ещё там, в реальной жизни. Здесь же нужно было бороться за главное — жизнь. Никаких мелочей: либо ты — труп, либо твой враг, остальное вторично. Мы болтались по вымершим лесам и жрали тухлые свиные копыта, но тогда я чувствовал себя куда более хорошо, чем сейчас. Я радовался тому, что был жив. Сейчас я думаю, как дотерпеть на четырёхразовом питании до следующей получки, чтобы купить Алёнке фруктов.

— Зажрались! — весело сказал Репей. Его рыжая физиономия торчала в двери. — Не против, если я присоединюсь?

Не дожидаясь ответа, мой босс ввалился в комнату, шмякнул на стол две бутылки с выпивкой и ещё закуски.

— О, у нас как раз кончается, — обрадовался Алексей. — Давай стакан.

Я нашёл третий стакан.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ха! — рыкнул Репей, выпив. — Хороша, а? Своей Алёнке и её товарищам спасибо скажи, что бухло очистили до удобоваримости. А раньше бы и так хлебали, с сивухой. Говорю же, зажрались!

— Может, мы все адреналиновыми наркоманами стали? — предположил я, продолжая прошлую тему. Разговор про женщин продолжить теперь не получится.

— Ну уж нет, — буркнул некро-друид. Он, наконец, выложил на столе фигуру — большую фигу. — Игроманами ещё скажи. Я, блин, прекрасно понимаю, что такая жизнь лучше вечных драк. И в бой совсем не рвусь. Но какая-то серая рутинка заела. Скука, понимаешь?

— А я предлагал косячников пороть, — вставил Репей. — Тогда бы никто не скучал. И развлекуха какая-никакая. Как в средневековье на казни смотреть ходили, так и здесь на порку.

— Обстановка располагает, — хмыкнул я.

— А я о чём? За тёмную магию — на костёр. За гадания — на костёр. За сон на страже — по попе ремнём.

— Первыми лаборантов сожжём? За тёмную-то магию.

— Хм... да, глупо как-то, нам без них не жить.

— И кто сказал, что мы тут все светлой магией занимаемся? — фыркнул Алексей. — Я зомбей делаю, а не полноценно воскрешаю. Тёзка вон — воин теней. Так что можно всем сразу самоубиться, и дело с концом.

— Нет, — покачал головой Репей, — я так не согласен. Значит, нужно какой-то театр основать. Или гладиаторские бои. Брать побольше народу в плен и заставлять их во дворе сражаться.

— Какой-то ты кровожадный, — констатировал друид.

— Что есть, то есть.

— Ладно, выпьем, — предложил я.

— Кстати, тут такое дело, — прошамкал Репей, — я как раз ищу заскучавших ребят-добровольцев для одного дельца. Интересно вам, что это за дельце?

Конечно, нам было интересно.

Репей откровенно лукавил, говоря, что ищет добровольцев. По крайней мере, в плане

меня: я участвовать был обязан.

В общем-то, всё имеет далеко идущие последствия. И началось всё ещё до того, как мы заняли замок.

У Нервила и Хорвила была большая семья. И так вышло, что земли на востоке принадлежали его двоюродному брату по отцовской линии, Хегле. Он контролировал небольшой клочок земли у горной гряды, соединяющей наш полуостров с материком. Или преграждающей путь с полуострова на северо-восточную оконечность большой земли, это как судить. Но люди не были бы людьми, если бы не исследовали эти земли и не нашли проход через горы. И как раз у входа в единственное проходимое ущелье стояла крепость Хегле. В горах располагалось несколько деревень, теоретически подчиняющихся конунгу, но, по сути, являющихся самостоятельными кланами, через них и велась торговля с материком.

Проблема горных дорог заключалась в том, что зимой они непроходимы, а со съестными припасами в куда более холодных предгорьях иногда случались проблемы. В этом случае Нервил и Хегле по-братски торговали, пользуясь кораблями Нервила, которые сейчас находились в наших руках. Когда море замерзало, обозы ходили прямо по льду на собачьих упряжках, но в любом случае без Нервила не обходилось — слишком уж удобной была дорога через замок. Тем более, Хегле практически не имел выхода к морю, а там, где имел, побережье представляло собой сплошные каменные нагромождения и непроходимые фьорды.

Ведьм с тех земель убрали быстро и не без помощи Песцов, но даже короткого знакомства оказалось достаточно. Думаю, они не слишком переживали, когда узнали, что Нервил погиб. Но, конечно же, сразу засобирались на войну. Против нас.

Во-первых, Нервил был единственным законным наследником, и Хорвил как младший брат, по сути, узурпировал власть. Что мешает Хегле повторить подобный трюк? Во-вторых, конец года выдался на редкость хреновым, и еда на востоке начала заканчиваться слишком быстро, а единственный торговый путь в наших руках. Два зайца одним махом. Даже три — мы же ещё и с Песцами не в ладах. Я знал, что с Песцами пытались договориться по поводу транзита провианта с материка, но те вели себя так, будто они должны ставить условия, а не мы, и договора не вышло. К тому же, мы и сами толком не знали, с кем нам торговать — у Хорвила были какие-никакие связи с купцами, но их нужно налаживать снова, да и не известно, остался ли кто-то из них в живых в такое беспокойное время.

В-третьих, к Песцам и Хегле пришли беженцы. Те самые, которых Трясучка отправил обратно к своим.

Беженцы по большей части вернулись к старому замку. Большую часть приняли обратно, нескольких линчевали. Пара женщин, активно сотрудничающая с ведьмами, предпочли замёрзнуть в снегу, справедливо полагая, что такая смерть будет легче той, что им уготована соплеменниками. Но несколько человек пропало, и теперь мы выяснили, куда.

Стоило им появиться, как среди тамошних жителей пошли разговоры о тех бесчеловечных поступках, что мы творим на завоёванных землях. Ведьм мы, конечно, уничтожили, но начали приносить жертвы утопленникам Туманного озера. Или это даже не было жертвами, мы сознательно топили сильнейших воинов, чтобы создать из них бессмертную армию нечисти. Зачем нам бессмертная армия? Конечно же, чтобы напасть на соседей. А кто наши соседи? Конечно же, люди Хегле. А уж потом мы, превратив всё население полуострова в армию зомби, вторгнемся на материк.

Я уж не говорю о том, что мы тут жируем, едим оленину, запивая лучшим вином, а хлебом задницу подтираем.

Уже начавшему голодать народу только дай послушать как соседи (по совместительству узурпаторы, тёмные маги, демоны и вообще сволочи, отказывающиеся торговать) жируют, а другим не дают.

В общем, народ требовал нашей крови. Кому как не Хегле стать новым хозяином наших мест? Кому как не ему извести под корень всё зло, что обосновалось на полуострове? Некому.

— В общем, мы жопе, — констатировал Репей, закончив рассказ. — И нам нужно из неё выбирать. Я собираю небольшой отряд из шести-семи человек для рейда на материк. Нужно разведать там обстановку, найти союзников. Поплывёт с нами Хорвил, ему надо налаживать свои каналы. Я уж не говорю о том, что ему не хочется ни власть терять, ни голову.

— А если не найдём союзников? — угрюмо поинтересовался Алексей.

— Придётся искать место, куда мы сможем сбежать. Кораблей для этого у нас достаточно. Ну так что, парни, вы со мной?

— Конечно, — кивнул друид.

— Без меня вы вообще никогда не справитесь, — ухмыльнулся я.

— Тогда выпьем! За удачный поход!

Вот так мы и надрались, благо выход планировался не на завтра, а через три дня.

И Топлюша, и Тёмная Мать восприняли новость о моём отплытии негативно. Но обе не могли ничего поделать. Я же расценил путешествие как передышку, во время которой у меня будет время разобраться с самим собой. Если не умру, конечно.

Три кнорра, оказавшихся в наших руках, решили расконсервировать, но пока не трогать. Мы собирались на разведку, да и время поджимало, так что в плаванье мы отправились на одном из самых быстроходных драккаров.

Мы — это отряд Репья и две дюжины хорвилых головорезов. В нашем отряде собрались знакомые личности: Алексей, Дис, Якудза, Сталкер и Трясучка. Считая нас с Репьём набиралось три убийцы, два воина, берсеркер и друид — не самый лучший баланс. Но мы плыли не воевать, а разговаривать. И, скорее всего, вынюхивать, если предположить, что три убийцы в отряде не просто так. Ни Корум, ни Репей просто так ничего не делали.

Плаванье вышло коротким и скучным. Не скучал один Алексей — его филейную часть почти всё плаванье можно было наблюдать над бортом.

— На хрена я на это согласился? — стонал друид, выплеснув очередную порцию желчи за бор. — Ну вот на хрена?

— Деньги заработать, — отвечал я каждый раз. Мой желудок тоже бунтовал, но было всё же получше, чем в то плаванье в шторм. — Деньги и авторитет.

— Блюя в море, авторитет не заработать.

— На суше заработаешь. А уж денег будет, чтобы в кости проиграть. Вкусняшек накупишь.

Лицо друида перекосилось и вновь исчезло за бортом. Возможно, он представил, как кости двигаются по кругу внутри стакана... или как он есть что-нибудь сладкое. Чувствуя, что тоже вот-вот сорвусь, я выбросил эти мысли из головы. Но ничего не делать было тяжело.

— Что с твоей пати, Трясучка? — спросил я у берсеркера, который сосредоточенно

полировал тряпочкой свой меч.

— Тёмная Мать не говорила?

Я отрицательно покачал головой.

— Рассосалась пати, — угрюмо сказал Трясучка. — Кто-то погиб... Луффи того же за изнасилование какой-то девки из местных конями разорвали. Разборки были, но мобы наших просто так не трогают, сам знаешь, значит, реально прокосячился, так что Корум на тормозах дело спустил. Маги почти все в лабораторию ушли... Да чего там, — махнул рукой берсеркер, — из твоей старой пати сколько народу осталось?

Я кивнул. Действительно, только Алексей.

А если наше плаванье не увенчается успехом, то и вовсе никого...

На тот берег приплыли ещё засветло. Никто из нас толком не знал, что твориться на материке, и картина, представшая перед нами, пугала.

Порт, куда мы приплыли, сожгли, причём недавно — не больше недели назад. По пепелищу слонялись несколько ободранных человеческих фигур и с десятков собак, но стоило нам пристать к берегу, как все исчезли.

— Здесь большой порт был, — с тоской в голосе сказал Хорвил. — Больше тысячи человек жило. Сколько я здесь шлюх...

Я не слушал. Вернее, не слышал. Я пытался удержаться на ногах, и виной тому не морская болезнь.

Нет, мир не двоился, как это бывало раньше. Он бился в агонии. Я видел какие-то тоннели или сосуды, окутывающие весь этот мир. Но все они выходили из единого места — Сердца Тьмы.

Их стены рушила чья-то злая воля. Порванные сосуды (именно сосуды — по ним текла какая-то мерзость) стаскивали куда-то далеко на юг, из них хлестала тёмная жижа, окрашивающая землю в красно-чёрный цвет. Будто где-то там, в центре материка, кто-то пытается создать второе Сердце Тьмы...

Но вот странность — обрывки сосудов, соединённые с Сердцем, не «кровоточили» в отличие от тех, что стягивались на юге.

И, что хуже всего, я чувствовал, как внутри меня шевелится НЕЧТО. Будто слизняк оно...

Я пришёл в себя. Несмотря на холодную погоду, я вспотел, раскалывалась голова. Едва успев наклониться вперёд, я сбил носки своих сапог.

— С тобой всё в порядке? — с сочувствием спросил Алексей.

— Вышел на землю, и прихватило, — прокомментировал Хорвил. — Бывает с зелёными.

— Всё нормально, — простонал я, хотя всё было НЕ нормально. Но хотя бы утихло нечто у меня внутри.

— Ладно, — угрюмо сказал Репей, его глаза блуждали по руинам порта. — Мы здесь для того, чтобы найти союзников, и никто не говорил, что мы должны искать их в ближайшем городе. Двигаем на юг.

За короткий двухчасовой переход мы выяснили, что дела на большой земле обстоят чуть ли не хуже, чем на полуострове.

Осадков здесь выпало гораздо меньше, и мы часто натыкались на полузанесённые снегом пожарища. У меня раз за разом возникал один и тот же вопрос — с кем торговал Нервил, если здесь такое запустение?

Ответ, впрочем, нашёлся быстро.

На очередном пожарище было решено заночевать — уже почти стемнело, а торчащие из груды пепла и углей каменные стены со слепыми глазами окон давали хоть какое-то укрытие. Кто-то начал ставить палатки, кто-то разбрёлся по руинам в поисках чего-нибудь ценного.

— Здесь был постоянный двор, — рассказывал Хорвил, бродя развалинам. — Хорошее место — высокий частокол, собаки. Охраны как у какого-нибудь мелкого ярла людей в дружине, человек пятнадцать, не меньше. Когда случались набеги или начиналась война, здесь собиралось много беженцев, и многие из них с оружием. Я, мать вашу, не представляю, какая здесь должна была пройти армия, чтобы всё так быстро уничтожить. И откуда здесь вообще взяться настоящей армии? На юго-востоке кучка кочевых племён, у них двадцать человек — уже армия, а уж согласия между ними не было никогда. На юго-западе куча княжеств, которые между собой грызутся... и это мы на них всегда набеги устраиваем...

Раздался душераздирающий вопль. Мы с Репьём и Хорвиллом побежали на звук. Тройм карлам было приказано разобрать обрушенный колодец, чтобы добыть воды на ужин, и один из них сейчас валялся в снегу, хрипя и пуская кровавые слюни на подбородок.

— Что произошло? — рявкнул Хорвил.

— Он просто попил из ведра, — растерянно ответил один из карлов.

Я поднял опрокинутое ведро и принял. Пахло точно так же, как и из ручьев на дальнем севере — смертью. Но по дороге мы не встретили ни одного мёртвого дерева, да и птиц с прочей живностью было достаточно...

— Яд, — сказал я. — Колодец отравлен.

— Зачем кому-то отравлять колодец? — недоумевающе спросил Репей. — Его же уже разрушили.

— Чтобы сюда никто не вернулся? — предположил я.

Но я был не прав. Отправившиеся мародёрствовать карлы не нашли ничего ценного. Вообще ничего. Казалось бы, ничего не удивительного, обычный набег с грабежом и весёленьким костерком потом, но мы не нашли ни одного тела. Да и во время боевого грабежа хоть что-то да должно было остаться.

— Тактика выжженной земли, — сказал Репей. — Никто ни на кого не нападал, местные аборигены ушли отсюда своим ходом, обчистив всё, что можно было, и сделав так, чтобы жить тут стало невозможно.

— И это, судя по всему, произошло за последние три недели, — добавил Алексей.

— Я б сказал даже с неделю назад, — уточнил я. — Осталось только узнать, что их так напугало.

— Что-то мне не хочется, — проворчал друид.

Мне тоже не хотелось, но на самом деле всё было не так плохо. Если гружёные едой, домашним скарбом обозы, волокущие за собой коров и прочую скотину, ушли отсюда всего неделю назад, мы найдём не брошенные земли быстро, дня за два-три. Возможно, исход начался раньше, но в любом случае последние уходящие должны были тащить с собой остатки полезной утвари, что сильно темпа им не добавляло.

Свою воду решено было беречь для дневных переходов, так что мы принялись топить на ужин снег. Дело не пыльное, но я как-то раньше даже не представлял, насколько много нужно снега, чтобы добыть полный котелок воды. Не говоря уже о том, что снега-то тут маловато, и получившаяся вода чернела от грязи и золы. Хотя, ужин с кипятком и разогретыми на огне солониной и хлебом — не так уж и плохо.

Ночёвка тоже ожидалась вполне терпимая. Пятеро часовых должны были поддерживать огонь в кострах, а если под навесом закутаться в одеяло, то слабый мороз совсем не страшен. К тому же, мы сидели впритык друг с другом, что тоже давало тепла. Снег не идёт, ветра почти нет, стакан крепкой браги греет желудок...

Мне показалось, что я закрыл глаза всего на секунду и сразу же открыл их, услышав дикий визг. Я подскочил на ноги и, запутавшись спросонья в одеяле, едва не свалился в почти потухший костёр. Часовых нужно будет выпороть, как предлагал Репей...

Как раз один из часовых стоял в костре и хлюпал перерезанным горлом, поливая горячую золу кровью.

— Засада! — рявкнул Хорвил. — Стройся в круг!

Мы сбились в круг, хотя я совершенно не понимал — зачем. Никого не было. Я совершенно не мог никого выследить. Репей, судя по растерянной физиономии — тоже. Мы топтались на месте, тупо вглядываясь в темноту. На земле валялось полдюжины трупов, среди них оставшийся на часы Дис. У всех часовых были вскрыты глотки, а четверо из них расплылись в улыбке Глазго. Последнего часового и единственного убитого из тех, что на посту не стояли (хотя судя по позе, во время смерти он не спал), изуродовать не успели.

— Что, на хрен, случилось? — прорычал Репей. — Кто-нибудь видел нападавших?

Нападавших никто не видел. А кричал один из людей Хорвила — во время сна он свалился вперёд лицом и уткнулся в горячую золу.

— Больше сегодня, кажется, не поспим, — угрюмо проговорил Алексей. — А мне снилось, как я ем пиццу с колой и заедаю чипсами.

— Я бы от такого во сне сразу умер, — прокомментировал Репей.

Последовало ещё пара мрачных шуточек на тему фанатов Нолана и Джокера среди местных. Я был не слишком-то в теме, но тоже растягивал губы в кривой ухмылке. Несмотря на внешнюю браваду, мы были напуганы. Потерять семерых за день на пустом месте — это слишком.

— Может быть, наоборот, лучше спать, — предположил я, — все, кто умер, не спали.

— Может, это лангольеры? — предположил кто-то. Наши мрачно поддержали шутника. Люди Хорвила отпускали шуточки на тему того, кто первый решит сбегать до ветру и потеряется.

К утру похолодало, поднялась небольшая метель. Если убийцы и оставили следы, то теперь искать их было бесполезно. Мы позавтракали холодной солониной, заели её снегом и, сложив тела в ряд и укрыв их ставшей лишней палаткой, двинулись в дорогу. Хоронить мертвецов не было ни времени, ни средств, хотя могли бы проявить дальновидность и захватить с собой лопаты: здесь они всегда пригодятся.

Метель кончилась часов в десять утра, вышло солнце, и стало даже жарковато. То я, то Репей выдвигались далеко вперёд, чтобы разведать дорогу, но ничего опасней волков не встречалось. Ночное происшествие обсуждали, но немногословно. Если сейчас все пока ещё оставались бодрыми и могли в случае чего сражаться, то после ещё одной бессонной ночи мы превратимся в полусонный ни на что не способный сброд.

Короткий привал в полдень, и снова в дорогу. Перед выходом Репей с Хорвиллом что-то обсуждали вдвоём. Я гадал о предмете их разговора, пока не понял, что задрёмаю. Оглядевшись, я понял, что такое происходит со многими.

— Вон, — сказал мне Репей через полчаса после того, как мы вышли в дорогу, — видишь башню?

Вглядевшись, я действительно увидел в нескольких километрах юго-восточней какую-то постройку.

— Нужно проверить дорогу? — предположил я.

— Нет, туда мы подойдём всем скопом. Но будь начеку.

— Я и так начеку.

— «И так начеку», — передразнил меня босс. — Плетёшься, башку опустил и задрёмаешь — вот твоё «начеку». Хорвилл сказал, что место это нехорошее, но, быть может, там удастся поспать. — Рыжий вздохнул и, сплюнув на снег, добавил: — Нужно было полноценную пати сюда гнать, а не добровольцев. Говорил я Коруму... — Поняв, что ляпнул лишнего, он заткнулся. Правильно, не стоит подчинённым знать о конфликтах в руководстве.

Но я сразу же задумался о том, почему же Корум решил отправить нас сюда в таком составе. Три убийцы, два воина, берсеркер и друид. Как ни крути, отряд всё-таки более или менее боеспособный, но... такой, что не жалко потерять. К тому же, уверен, в случае если станет горячо, Репей и Сталкер просто прикажут давать дёру, наверняка на берегу найдётся какая-нибудь посуда, позволяющая доплыть на тот берег небольшим числом. А если станет слишком горячо, то, наверное, уйдёт один Репей. И, быть может, я. А что с остальными? Да ничего. Сами вызвались.

Да и не было у клана людей — за день до нашего отплытия Корум принялся собирать экспедицию на север. То ли отставших планировал найти, то ли что-то ещё, мне никто не докладывал.

— Не спать! — рявкнул Репей мне на ухо и залепил в лицо полную пригоршню снега.

— Твою мать, — пробормотал я, глотая тающий снег.

— Все умываемся снегом, сони-засони! — рыкнул убийца.

Я добросовестно натёр лицо снегом. Помогло. Чёрт, ведь пару раз приходилось плохо спать целыми неделями, а тут после одной бессонной ночи раскис. Всё-таки засиделись мы в спокойной обстановке.

До башни мы добрались за два часа. По дороге я подстрелил для некро-друида пяток волков, так что нас теперь сопровождали его петы. В нескольких низинах снега всё-таки намело порядочно, и нам пришлось буквально прокладывать дорогу в снегу. Впрочем, это только помогло лишний раз взбодриться.

Когда мы выбрались из одной такой низинки, мне показалось, что я увидел на краю расположенного в километре на западе бора какую-то тёмную тень. Я не придавал этому особого значения. Во-первых, это мог быть волк или медведь — я даже размеры оценить не успел. Во-вторых, мы уже поворачивали на восток к башне, до которой оставалось метров

шестьсот-семьсот.

Башня была высотой в полтора десятка метров. Кособокая, частично обрушенная, составленная из почерневших от времени камней, она выглядела жалко. Но уходя местные её не тронули — рядом с башней стояла (или уже скорее лежала) ветхая деревянная постройка, о назначении которой теперь можно было только гадать. Несмотря ни на что, её стены послужат хоть какой-то защитой. Если, конечно, башня не рухнет нам на головы от первого же не осторожного пука.

Башня к счастью устояла, хотя пердеть местные были большие мастаки. Деревянные настилы на втором и третьем этаже давным-давно обрушились, но черепичная крыша по большей части уцелела, так что мы очутились в эдаком каменном стакане. По стене шла каменная винтовая лестница, но первые же ступени едва не обвалились под моими ногами, что мы решили обойтись часовыми у входа.

— Ладно, перекус и спать, — скомандовал Хорвил. — Ночью вы нужны мне бодрыми. Сегодня эти твари, что убили наших товарищей, не уйдут безнаказанными.

Тем не менее, улечься смогли не раньше, чем через час — пока разожгли костры, натопились снега и разогрели еду. Я, Алексей и два карла остались на часах. Волки валялись на улице, частично перегородив дверной проём. Выглядели они так, будто легли погреться на зимнем солнышке и сдохли. Их глаза недвижимо наблюдали за дорогой к замку. В этом было что-то гипнотическое...

Я хлопнул себя по щеке и отпил кипятка. Не спать!

Так прошло полтора или два часа. Мы с друидом трепались, карлы играли в кости. Я время от времени обходил башню, выглядывая из бойниц. Тишь да гладь. Белая от снега равнина, где-то далеко на горизонте чернеют леса, дует тёплый влажный ветерок... Разве что птички не поют.

— Слушай, там что-то движется, — внезапно сказал Алексей, указывая на запад.

Я взгляделся. По снегу в нашу сторону что-то ползло. Судя по направлению, как раз из того бора. Я про себя выругался — нужно было сообщить об увиденной мной тени. Но в тот момент мозги совершенно не работали из-за недосыпа. Допускай я такие ошибки постоянно, был бы мёртв уже долго, очень долго.

— Кажется, что-то небольшое, — предположил один карлов.

— Или просто низкое, — сказал я. — Поднимаем тревогу, лучше перестраховаться.

Впрочем, всех решили пока не будить, ограничившись командным составом. Нечто передвигалось очень медленно, иногда и вовсе исчезая из поля зрения в низинах.

Услышав мой рассказ о странной тени, Репей пожал плечами:

— Если каждого шороха бояться, можно с ума сойти. Пока проследим за этим выползнем, может, это что-то безобидное. Да и мимо же может проползти.

Но нечто двигалось прямо в нашем направлении, хоть и неторопливо. Репей решил, что всё-таки лучше перестраховаться, и протрубил подъём.

После короткого совещания решили держать оборону в башне. Сталкер и один из самых сильных карлов перегородили проход, поверх их голов в выползня целилось полдюжины лучников Волки Алексея тихо и сухо подвывали, затеяв какую-то пляску на улице. Зомби вообще очень агрессивны, и сейчас только воля некро-друида удерживала их от нападения.

— Как будто черепаха какая ползёт, — фыркнул Репей. — Да и размер не больше, если по моему навыку слежки оценить. Ты своей Меткой дотягиваешься?

— Пока нет, ещё метров пятьдесят... А нет, дотягиваюсь.

Я повесил на тварь Метку.

И только сейчас понял, насколько ошибся Репей.

Выползень каким-то образом обманул навык слежки босса (да и наше зрение) и приблизился к башне на расстояние в полсотни метров.

Большим ростом чудовище не отличалось — чуть больше метра. Но вот в поперечнике оно достигало метров трёх, если не больше. Формой тела, двумя длинными верхними конечностями и четырьмя парами коротких нижних тварь напоминала краба, но ничего другого общего у неё и членистоногого не было.

Тело чудовища покрывала короткая шерсть болотного цвета. Верхние конечности — многосуставчатые, из-за чего казалось, что они извиваются; нижние напоминали короткие толстые колоды, но перебирал ими монстр шустро. Глаз нет. Кажется, чудовище разведывало дорогу, размахивая над землей передними лапами. Да и вообще, голова как таковая у выползня отсутствовала, только между передними лапами располагался широченный зубастый рот.

Тварь остановилась в двух десятках шагов от башни и утробно застонала. По её телу прошла судорога, пасть раскрылась и изрыгнула три трупа. Среди них было тело Диса. Чудовище тем временем опёрлось на передние лапы и немного приподняло над землёй свою переднюю часть. На брюхе прямо под первым ртом был второй, поменьше. Он вытянулся, как широкий, но короткий хобот и, после второго стога, изрыгнул на трупы какую-то серозелёную слизь. Резко запахло несвежим мясом. Чудовище же невозмутимо опустило переднюю часть своего тела на трупы и заурчало.

— Ну и запашок, — угрюмо сказал Репей. — Внешнее пищеварение во всей своей красе.

Его слова как будто подействовали на монстра. Оно что-то пробулькало и вытянуло вперёд свои передние лапы. Их концы на пару секунд раскрылись, вперёд выстрелили два глаза на стебельках. Они быстро обшарили окрестности и исчезли. Нами чудовище как будто совершенно не заинтересовалось.

Алексей это озвучил.

— Конечно, — фыркнул Репей. — Пока мы живы — ей плевать. Подожди, пока придут те, что убили наших парней ночью, и окажешься у неё в брюхе.

— Убили наших парней? — переспросил Хорвил.

Я невольно обернулся. Голос конунга звучал так, будто кто-то только что рассказал ему самую смешную шутку, какую только можно представить. Хорвил шатался, у него в руке был нож.

— Чё такие серьёзные? — спросил он и тихо рассмеялся.

Уже через секунду он самостоятельно расширил свою улыбку от уха до уха, а третьим движением вскрыл себе глотку так, что края раны едва не соприкасались с краями улыбки.

Я увидел в дальнем углу башни карлика, закутанного в чёрный плащ. На его лысой яйцеобразной голове не было ни носа, ни глаз, ни ушей, только три — один над другим — безумно улыбающихся рта. Через миг все они раскрылись в беззвучном смехе.

Я тоже рассмеялся и вытащил из-за голенища сапога свой нож.

Жить стало гораздо проще, а уж веселее — точно. Но что-то внутри меня не давало мне сделать вечную улыбку на лице. Я едва надрезал правый уголок рта, как мне совершенно расхотелось смеяться. Не понимая, что делаю (я же просто хотел улыбнуться!), я швырнул в

карлика нож. Клинок рукоятью ударил карлика в грудь, но тому это не понравилось. Один из его ртов скривился, два других продолжали улыбаться.

Моё тело скрутила судорога. Нечто внутри вползло в мою левую руку и замерло. Я быстро начал приходить в себя от наваждения.

Одна стрела из моего арбалета ушла в сторону, вторую карлик поймал своей тщедушной ручонкой и отшвырнул. Теперь улыбка исчезла со всех его ртов. Алексей, уже изрезавший себе лицо, остановился и недоумённо уставился на нож в руке. К сожалению, Сталкера и ещё троих карлов остановить никто не успел.

Выползень тем временем превратил волков в фарш и уже лез в башню. Мы очутились в ловушке, но сейчас, по крайней мере, никто не пытался себя прирезать. Репей яростно матерился, приказывая перекрыть дверной проём. В выползня полетели первые стрелы, Трясучка и карлы похватали брошенные мечи.

Карлика кроме меня как будто никто не заметил.

Я ещё раз разрядил арбалеты в гипнотизёра и схватил Меч Тени, одновременно набросив на уродца Метку. От стрел карлик отмахнулся своей четырёхпалой рукой, после она вновь на миг исчезла в складках плаща, а когда появилась, в ней блеснул крохотный ножик. Верхний рот растянулся в улыбке, в то время как два других кривились от ярости. Я на мгновение чуть не потерял контроль, но «чуть» и лишь на мгновение. Теперь яростный оскал появился на всех трёх ртах уродца.

Я атаковал карлика. Удар должен был развалить голову моего противника на две ровные половинки, но тот отбил мой клинок своим крохотным ножичком. Из-под плаща появилась вторая ручонка, она вцепилась мне в бедро и одним рывком порвала штанину и выдрала кусок мяса. Я зашипел от боли и постарался ещё раз достать уродца, но тот ушёл от удара и чиркнул мне по животу ножом. В этот раз пострадали только куртка с рубахой, но что-то подсказывало мне, что кольчуга во второй раз может и не выдержать.

Карлик оказался чертовски быстрым и сильным. Это злило. Я почувствовал, как на меня накатывают холодные волны Злобы. Я перестал волноваться, ушла боль. Я просто захотел убивать. Нет, это не было вспышкой внезапной ненависти или ярости. Я очень спокойно и обстоятельно обозлился на всё живое.

Пришло понимание. Берсеркер, поддавшись действию собственной ярости, летит вперёд, чтобы ломать, крушить и рубить, ему плевать на то, что станет с ним потом. Он не думает, а подчиняется инстинктам. Истинный Убийца должен быть совершенно спокоен. Злоба придаёт ему сил, но это не значит, что нужно лететь вперёд, наплевав на собственную жизнь. Убийца должен планировать, думать и только потом убивать, единственным точным ударом. Абсолютно хладнокровно, чувствуя только удовлетворение от того, что очередная жизнь прервалась.

Затемнённое помещение башни окрасилось в красный цвет. Там, где раньше была тень, сейчас будто светило тусклое красное солнце. Я мог рассмотреть каждую песчинку в самом тёмном углу. Пусть другие сражаются в чистом поле при свете дня, моя стезя — мрак и узкие помещения.

Меч Тени иступлённо бился в моей руке. Его воля (или то, что можно было назвать зачатками разума) чувствовала, что сейчас польётся кровь. Меч чувствовал присутствие карлика, он желал выпить его жизнь. Мне стоило отступить, спрятаться, дожидаться, пока карлик начнёт свой гипноз, чтобы атаковать его неожиданно. А он уже должен начинать — несмотря на всю свою силу, его напарник-выползень проигрывал драку. Утыканный

стрелами и изрубленный мечами, он уже не пытался напасть на оказавшуюся зубастой добычу, он искал возможность уползти, но добыча превратилась в охотника, и теперь карлы и оставшиеся соклановцы теснили чудовище, не давая ему сбежать. Мне нужно всего лишь уйти в Тень на несколько секунд, исчезнуть, запутать карлика... Пожертвовать парой жизнью.

Но помимо всего прочего я был человеком, членом клана. У меня были друзья и знакомые, долг перед десятками людей, поставленными в безвыходное положение. Возможно, истинным Убийцей мне не стать, но я и не хочу. Я человек. Запутавшийся в собственных чувствах, оставшийся без личности и воспоминаний, но всё ещё человек, а не машина для убийства. Думаю, Рилай верила именно в это. И в то, что моя новая личность, которая сформируется под давлением тёмной и мрачной действительности, всё ещё будет воспринимать такие вещи как долг, милосердие и самопожертвование. Она была не права, называя меня Судьёй, ведь Судья должен быть абсолютно бесстрастен, я же таковым становиться не хочу.

Милосердный убийца. Смешно и грустно одновременно.

Я набросил Плащ Тени. На миг мне показалось, будто свет факелов и костров задрожал и потух, но практически сразу я понял, что это не так. Тени поползли к центру башни, окутали меня. Я превратился в едва различимый сгусток тьмы внутри теневого водоворота.

Карлик, до этого абсолютно уверенный в своей победе, забеспокоился. Его рты раскрылись в беззвучном вопле ужаса. Я шагнул к нему и рубанул по левому плечу, хотя ещё долю секунды назад находился в полудюжине шагов справа. Уродец ушёл от удара, сделал ответный выпад своим ножичком, но я уже зашёл со спины. Тяжёлый удар носком в спину, и карлик с неестественно выгнутой спиной полетел в костёр. Одежда трёхротого сразу же загорелась, неестественно быстро и сильно. Рты уродца беззвучно открывались в агонии, он пытался привстать на своих тоненьких ручонках, но безрезультатно — его позвоночник был сломан, и ноги не слушали его. Карлику конец. Но я не собирался мучать его. Да и меч требовал его жизнь. Одним ударом я располовинил голову уродца.

Меч заурчал, выпивая его жизнь. Тени начали какую-то жуткую пляску, но уже начиная расползаться туда, где им место. Всё кончено...

Нет, не всё. Мечу было мало одной жизни. И он не хотел, чтобы я убивал полумёртвую безмозглую скотину. Мечу требовались страдающие и разумные жертвы. А таких больше не оставалось, если не считать соклановцев и союзников.

Это стоило дорого, но каким-то чудом, невероятным усилием воли, я вернул меч на место. Наша борьба длилась долю секунды, ровно столько, сколько мечу потребовалось для того, чтобы понять, что я сильнее, что без меня ему не жить жизни ещё целую вечность. Он подчинился, но в последний раз. И я чётко понял, что за мной должок. Серьёзный, кровавый долг. А значит, пока не произойдёт серьёзное сражение, я остался без Меча Тени.

Миру вернулись обычные краски. Тени успокоились, огонь перестал мерцать. Я тяжело вздохнул и устало опустился на пол. Нужно поспать, и чем дольше, чем лучше.

Наши уже добивали выползня. Алексей, кое-как замотавший своё лицо грязной тряпкой, управлял мёртвой травой, сдерживающей короткие лапы чудовища, Репей утыкивал монстра стрелами, а карлы, действуя мечами и копьями, заставляли его метаться из стороны в сторону, сами нападая со спины. Долго это продолжаться не могло, и выползень, издав особенно громкий стон, повалился на землю. Издыхал он ещё пару минут, урча и содрогаясь всем телом.

Репей выматерился и грузно опустил на пол рядом со мной.

— Что-то ты не очень помог справиться с чудовищем, — сказал он, тяжело дыша.

Я кивнул в сторону горящих останков карлика. Говорить было лень.

— Кто это?

— Напарник выползня, судя по всему. Или хозяин. А может, и слуга — не разобрался, времени не было. Думается мне, карлик при помощи гипноза заставлял людей калечить себя, потом убивать, а выползень после всего прибирал за ним трупы.

— Симбионт, — пробормотал Репей. — Хотя сейчас уже не узнать, какая карлику от этого была выгода.

Я пожал плечами. Драка совершенно меня опустошила.

— Кажется, мы обосрались по полной, — сказал тем временем Репей, обводя башню взглядом. — Угробили кучу народа, ничего не нашли, и потеряли нашего претендента на трон. Теперь у Песцов и Хегле есть совершенно законное право претендовать на замок.

Я кивнул. Пару секунд подумав, проговорил:

— Нам нужно бежать.

— Мы так и не нашли куда.

— Найдём. Я найду. — Я тяжело вздохнул. — Давай потом поговорим, спать хочется жутко.

Проспал я три часа. Проснувшись, наскоро перекусил и, приняв стакан подогретой браги, сел держать совет.

Карлы, которых осталось всего-то пятнадцать, объединились вокруг Эммирта — того здоровяка, что сдерживал в проходе вместе с Трясучкой выползня. Особым умом он не отличался, зато прекрасно понимал, что на материке делать больше нечего, нужно возвращаться и высылать к Хегле гонцов с предложением мира. Вполне логично, что Хегле примет мировую на условии того, что новым конунгом станет он. Нашему клану в этих мирных соглашениях места нет. И как бы нам не стать козлами отпущения, грушей для битья для обозлённых людей Хегле. Кто-то ведь был виноват во всех проблемах с торговлей, а местные-то карлы ведь вечные соседи, союзники и вообще по большей части родственники.

Нет, карлы нас в свои дальнейшие планы не посвящали, просто сказали, что завтра утром убираются отсюда. Мы, конечно, сказали, что хотим с ними, тем более другого выхода у нас не было — на счету в клане сейчас каждый человек.

И тут становилась основная проблема. Если наши рассуждения верны, нам нужно убираться с полуострова всем кланом. И пустая земля с отравленными колодцами и неизвестными нам ранее чудовищами для побега, совершаемого ещё и посреди зимы, не подходит. Нам нужно нормальное место, где нас примут.

— По-моему всё просто, — сказал я, подводя итог своим рассуждениям. — Либо нам нужно место, куда можно сбежать, либо договор с Песцами, но что-то уж слишком сильно мы не вписываемся в картину благоустройства тех мест.

— Договора не будет, — буркнул Якудза. — Я, конечно, не в курсе всех дел, но Корум слишком серьёзно посрался с послами Песцов. Я прав? — спросил он Репья.

— Прав, — кивнул рыжий. — Корум — парень спокойный, но в последнее время если его вывести... В общем, когда он в бешенстве, дипломат из него не очень. Он пообещал Песцам, что вырежет каждого их мужика и перетрахаёт всех баб.

— Чем его это так зацепили? — ошеломлённо спросил я. Это было так не похоже на того человека, которого я знаю... Впрочем, действительно ли я знаю нашего главного босса?

Судя по всему, нет.

Репей пожевал губами.

— Предложили унижительные условия мира. Для Корума, не для всего клана. В общем... камни все отдать, расформировать большую часть пати, а сам Корум... ну, стал бы обычным членом объединённого клана. Препятствовать его повышению типа никто не будет, но все должны быть в равных правах. А у босса в последнее время от власти крышу чутка подсорвало. — Репей тяжело вздохнул. — В общем, я вам ничего не говорил.

— Лучшего командира в ближайшее время нам всё равно не найти, — добавил Якудза.

— Тогда нужно просто выслать разведчика, чтобы он нашёл нам место, — сказал я.

— Вызваться хочешь?

Я кивнул.

Алексей промычал что-то из-за своей повязки, Якудза отмолчался. Репей угрюмо смотрел на меня своими серыми водянистыми глазами.

— Ты, конечно, крут, — медленно проговорил он, — и заботишься о благе клана, но есть парочка «но». Первое, не уверен, что одиночка, какой бы крутой он не был, справиться. Второе, не хочется тебя терять. Третье, ты вообще хоть что-то о местной географии или обычаях знаешь? И четвёртое — как ты собрался возвращаться через пролив?

Алексей одобрительно промычал, Якудза продолжал помалкивать.

Я слабо улыбнулся и развёл руками.

— А когда было легко?

Утром я отправился на юг, а все остальные на север.

Как бы благородно я не выглядел, предлагая разведать всё в одиночку, я преследовал и собственные цели. Уверен, что на материке тоже есть потомки Корда, искать их стоит среди правящих слоёв или просто уважаемых людей. Узнать что-то действительно важное об этом мире можно только у них. А уж что за «подарок» я унёс от Сердца Тьмы кроме них, наверное, никто и не знает.

Я набил заплечный мешок едой, забрал чуть ли не половину всего запаса воды — кто знает, сколько мне придётся искать беженцев, а терять время на растопку снега не хотелось, взял самую длинную верёвку с крюком и ещё кучу всякой мелочи, которая может пригодиться. Так же Репей дал мне «чат» — пергамент, по которому можно переписываться на удалении, и карту. Этим босс снял собственные же вопросы о знаниях географии и моём возвращении через пролив: я просто мог объяснить по «чату» в какой из регионов материка может бежать клан и ждать прибытия. «Центр» уже был в курсе нашей ситуации, Корум отписался коротко, но ёмко: «Собираем манатки».

Не знаю, чего Репей добивался от меня вчера. Возможно, проверял мою решимость. Или просто не хотел возвращаться без карты и «чата» — кто знает, какой окажется дорога назад, и бесследная пропажа всего отряда вряд ли хорошо скажется на моральном духе клана.

Что ж, совершая прыжок в омут с головой в одиночку, я избавлял от этого всех остальных.

Или я просто хотел сбежать от проблем с Топлюшей и Тёмной Матерью? Возвращаться на полуостров мне уже не нужно, значит, утопленницу я больше никогда не увижу. Я об этом жалел. Но вот так сжигая мосты, я действительно решал проблему. Пусть совесть моя уже не станет чистой (хотя никаких клятв верности я Тёмной Матери не давал), я сделал свой выбор. Но не в пользу определённой девушки, а в пользу нескольких десятков человек, жизнь которых теперь зависела от меня.

Возможно, мы начинаем мыслить какими-то средневековыми понятиями, забывая об общечеловеческой морали. Пусть умрут все, но клан должен выжить. Что для меня сделали все остальные игроки? Ничего хорошего, а уж плохого могут сделать много. А с ребятами из Серверной Рати я вместе жил, вместе проливал кровь. Они моя семья, единственное ради чего нужно бороться. В одиночку здесь долго не прожить и уж точно не пройти «игру».

В общем, вызвавшись продолжать разведку, я убивал сразу трёх зайцев. Или одного человека. Себя.

Уходя в одиночку, я чувствовал себя слабым и бесполезным. Но это чувство быстро прошло. Я был частью отряда, а теперь я самостоятельная боевая единица, не ставшая в одиночестве менее опасной.

К тому же, я столько времени не принимал каких-то важных решений, а просто выполнял приказы. Думать самостоятельно было приятно. Репей посоветовал мне сразу идти к ближайшему крупному городу, находящемуся в трёх десятках километров на юго-западе, я же решил сначала проверить небольшой городок-крепость Чёрный Клык в пятнадцати километрах на юго-юго-запад. Целый город эвакуировать не так-то просто, да и стены должны были обеспечить какую-никакую защиту. Я практически уверился, что этот

городишко — самый северный оплот человечества, защищающегося от каких-то неведомых (и невидимых) врагов. Не выползень же с трёхротым так напугали несколько сотен местных жителей.

Ножик карлика я, кстати, забрал с собой. Никакой магии в нём не чувствовалось, но крохотный ножик очень удобно спрятался у меня на груди, прямо у левого рукава моего плаща.

Мои подозрения на счёт того, что Чёрный Клык населён, начали подтверждаться буквально через полтора часа пути — на первом крупном пожарище я встретил мародёров. Я какое-то время понаблюдал за ними и продолжил путь. Полдюжины немощных стариков и старух копались в углях, проклиная жестокость своих соплеменников, вряд ли я чего-нибудь бы от них добился кроме этих проклятий. В тяжёлые времена в первую очередь жертвуют самыми бесполезными.

Ещё через два километра я наткнулся на могильник, если можно так назвать кучу трупов, сваленную на краю дороги. По большей части среди них тоже были старики, но встречались и крепкие молодые женщины и мужчины, причём все они погибли насильственной смертью. Разбойники? Противники эвакуации? Или жертвы нападения? Кто знает. Я выяснил только то, что убиты они были обычным человеческим оружием. Были ли среди них игроки судить сложно — почти всех убитых раздели практически догола.

А над Чёрным Клыком поднимался дым... Думаю, я опоздал часов на тридцать-тридцать пять.

Добравшись до города, я нашёл догорающее пожарище, груды трупов и несколько изрубленных в капусту человекообразных монстров. Более или менее сохранилось только одно из тел, по нему-то я и понял, что трёхротый с братьями — как раз то, чего опасались местные.

У чудовища не было ни глаз, ни рта, ни носа, только три пары ушей. Если трёхротый заставлял свои жертвы вырезать на лицах улыбки и вскрывать глотки, то жертвы этого выродка отрезали себе уши и втыкали в свои кровоточащие раны различные острые предметы. Шесть трупов, лежащих рядом с чудовищем, сделали с собой именно это. Пройдясь, я нашёл трупы со знакомыми улыбками, выдавленными глазами и отрезанными носами.

Но здесь, по крайней мере, остались люди. Ещё на подходе я заметил десятка полтора мародёров, причём как минимум трое из них были низкоуровневыми игроками. Одного из них, копающегося в развалинах какой-то каменной постройки поодаль от остальных, я и решил взять в качестве языка.

Я следил за ним с полчаса. Жалкий оказался тип — тощий, покрытый синяками и ссадинами, с отмороженными ушами и носом. Шмотки — дерьмо, оружие ещё хуже, хотя сейчас он стащил в кучу целый арсенал и, бормоча себе под нос и постанывая, решал, как он эдакое великолепие потащит себе в логово. Бомж, дорвавшийся до шведского стола, одним словом. И запах соответствующий. Шведский стол — собранные обгорелые объедки — он схарчил в один присест, хотя там хватило бы на троих.

Наконец, решив, что набрал достаточно, он сложил часть награбленного в простыню, кое-как завязал и, завывая от натуги, потащил куда-то из дома. Затравленно посмотрел на других мародёров, понял, что те им не интересуются, и поковылял к виднеющемуся в паре километрах на юго-запад леску. Эти два километра он преодолевал невероятно долго, но я по-прежнему не выдавал себя, не желая допускать даже малейший риск.

Наконец, в лесу я решил, что пора действовать. Из Скрытности я поставил бомжу самую банальную подножку. Игрок взвизгнул и неуклюже повалился на снег.

— Не убивайте! Не убивайте, пожалуйста! Я всё, всё сделаю! Всё отдам!

Невольно скривившись от отвращения, я пробурчал:

— Я только поговорить.

Бомж отполз к ближайшему дереву и, припав к нему спиной, с ужасом в глазах принялся меня разглядывать. Я поднял руки, показывая пустые ладони.

— Ты из Сердца? — спросил он. — Что вы забыли в нашем захолустье?

— Что за Сердце?

— Так ты не знаешь? Откуда ты пришёл? И сколько вас?

Я скрипнул зубами.

— Знаешь, чувак, давай решим так — вопросы здесь задаю я, хорошо?

Игрок быстро кивнул, потом ещё раз, видимо, решив, что одного раза недостаточно.

— А теперь рассказывай — кто ты такой, что это за Сердце и что здесь происходит.

Назвался «язык» Гариком, был он воином двадцать второго уровня. Жил он тут, в двух шагах, в заброшенной медвежьей берлоге. Жил плохо, ел мало, фармить вообще не было ни времени, ни возможности. Что делать с награбленным добром не знал, грабил только потому, что мог, авось потом пригодится. Наверное, собирался с воронами и белками торговать.

Сердцем называл он центр материка (плохая у местных фантазия — мир называется Сердце, центральная часть материка Сердце), куда ушли все выжившие высокоуровневые игроки. Что там происходило, он не знал. «Было спокойно» и «уж точно лучше, чем здесь». Почему сам туда не шёл? Не дойдёт. Почему?

А вот тут-то и началось самое интересное.

Сначала всё шло своим чередом — с игроками сотрудничали, им давали квесты, нанимали на службу, тем более на материке есть города, народу побольше и куда больше работы. Есть, в общем, простор развернуться. Но когда всё сломалось, здесь тоже начались трудности. Трудности — это если мягко. Если не мягко...

Местные покумекали, что многовато платят пришлым. Что пришлые ведут себя по-царски и слишком много на себя берут. А иногда и вообще борзеют, нападают на ни в чём не повинных людей и насилуют девушек покрасивей. Вскоре окрестности захлестнул поток беженцев. И ладно, если беженцами были северяне с полуострова: они прибывали к родственникам или компаньонам, а если таковых не находилось, уходили в лес. Перепуганные же и плохо вооружённые игроки из базовых локаций оказались не нужны ни аборигенам, ни едва-едва устоявшимся кланам игроков-старичков.

Но свои есть свои, и кланы принялись насаживать местным элитам свою волю. Приютите беглецов, дайте им денег или задания. Хозяевам жизни не понравилось, что лезут в их дела. А когда главы кланов решили заснуть свой нос в политику, неожиданные пришельцы стали совсем нежелательны. А уж с политическими конкурентами здесь не цацкались.

Два месяца назад произошла спланированная резня. Можно даже сказать, геноцид. Игроков хватили на улицах, вытаскивали из постелей. Вчерашние наниматели и союзники похватили оружие и разожгли костры. Большая часть игроков погибла в первые же часы, но продолжалась бойня больше недели, пока последние выжившие не разбежались по лесам либо не пробились дальше на юг, где по слухам было поспокойней.

Итогом этой резни стала куча мёртвых солдат, магов и крупных военных шишек среди

местных, частично разрушенные города и жертвы среди местного населения. Проблемы с Культом были ещё при игроках, но его удавалось сдерживать. Теперь же когда большая часть боееспособного населения погибла, Култ начал шалить. Да так, что пришлось бросать всё и, собираясь в большие обозы, еженощно донимаемые служителями, драпать в сторону больших городов, надеясь на защиту стен. По примеру Чёрного Клыка, городские стены спасали не всегда.

Что это за Култ? Так гасповские же выродки. Ведьмы — лишь одно ответвление Культа, можно сказать феминистки-изгои, которых Гасп турнул на север в тот самый момент, как обзавёлся более или менее нормальным телом. Большая же часть Культа обосновалась на материке, и сейчас, почувствовав свободу, принялась устанавливать свои порядки. Вырезались целые деревни, в дорогу в одиночку выходить было противопоказанно, а уж если путника настигла ночь...

Жрецы Корда кое-как сдерживали служителей Культа, но их почти всех вырезали, Гарик собственными глазами видел, как обезумевшие местные хватают их и тащат на костер.

— Когда все защитники умерли, — заикаясь и судорожно глотая слюну, говорил Гарик, — городские как будто обезумели. Наверное, служители подчинили их своей воле. Они принялись убивать друг друга, но вперёд всех убили жрецов. Рвали их на куски и сжигали. А потом подожгли город и вместе с чудовищами ушли на юг, там какой-то большой город должен быть.

Где он был во время резни? Прятался в лесу, радуясь, что его никто не трогает. Любопытство всё-таки заставило его выбраться из леса в самые последние минуты битвы, о чём он и рассказал.

Я слушал Гарика, сжимая кулаки в бессильной злобе. Хуже не придумаешь. Убежища мы здесь не найдём, нужно идти дальше на юг. Как далеко — не известно. И дорога лёгкой явно не будет. Нам придётся идти по пустыющей земле, по дороге сражаясь с местными и Культом... Потом ударят настоящие морозы, все дороги окончательно заметёт снегом, и что мы тогда будет делать?

Или, быть может, как-то удастся договориться с местными властями? Возможно, в обмен на помощь в борьбе с Культом они приютят нас на зиму?

Я не заметил, как прикусил губу до крови. Сплюнув, я буркнул Гарику что-то на прощание и пошёл дальше на юг. В след мне неслись благодарности и просьбы взять с собой, но я не откликнулся — багаж мне сейчас ни к чему. Это ничтожество как-то научилось выживать в этих местах, так что пусть остаётся здесь дальше. Тем более, ему привалило такое богатство.

Отойдя на достаточно расстояние, я в двух абзацах описал Коруму обстановку и сообщил, что иду дальше на юг. В ответ пришло только «Удачи». Что ж, она мне пригодится.

Смерть IV

Я чувствовал братьев, извергнутых из разорвавшихся сосудов. Они ползали в агрессивной для себя среде и по большей части умирали. Но некоторым удавалось найти себе носителей. Не знаю, что с ними происходило потом. Наверное, то же самое, что и со мной.

Я уже полноценно существовал в своём носителе. Или хозяине. Я питался его злобой, его болью и ненавистью. Я осознал себя. Теперь я не был безмозглой тварью, подчиняющейся воле Тьмы. Я думал, изучал своего носителя. Понял, что если он погибнет,

то дорога к Сердцу Тьмы для меня будет закрытой. А попасть в Сердце — единственное, для чего я был рождён.

Значит, мне нужно помогать хозяину. Я и помогал. Это было легко — силы, что атаковали его, были сродни мне. Я прекрасно их понимал и спокойно мог отразить любую подобную атаку.

Одна проблема — хозяин не шёл со мной на контакт. Не открывался мне. Не знаю, делал ли он это осознанно или нет. Или, возможно, это я ещё не научился общаться с ним как следует. Возможно, не он глух, а у меня нет языка.

Но у меня было время, куча времени. Рано или поздно мы научимся разговаривать и сосуществовать, станем единым целым. Мы сделаем то, что положено.

А потом вместе утонем в тёплых объятиях Матери Тьмы.

Материк IV

Проснувшись, я остался сидеть на месте, внимательно вслушиваясь и вглядываясь в окружающий меня лес. Ничего живого крупнее вороны рядом со мной не было.

Луна начала прибывать пару-тройку дней назад, так что её огрызок давал очень мало света. Что делать дальше — сидеть на месте или всё-таки продолжить дорогу? Время терять не хотелось, и так весь вечер проспал, рассудив, что ночью лучше держать глаза широко раскрытыми. Но и ночная дорога может быть слишком опасной.

Размышляя, я почти забыл про свой странный сон. Как будто кто-то ходил вокруг меня и звал. Наверное, мне слишком непривычно оставаться одному.

Наконец, сжевав во время размышлений кусок солонины и запив его двумя глотками воды, я решил выдвигаться в дорогу. Шансы встретить какую-нибудь опасную тварь равны, хоть сиди на месте, хоть броди по лесу. Выходить не хотелось из-за какого-то иррационального, воспитанного (наверное) с детства страха перед ночным лесом. Впрочем, здесь-то в этом страхе ничего иррационального не было — ночью на охоту выходило много всякой нежити или чудовищ. Но я ведь и сам могу быть опасным, правда?

Ночной лес встретил меня негостеприимно. Я чуть не по подмышки провалился в снег в какой-то низине, а через несколько минут угодил в медвежью берлогу. Косолапый совершенно не понял, что произошло, но разрушение жилища вызвало у хозяина праведный гнев. Я, впрочем, был уже далеко. Не убивать же животину за то, что она решила подремать у меня на дороге?

Какое-то время пропетляв по лесу, я рискнул выйти на дорогу. Здесь было ещё более пустынно, но я даже под действием Скрытности опасался нарваться на кого-нибудь недружелюбного. Я относительно легко справился с трёхротым карликом, но несколько рослых его собратьев вряд ли просто так дадут мне убить себя.

Впрочем, я действительно никого не встречал. До Драконьей Скалы оставалось километров десять, не больше. Начали служители Культа осаду города или просто слоняются по окрестностям, вылавливая последних беженцев?

В конце концов, какую вообще цель они преследуют? Убить всех потомков Корда? Но зачем тогда эта бессмысленная и беспощадная резня? Складывалось впечатление, что им просто нужно вырезать как можно больше народу. Зачем? В каждом действии местных был какой-то смысл, за каждым их шагом стоял какой-то план. Удачный или нет, но план. Неужели вся их цель — убить как можно больше народу?

Я почувствовал опасность за миг до того, как чуть не стало поздно. Действуя инстинктивно, я нырнул в какую-то канаву и, забравшись с головой в снег, замер, стараясь даже не дышать.

Нечто, от которого буквально разило смертью, неспешно и совершенно бесшумно опустилось на дорогу и, сложив крылья, начало принюхиваться. Его густое смердящее дыхание обдало меня с ног до головы, я почувствовал тошноту — верный признак того, что чудовище источает какой-то токсин. Обнюхав всё кругом, летающий монстр исчез так же беззвучно, как и появился.

Я поднялся и, шатаясь, пошёл в никуда. Голова раскалывалась, перед глазами плыло, меня била крупная дрожь. Я точно знал, что мне нужно как можно скорее убраться от места, куда приземлялась тварь — всё кругом там отравлено. Мерзкое шевеление в левом

предплечье напомнило мне о том, что внутри меня живёт какой-то паразит. Моё состояние ему явно не нравилось. Может, сдохнет? Но подыхать паразит не собирался, он замер уже через несколько секунд. И буквально в тот же момент я почувствовал, что мне полегчало.

Спасает хозяина, а? И, наверное, во время драки с ведьмой тоже спасал. И от гипноза трёхротого уберёт. Благодарить мне Сердце Тьмы за такого компаньона или проклинать?

Я всё-таки решил убраться с дороги и идти по лесу, хотя даже под защитой деревьев мне казалось, что в мою спину вот-вот вцепятся острые когти. Двигаться приходилось очень медленно, но дорога как будто оставалась всё такой же безопасной.

Вот только опасность ночного леса заключается не только в его обитателях. Свернув к дороге, чтобы проверить направление, я только углубился в чащу. Попробовал вернуться, идя по своим же следам, но каким-то образом потерял их, а потом, найдя, опять угодил в непроходимую чащу.

А часа в три пополуночи, окончательно потерявшись, я вышел к хутору. Сразу запахло дымом и едой, хотя эти запахи я должен был учуять за несколько сот метров.

Хутор окружал совершенно смешной в свете нынешних событий частокол (я бы сказал даже забор) с распахнутой настезь калиткой. На столбах, правда, висели обереги — плетёные куклы, как у наших друидов, но не думаю, что они остановили бы служителей Культа. Меня, по крайней мере, не остановили. Пройдя по двору, я остановился у дверей, не зная, что делать дальше и что ждёт меня в доме. Самое смешное то, что я совершенно не чувствовал опасности.

Хозяйка дома тоже. Дверь распахнулась, и в свете появилась невысокая женщина лет тридцати. Не дать, не взять — друидка. Увешанная, как ёлка, оберегами, одетая в шкуры, с двумя толстыми косами, в которые было вплетено столько побрякушек, что можно и не считать.

Друидка уставилась на меня, изучая. Не стоит говорить, что здесь кроме как под Скрытностью я и не передвигался, но что-то слишком часто в последнее время она меня подводила.

— Что за гости посреди ночи? — строго спросила она низким приятным голосом, в котором не было и тени страха или беспокойства. И это обескураживало куда больше, чем всё остальное.

— Да я, в общем-то, мимо шёл. Заблудился. — Я помялся, а потом неуклюже добавил: — А как дойти до Драконьей Скалы?

На миг на лице друидки появилось недоумение.

— До Драконьей Скалы? — переспросила она.

— Да. У меня там... дела.

Я стоял в свете раскрытой двери, чёрный, пахнувший смертью, с маской боли, закрывающей лицо, но по-прежнему ни тени страха на лице хозяйки дома не было.

— Издалека же ты, — медленно сказала друидка. — А я что-то совсем забыла про гостеприимство. Заходи. Разуйся только на крыльце. И маску с плащом сюда вот брось, слишком много грязи на них. — Видя моё замешательство, хозяйка улыбнулась: — Не бойся, никуда они не денутся. И оружие можешь при себе оставить. Да и живу я одна, а ты ведь, такой большой и злой, не боишься обычной женщины?

Честно говоря, уже начал побаиваться, но я по-прежнему не чуял вообще никакой опасности. Вообще. Прямо как...

... в роще, где жила Гая с детьми.

Почувствовав облегчение, я сбросил верхнюю одежду на низкую скамейку у крыльца, туда же легли тесак, арбалеты и все ножи. Раз уж мне доверяют, то и я должен. Тем более, Меч Тени никуда не делся.

Разувшись, я зашёл в дом. Резкий запах трав едва не выбил у меня слезу, но я стоически удержался. Хозяйка уже хлопотала у стола. Какая-то брага, суп, хлеб, куча овощей и разнообразных мясных закусок. Жила друидка действительно одна, ни ворон, ни кошек... с кем там ещё могут жить бабы-друиды, если мужика-друида нет?

— Садись за стол, вижу, давно нормально не ел. — Друидка уселась напротив и, всё так же пристально изучая меня своими большими небесно-синими глазами, представилась: — Меня зовут Инча.

Я стоял напротив стола. Как-то мне было не по себе.

— Зовут меня Алексеем, Доктором, Безымянным, один раз назвали Судьёй, но своего настоящего имени я не помню. А может, и не знаю. Я просто потерялся в лесу и зашёл спросить дорогу. Человек я недобрый и опасный, лучше будет, если я просто узнаю дорогу и уйду.

Не знаю, зачем я заговорил об этом. Но, чёрт возьми, этот островок спокойствия посреди моря хаоса вызывал во мне оправданное опасение. Кто на такая, раз Культ до неё не добрался? Помнится, Топлюшу подобная «заповедная» лощина не остановила, хоть она и потеряла часть силы. Значит, сюда должны были добраться служители.

— Не выгонять же безымянного гостя? — усмехнулась друидка. — И иногда, чтобы найти дорогу, нужно потеряться.

— Кажется мне, что не в этот раз...

— К тому же, у тебя много вопросов, на которые я, возможно, могу дать ответы. Один из них — как добраться до Драконьей Скалы. И я тебя совсем не боюсь, какой бы ты опасный и недобрый не был. Я хоть и добрая, но совсем не слабая.

Я сдался. К тому же, от запаха копчёной оленины и медовухи буквально свербело в носу. И я оказался прав — всё было очень вкусно. На медовуху я, впрочем, не налегал, хотя Инча гостеприимно старалась подливать мне после каждого глотка.

— За информацию придётся заплатить, — произнесла друидка, когда я тяжело вздохнул, давая понять, что больше еды в меня не влезет.

Может, медовуха всё-таки сделала своё дело, и у меня всё было написано на лице, но Инча, коротко хохотнув, сказала:

— Нет, одиноким женщинам средних лет не всегда нужна именно ТАКАЯ плата. Мне нужна твоя кровь. Немного, пара капель.

Так, так, так... Добрым, стало быть, друидам нужна человеческая кровь. Хотя, почему нет? Если друидка захочет меня убить, уверен, у неё это и так получится, слишком уж она самоуверенна. Или она просто хорошая актриса и как раз сейчас заманивает меня в ловушку? Но как-то уж слишком топорно для хорошей актрисы.

Я закатал рукав, обнажая предплечье.

— Достаточно и одного пальца.

В руке Инчи сверкнула серебряная игла. Я большой мальчик, но от неожиданной и резкой боли едва не завыл в голос. Моя кровь, шипя и дымясь, закапала на стол, где и сгорела, оставив три небольших чёрных пятнышка.

Закусив губу, друидка смотрела то на меня, то на эти пятна. Сейчас она меня или пришьёт, или вышвырнет.

— Хорошие гости по ночам не приходят, — медленно проговорила Инча. — А ты что-то совсем не хороший. Но в тебе самом я злобы не чувую, хотя ты ей и переполнен, так что убивать или выгонять не буду — слишком уж издалека ты пришёл. Да и что-то не уверена я уже, что смогу, даже если захочу. — Хозяйка вздохнула. — Ладно, отвечу я на... три твоих вопроса. Извини, таковы правила. И один ты уже задал, но дорогу я тебе покажу завтра.

Информация о местных шишках или потомка Корда, конечно, хорошо, но в первую очередь я прибыл сюда за другим.

— Есть ли в окрестностях место, где могут перезимовать человек эдак семьдесят?

— Нет.

Вот так быстро и просто — нет. Твою же мать...

Видя моё вытянувшееся лицо, Инча пояснила:

— Ты пришёл сюда, заблудившись. Думаешь, ещё семьдесят человек так просто заблудятся в лесу? Вы сюда просто не придёте. А что твориться... у Драконьей Скалы, я и не знаю. Возможно, стоит поискать там.

Я устало вздохнул. Что ж, у меня остался один вопрос. А мне нужны ответы штук эдак на пять или шесть. И снова — выбирать для себя или клана?

— Как лучше всего бороться с Культом? — спросил я после довольно продолжительного раздумья.

Впервые на лице друидки появилось нечто похожее на беспокойство.

— С Культом? С Культом Гаспа?

— С ним самым.

По телу Инчи пробежала мелкая дрожь, будто дунуло сквозняком.

— Неужели всё так плохо? — едва слышно прошептала она, но быстро взяв себя в руки, сказала: — Против кого вы воюете? Против ведьм или послушников?

— Ведьм мы уже всех убили.

— И Шану тоже?

— Не знаю, как её звали, но если ты про их матриарха с кучей клыкастых ртов вместо тела, то Гая её порядком помяла, а потом мы её сожгли.

— И Гая, значит, там, — тяжело вздохнула Инча. — Жаль, очень жаль. Стало быть, я теперь... ну да это не твоего ума дела, — спохватилась друидка.

— Ничего страшного, — вежливо проговорил я, — я всё равно ни хрена не понимаю.

— Пораскинь мозгами, — несколько презрительно сказала хозяйка. — Ты спокойно пришёл ко мне, значит, умеешь находить места, где Стена тонкая, и можно пройти. И эту тварь ты нигде кроме как у Сердца Тьмы подцепить не мог, может, ещё что зацепил, чёрт тебя знает.

— Меч Тени, например, — подсказал я.

Инча вскочила из-за стола и грозно упёрла в столешницу кулаки. Наверное, пыталась нависнуть надо мной, но росту в ней было на голову ниже. И, тем не менее, выражение лица у неё было свирепым.

— А ты меня не пугай, я сама кого хочешь напугаю! И на вопросы твои могу не отвечать! Вообще-то, я и не должна на них отвечать, — уже спокойней добавила друидка, — но раз вопрос заключается в том, как избавиться от Кulta, то не ответить я не могу.

Хозяйка уселась на место и долго смотрела на меня, а после, вздохнув, спросила:

— Что ты знаешь о Культe?

Я вкратце рассказал, после наводящего вопроса уточнив источник своей информации.

— Странные у тебя знакомцы, — фыркнула друидка. — Что ж, начну с того момента, на котором остановился утопленник. Когда Гасп создал себе тело, он начал набирать учеников из... плохих людей.

— Потомков Корда, — с нажимом проговорил я. — Одной из которых ты являешься.

— Какой ты умный, — передразнивая мой тон, сказала Инча. — Да, из потомков Корда. Соглашались, понятное дело, далеко не все. Кого-то из них Гасп убил, а кого-то заставил к себе присоединиться. Он надеялся, что с новым телом к нему вернётся сила, но сила не возвращалась. Тогда он решил, что ему нужен новый источник энергии. То, что он вытворял, не позволяло ему обратиться ни к Стихиям, ни к Природе, он просто перестал их слышать, так что осталась одна Тьма. К тому времени у него было около сотни ведьм и сотни две послушников, с этими-то войсками он и попытался прорваться к Сердцу Тьмы, месту, куда стекается вся негативная энергия, энергия смерти со всего мира. Но войск оказалось слишком мало, а сам он чересчур ослаб. Мои предки разгромили его отряд, но части Культа во главе с самим безумным богом удалось уйти.

В этот момент назрел раскол. Ведьмы предлагали скопить силы и попробовать напасть ещё раз, а послушники — или служители, называй, как хочешь — решили, что могут черпать силу для своего господина из человеческих страданий. План служителей Гаспу понравился куда больше, так что ведьм он прогнал, а сам принялся устраивать набеги на людские поселения. За ним велась охота, многие из новых служителей погибли, но никто так и не смог уничтожить Култ до конца. И несколько лет покоя дали свои плоды — Култ снова разросся, снова война забушевала ни где-то на задворках мира, а в центральных областях, рядом с Сердцем — Храмом, где покоится изменённое тело Алу.

Вера послушников в слабого бога не давала им много сил, поэтому им приходилось использовать хитрость. Гасп всегда отлично пользовался всякими уловками и гипнозом, умел подчинять себе чужую волю, действуя исподтишка, особенно он овладел этой наукой, влача жалкое существование калеки. Послушники пользовались тем же — они проникали в сознание жертвы, заставляли её пытаться себя, чувствуя каждый миг пытки на собственном теле, а потом отдавали приказ погибнуть. Была с ними и грубая сила — извращённые по своей сути и ожившие тела людей и животных, убитые служителями, и ожившие в виде страшных химер.

Но во время последнего дерзкого штурма Храма вернулся Корд. Култ окончательно разгромили, а сами боги — старый и новый — куда-то исчезли.

Видимо, часть этих выроdkов всё же где-то сохранилась. — Инча выплела из своей косы один из оберегов — небольшой крысиный череп, окрашенный красной охрой. — Безумие оголодавшей крысы, пожирающей собственное потомство, должно перебивать безумие, которое охватывает человека, подчинённого воле служителя Культа. Если хочешь сражаться с послушниками, без подобных оберегов тебе не обойтись.

Я принял оберег, чувствуя прилив радости. Такие безделушки нашим друидам слепить под силу. Ответ Инчи был не только расширенным, но к нему ещё и прилагалось средство для борьбы с Култом, чего ещё пожелать?

Пока я любовался черепом, Инча распутала завязки своего платья, одним движением выскользнула из него и, подойдя ко мне, взяла за руку. Всё таки я немного одурел от выпитого — во время рассказа я пару раз приложился к кружке с медовухой и, кажется, каждый раз выпивал до дна — так что мне было, в общем-то, плевать, куда и в каком виде ведёт меня друидка.

А вела она меня в постель.

Я стянул с себя одежду и мягко толкнул друидку на лежак. Не знаю, может, что-то было подмешано в выпивку, у меня в голове в это время вообще ничего не происходило. Мы обошлись без предварительных ласк, тем более что оба уже были готовы к сексу. Я тискал её грудь и зарывался лицом в пахнувшие травами волосы, её рука впиалась мне в спину. Это заняло буквально пару минут, но в последний момент я почувствовал, как напряглось её тело. Я лёг на бок и провёл рукой по небольшой груди друидки, но та вздрогнула от этой ласки, как от удара.

— Раз кровь не подошла, мне всего лишь нужно твоё семя — до твоего естества и, значит, до него Скверна добраться пока не успела, иначе ты бы не прошёл через ворота, — холодно и жёстко проговорила Инча.

Она поднялась с лежака и, закрыв ладонью промежность, ушла к печке. Там она рукой собрала то, что вытекло из её лона, и аккуратно поместила в берёзовый туесок.

— Не знаю, Судья ты или кто, и какова цель твоего пребывания в этом мире, но терпеть тебя долго я не намерена — Скверне, которая живёт в тебе, здесь не место. — Инча повернулась ко мне, её лицо и тон смягчились: — Возможно, ты и не виноват. Наверняка не виноват. Но тебе здесь не место. Пошли, я покажу тебе дорогу.

Мы вышли из избы уже перед рассветом. Я чувствовал себя раздавленным, Инча молчала по каким-то своим причинам. Дорога заняла минут пятнадцать.

— Тебе туда, — сказала друидка, указывая на засыпанную снегом тропинку. — Иди и никогда не возвращайся.

— Спасибо за всё, — кивнул я и уже сделал шаг вперёд, но Инча неожиданно ухватила меня за рукав.

— Плевать на всё, — сказала она и сбросила на снег свою шубу. — Плевать на всё.

Через какое-то время мы лежали под моим плащом и смотрели, как над верхушками деревьев светлеет небо. Пальцы моей правой руки теребили сосок друидки, а левая трудилась над её промежностью, и в этот раз она не сопротивлялась. На этот раз мы никуда не торопились. Хотя было порядком зябко.

— Ты думаешь, что ты потерян и одинок, — сказала Инча мне на прощание. — Но на самом деле тебя ведут вперёд, к цели, иначе ты не попал бы сюда. А для того, чтобы достичь её, тебе нужно стать поистине одиноким, иначе ничего не выйдет.

— Я должен спасти кучу народу.

— Должен. Но это будут не твои друзья.

Я поёжился от этих слов и, махнув рукой на прощание, не оборачиваясь, двинулся по тропе.

Мне было над чем подумать.

Так, значит, я умею ходить через какую-то преграду, отделяющую основную составляющую этого мира от определённых мест, отведённых под жестокую игру с названием «Безбожие». Другого объяснения нет. И всё чертовски логично.

Оказавшись в этом мире, я почувствовал, как он буквально разделяется на куски. Перебираясь через тот мост, разделяющий две стартовые локации, я увидел призраков, спокойно занимающихся своими делами. Рилай отвела меня в своеобразный «карман», являющийся, судя по всему, тайным для большинства местных. Заблудившись, я очутился в лесу, хозяйка которого и не помышляла о каких-то мерах безопасности.

Да я, мать его, избранный! Можно порадоваться? Хрен там. Это знание как пощёчина.

Будто кто-то сказал мне, игрокам и всем людям, живущим на выбранных территориях, мол, ребят, подышайте или выживайте, как хотите.

Остаётся вопрос: если мы облажаемся, как это отразится на судьбе всего мира и его жителей? Сомневаюсь, что им придётся сладко, а всё потому что...

К Сердцу Тьмы движется вся негативная энергия. Нужно, правда, это место было обозвать «Пылесос Тьмы» или «Коллектор Тьмы». Логично, что обезумевший Гасп со своими далеко не добрыми намерениями и такими же не добрыми прислужниками хотел этой энергией завладеть. Если вспомнить то видение, что посетило меня, едва я ступил на твёрдую землю, кто-то сейчас активно занимался тем же самым, только где-то в центре материка, близко к Храму, а, возможно, и в самом Храме. Где покоится изменённое тело Алу. Именно изменённое. И что-то ещё от неё хранится под Сердцем Тьмы, наверное, неизменённое тело или то, что от него осталось. Или что-то другое. Ну да об этом можно будет разузнать у кого-нибудь попозже.

Если поток негативной энергии закончится, то Сердцу Тьмы, должно быть, придётся не сладко. Возможно, оно даже погибнет. Если Сердце Тьмы — предохранительный клапан этого мира, сбрасывающий излишки зла, его гибель приведёт к концентрации негатива во всём мире. К чему это приведёт? Междоусобицы? Как будто нынешней кровавой бани не достаточно. Если припомнить, кто-то из местных говорил о странном акте неожиданной агрессии, охватившей его деревню... Кузнец Гризли? Именно он. Если такое начнёт происходить по всему миру... ну, будет примерно то, что я сейчас наблюдаю на этих обречённых землях.

Далее. За Сердцем Тьмы вполне может кто-то следить, проверять его, скажем так, работу. Возможно, само Сердце Тьмы обладает какими-то зачатками разума, как мой меч. Хранитель (или само Сердце Тьмы) заинтересован в том, чтобы оно функционировало. И тут появляюсь я. Дважды уже, мать вашу, избранный. Хватаю древний артефакт и получаю своеобразный подарочек, который помогает мне, но только потому, что и я, и Сердце Тьмы заинтересованы в одном и том же — уничтожении ставленника Властелинов, который, судя по всему, и собирает негативную энергию.

Подарок болота — вещь хреновая. Или попросту злая, не лучше Меча Тени. Иначе Инча так негативно ко мне бы поначалу не отнеслась. И действительно, какой-нибудь охотник на чудовищ, завидев очередную страховидлу, не будет разбираться жрёт она младенцев или, скажем, головастика и прочих амфибий или и вовсе травоядная, он просто бросится рубить её на куски. Значит, со служителями Корда или другими «светлыми» мне лучше не связываться. Но пользу от этого паразита тоже переоценить сложно — он спас мне жизнь уже как минимум трижды.

Дальше... дальше всё. Хотя, не так уж и много загадок осталось — что за Скверная убивает всё живое и неживое до севере, кому вообще понадобилось заваривать эту кашу, причём тут Властелины, вернулся ли в очередной раз Гасп (иначе зачем его служителям выползать из укрытий, где они сидели десятки лет), где Корд... Нет, всё таки есть ещё над чем подумать.

И ещё. Если маг, засевший в центре материка — ставленник Властелинов, то кто им пытается помешать? И почему они это допускают? Возможно, исчезновение Корда — не самая последняя проблема, вполне может быть так, что среди Властелинов назрел конфликт или кто-то пытается их свергнуть. Нашими руками? Вполне возможно, хотя, что может быть хуже кучи необученных землян.

Всё это похоже на какое-то невероятно жестокое развлечение.

Времени думать не осталось. Лес менялся. Даже воздух как будто стал другим. Запахло кровью и смертью. Я возвращался на игровую площадку.

Договор I

После спокойной атмосферы леса пропахший смертью тракт, ведущий к Драконьему Клыку, подействовал на меня угнетающе. Пару дней назад здесь было многолюдно. Сейчас, скажем так, многотрупно. Мертвецы лежали как поодиночке, так и целыми кучами. Причём, в некоторых кучах виднелось какое-то оживление. Чужая неладное, я не стал подходить и проверять: использовать мой козырь — Меч Тени — на какую-то мелочь то же самое, что просто усесться на обочину и вскрыть себе вены. А без Меча в одиночку с серьёзным противником я могу и не справиться.

Километрах в пяти от Драконьего Клыка я свернул в лес и нашёл там себе укрытие, чтобы поспать. К городу лучше будет подойти перед закатом — ещё будет светло, и у меня хотя бы будет время отоспаться и набраться сил. Вполне вероятно, что мне придётся прорываться сквозь осаду.

Так, в общем-то, и вышло.

Драконий Клык располагался на северном склоне сравнительно высокой (около тысячи метров от подножия) одинокой горы. Фактически, это когда-то была крепость, вокруг которой отстроился небольшой (тысячи на полторы-две населения) город, впоследствии так же обзаведшийся каменной крепостной стеной. К Драконьему Клыку вела единственная удобная дорога, идущая с северо-запада, с юга и юго-востока путь к городу преграждала гора, движение по остальным направлениям затрудняли довольно резкие и каменистые подступы.

Но среди послушников, кажется, стратегов не было. Или плевали они на стратегию с высокой колокольни. Они просто перегородили дорогу и расползлись по более или менее удобным местам. Никакого лагеря или чего-то подобного — просто между кучами свежих трупов слонялись одержимые, среди них мелькали послушники, а некро-химеры либо спокойно подрёмывали, либо питались. У них не то что приспособлений к штурму никаких не было, у большинства одержимых вообще отсутствовало оружие, чем они питались и как вообще жили тоже не ясно — никаких обозов, костров или палаток. Единственным средством пропитания для служителей Культа и одержимых был каннибализм, в чём я вскоре убедился воочию.

Впрочем, зачем им какие-то приспособления? Одержимые — лишь еда и материал. Зачем штурмовать замок, опасаясь потерь, если рано или поздно все защитники окажутся в рядах твоей армии?

Меня трясло от отвращения и ненависти к этим созданиям. И от того, что, возможно, нечто родственное им живёт внутри меня.

Под Скрытностью я дважды обогнул лагерь послушников, выискивая наиболее безлюдную и проходимую тропинку. Проблема заключалась в том, что лагерь пребывал в постоянном движении — одержимые и послушники слонялись из угла в угол, судя по всему, как-то общаясь, я слышал шум их голосов.

Наконец, выбрав, как мне показалось, удачный маршрут на юго-западном склоне, я набросил на себя Скрытность и как можно быстрее двинулся к городским стенам. Заплечный мешок со всем добром, кроме оружия и предусмотрительно взятой верёвки с крюком, остался лежать в укромном месте.

Моя Скрытность в последнее время — полное дерьмо, её кто только не рассеивает, но если не встречаться со служителями Культа, то вполне может быть мне удастся прошмыгнуть к стене. В противном случае придётся вытащить Меч Тени и подороже продать свою жизнь.

Был ещё вариант прорваться в город во время ожидающейся ночной драки, но я вполне мог получить по шапке от обеих сторон. Или сам мог кого-нибудь не того кокнуть, что тоже не добавило бы мне очков дипломатии во время возможных переговоров.

Я ушёл от вразнобой шатающихся у опушки леса одержимых и кое-как успел убраться из-под ног выползня, бегающего в своё удовольствие за невесть как оказавшимися за стеной двумя барашками. По мере приближения к лагерю слуг Культа их голоса становились всё громче, но гул от этого не становился понятней. Добравшись до окраины лагеря, я понял почему.

Одержимые и служители Культа не общались. Они выли, стенали, плакали, бессвязно кричали, стонали, хихикали, хохотали, мычали, рычали, пищали и кашляли. Эти звуки, издаваемые без малого двумя тысячами человек, сводились в дикую какофонию, от которой волосы вставали дыбом, а мозги шли набекрень. Не знаю, делали ли они это осознанно, или я просто угодил в лагерь, каждый обитатель которого был сумасшедшим, но действовало это угнетающе.

В лагере пришлось снизить темп передвижения. До стены оставалось каких-то две сотни метров, а я почти сразу понял, что пара «нюхачей», ошивающихся неподалёку, почуяли что-то неладное. Один принялся шататься по странной спиралеобразной траектории, делая резкие повороты то в одну, то в другую сторону, второй же замер на месте, высоко подняв свою яйцевидную голову, и начал принюхиваться. Когда широкие ноздри трёх его носов затрепетали, один из одержимых, оказавшийся рядом, тихо заскулил и принялся заталкивать пальцы себе в ноздри. Он разорвал их и красными от крови пальцами продолжил ковырять дальше, стараясь добраться до собственного мозга.

Я не стал дожидаться, чем это кончится. Шмыгнул дальше, правее, спрятался за кучкой из пяти трупов и замер. Комок в моей левой руке не подавал никаких признаков жизни, что не могло не радовать — на меня пока тёмная магия не действовала.

Зато укрытие оказалось не очень надёжным. Голова верхнего трупа — молодой девушки в изодранном платье — с громким хрустом резко повернулась на сто восемьдесят градусов, шея трупа неестественно выгнулась, застывшее лицо пришло в движение. Рот трупа открылся и попытался укусить себя между лопаток. Тщетно. Тогда голова повернулась ещё градусов на девяносто, дотянулась до плеча соседа и принялась его глотать. Плоть второго тела как будто поплыла, расплавилась и принялась вливаться в горло девушке. Я кусал перчатку, надеясь, что это быстро закончится, но теперь все пять тел пришли в движение. Их конечности неестественно дёргались, головы поворачивались. Движения были хаотичны и, казалось бы, не несли в себе никакого смысла, но я заметил, что тела переплетаются, срастаясь друг с другом. Я наблюдал за рождением некро-химеры.

Я, кажется, понял, что такое абсолютное зло, которое нужно выжечь из этого мира калёным железом. Ведьмы, шьющие себе тела из маленьких детей, служители, порабощающие разум людей и делающие из погибших чудовищ — вот что сотворил Гасп. Плевать на Империи, где поначалу жилось счастливо, плевать на его войну с Кордом. Он обрёк людей на безумие и жуткую смерть, людей ради которых он начинал раз за разом Творить. Виноваты ли люди? Возможно. Гасп со своими слугами точно виноваты. И их

просто необходимо уничтожить, до последнего гада, не нужно ограничиваться наказанием виноватых за происходящее сейчас, надо вырезать каждого причастного. Иначе подобное рано или поздно повторится.

Если меня называют Судьёй, я вправе судить их. Мой приговор — смертная казнь. Я не святой и сам в каком-то роде слуга тёмных сил. Местным жителям необходимо будет выбирать между существованием под властью слуг Культа или нами — обычными людьми, каждый среди которых уже давным-давно стал закоренелым убийцей и не сделал ничего доброго. Для меня выбор очевиден, но так ли просто местным будет принять помощь чужаков, часть которых они с таким трудом (и огромными потерями) выдворили из своих земель.

Я думаю, что у них нет выбора. Думают ли они так же?

Нюхачи ушли. Я ползком направился к куче камней неподалёку. Потом к следующей (ещё не шевелящейся) куче трупов, потом рывок к большому валуну, а там уже вверх и только вверх, по довольно крутому склону к стене. Глаза боятся, ноги делают. Поблизости никого нет, вперёд!

Я рванул к первому укрытию. Добрался до него без проблем, нырнул чуть ли не рыбкой на мёрзлую землю...

И понял, что тела не шевелятся потому, что превращение уже завершено. Почуввав какое-то движение рядом, химера попросту махнула одной из своих конечностей, проверяя, нет ли там чего-то опасного или просто интересного. А интересным там был я.

Удар многосуставчатой конечности уже знакомого мне выползня угодил мне в левое плечо, меня отшвырнуло вправо, и я покатился вниз, увлекая за собой кучу мелких камней. На такое не обратить внимания было просто невозможно.

Но вот то, что в меня со стены обрушится град стрел, я не ожидал. Защитники приняли это шевеление за первую попытку штурма — солнце было уже низко. Трое одержимых, что направлялись в мою сторону, повалились на землю, утыканные стрелами, как ежи. Полыхнуло огнём, и ударившая меня химера заметалась, охваченная жидким магическим огнём. Из-под брюха твари послышался утробный стон. Со стены упали ещё два полыхающих шара, но они только осветили почти пустующий склон.

Я уже прятался у стены замка. Чёрт знает, зачем ноги понесли меня именно туда, но сейчас я этому радовался — служители и одержимые убрались от огня по добру по здорову. Я вжимался в какую-то щель в земле, стараясь даже не дышать и чувствуя, как местность вокруг меня обшаривают недоброжелательные взгляды.

Защитники на стенах зашевелились, слышали едва слышные крики отбоя тревоги. Но, кажется, этот выпад стал для служителей Культа неприятной пощёчиной, на которую нужно было срочно ответить. Одержимые завывали ещё громче, чем раньше, я буквально каждой клеткой своего тела чувствовал, как лагерь пришёл в движение. На миг выглянув из своего укрытия, я понял почему.

Горящая химера какое-то время металась по склону горы, а потом, когда огонь охватил всё тело чудовища, ломанулась в атаку в одном направлении. И это направление вело напрямиком в центр лагеря послушников. Наверняка, служители каким-то образом могли отдавать приказы химерам, но охваченное огнём чудовище, судя по всему, совершенно обезумело. Оно растоптало двух одержимых, распугало остальных и взгромоздилось на самую большую кучу трупов, где происходило превращение. Жидкий огонь стекал с химеры на мёртвые тела, их одежда загоралась, огонь перекидывался с одной кучи трупов на другую.

В предсмертной агонии выплзень поднялся на задние конечности и, издав истошный, почти человеческий крик, ещё и выплеснуло из своего нутра все пищевые соки. Ещё не сформировавшаяся химера задёргалась, исковерканные горящие тела покатались в разные стороны, раздался чей-то невероятно громкий душераздирающий вопль, призывающий к бою.

Я уже закинул свой крюк на стену и под действием Плаща Тени взбирался на стену, молясь, чтобы защитники уже сбежались к воротам, куда готовили удар прислужники Гаспа. За считанные секунды взобравшись по верёвке, я вскочил на стену. Меня ждали два мага и полдюжины арбалетчиков. Я едва успел поднять руки и выкрикнуть, что я не враг, как один из них пустил стрелу. К счастью, мимо.

— Стой, осёл! — резко произнесла высокая, с головы до ног закутанная в плащ бесформенная фигура. — Я же сказал стрелять по моей команде.

— Я пришёл как союзник! — выпалил я. — Я гонец! Не оккультист!

— Я заметил, — спокойно заметил человек в плаще. — Прислужники Гаспа своими руками стараются не действовать. Что ж, гонец, я тебя выслушаю. Но только в том случае, если город переживёт эту ночь.

— Я помогу, — быстро сказал я, возблагодарив судьбу, — я очень хороший воин.

— Это мы сейчас и узнаем. — Фигура махнула рукой, указывая куда-то за мою спину, и исчезла. — Кажется, это к тебе.

Я обернулся и увидел, как над зубцами поднимается странная птица с кожистыми крыльями. Запах смерти воцарился такой, что я сразу понял — с этим чудовищем я уже встречался.

Что ж, в этот раз кто-то из нас должен умереть. Я дал волю своей Злобе и потянулся за Мечом Тени — сегодня он соберёт хороший урожай.

Но Меч не откликнулся на мой призыв, как будто не поверив мне. Я уже раз обманул его ожидания и заставил покинуть этот мир голодным, второй раз у меня такое не пройдёт. Пока что в обмен на вызов он мог забрать только мою жизнь, но меня убивать меч пока не хотел. Придётся ждать, пока он «остынет».

Вот это облом.

Летающая химера поднялась над стеной, три её пасти дыхнули смертью. Она была нацелена исключительно на меня. И это понял не я один — маги и арбалетчики убрались с этого участка башни моментально.

Вот это я влип.

Договор II

Казалось бы, что и мне стоит бежать, но Злоба, выкрасившая весь мир в серо-багровые тона, не позволяла. Навесив на химеру метку, я выпустил в неё три залпа из арбалетов и взялся за свой обычный тесак. Тёмные струи искусственно сотворённой тени окутывали меня с ног до головы, ползли по стене, словно щупальца гигантского осьминога. Шесть из них поднялись над моей головой и ударили точно в те места, куда угодили арбалетные болты.

Ощущения были странными. Я будто летел вместе с каждым болтом, я впивался в мёртвую плоть чудовища, я терзал её, пробиваясь к тому, что давало химере жизнь — склизкому гнилому комку, составленному из дюжины человеческих сердец. Мышцы химеры сводили судороги, её тело использовало каждую возможность, чтобы остановить смертоносные куски железа — выворачивались кости, но болт, подталкиваемый тенью, дробил их; сжимались мышцы, но отравленное железо разрывало их на куски; потоки крови толкали снаряды назад, но тут же закипала, не в силах им противиться.

В моей голове прозвучало недоумённое «Что ты делаешь, брат?», а следом знакомый женский голос буквально простонал мне на ухо: «Давай, пупсик, кромсай их».

Раскромсаю, уж будь уверена, родная.

Наконец, тело химеры справилось с болтами, но это стоило больших усилий. Чудовище тяжело опустилось на стену рядом со мной, его образ окутала тьма. Кожистые крылья с когтями выдвинулись вперёд, закрывая исковерканное туловище и три изуродованные почти до неузнаваемости человеческие головы. Толстые трёхпалые ноги подходили для хождения по земле, в этом я был уверен. А уж выступившие из-за спины две тонкие руки и поднимающееся над головой жало явно предназначались не для дружеских обнимашек.

Я ещё раз выстрелил в химеру, но болт отскочил от отвердевших крыльев, не причинив вреда. Щупальце тени за ним тоже не тянулось. Правильно, способности нужно перезарядиться, здесь же всё как в игре, мать её.

Жало плюнуло в меня тремя отравленными костяными шипами, но два прошли мимо, а третье перехватила тень, и кость растворилась в ней. Стоит говорить, что подобных способностей у меня раньше не было? Кого или что благодарить за них — комок тьмы или Меч Теней? Да какая разница?

Я рванул к химере. Ушёл ей за правый бок, хлестнул по крылу тесаком, но отвердевшая кожа остановила лезвие. Я едва ушёл от очередной порции костяных шипов, а вот правая рука химеры ухватила меня за сапог. Я упал на лицо, но сразу вывернулся и рубанул по запястью противника, из раны брызнула гнилая кровь. Химера взвизгнула и выстрелила своим жалом, из которого на этот раз торчало длинное костяное копьё. Я едва-едва встал и не успел среагировать на выпад — кость пропорола мне кольчугу и скользнула по рёбрам, разрывая кожу.

Это было больно, но химере пришлось куда хуже — я ухватил за жало, которое представляло собой деформированный человеческий позвоночник, и одним ударом отрубил его. Теперь помимо тесака у меня есть ещё и копьё.

Вой, издаваемый химерой, резал уши. К нему примешались отдалённые звуки боя. Складывалось впечатление, что кто-то принялся пытаться свору сумасшедших, но это было

недалеко от истины — в ворота ломались одержимые.

— Пора заканчивать, — сказал я химере.

— Почему ты предал нас, брат? — пробулькала центральная голова.

— Я никогда не был вашим братом. Я ваш Судья.

Все три головы разразились вымученным смехом.

— Судья судит при ярком Свете, чтобы можно было увидеть истину. Тот, что судит из Тени, не может быть справедлив.

— Ты больше света не увидишь.

Мы схлестнулись в рукопашной. Никакого искусства боя, да и кому оно было известно? Только грубая сила, Тьма против Тени, мёртвая плоть против живой. Краем глаза я видел, как нас окутал кокон из чёрно-серых полос, он бился будто в агонии. С ликованием я заметил, что чёрного становится всё меньше, а значит, я побеждаю.

Химера понимала, что умрёт, но не сдавалась, растягивая время. Мой бок леденел, я знал, что из раны вместе с кровью уже текут яд и гной. Комок тьмы яростно бился в моей левой руке, стараясь вывести заразу из тела, но удавалось ему это плохо. Наконец, костяное копьё пробило правое крыло химеры и, пройдя три её грудные клетки насквозь, застряло в сердце. Химера дрогнула в последний раз и замерла.

А я отшатнулся от трупа и с трудом оторвал длинные пальцы чудовища от своего горла. Судя по всему, я не дышал почти всю драку, но даже не ощущал этого. Я тяжело опустился на камень. Каждый вздох давался с огромным трудом, смятое горло горело огнём, я закашлялся, выдавливая из себя поток желчи и яда.

Спустя минуту мне удалось подняться. Моя куртка, кольчуга и подкольчужная рубаха были изодраны в клочья, тело превратилось в сплошную сочащуюся кровью рану. На самом деле в какой-то момент я был на грани, и если бы химера не потратила столько сил на то, чтобы остановить стрелы, сейчас моё тело лежало бы на стене.

Меч Тени ловко прыгнул мне в руку после первого же требования. Он признал меня как своего хозяина, дал мне право распоряжаться собой так, как мне заблагорассудится, но в то же время оставил за собой право обернуться против меня, если я дам слабину. Что ж, меня это устраивало.

Судя по всему, трёхголовая химера была не последним боссом в армии оккультистов, хотя бы потому, что она, в отличие от других чудовищ, обладала разумом. Вполне вероятно, таких боссов прямо здесь, под стенами города, не одна штука, хотя вечером я не видел ни одного. Если их убить, вполне возможно служители Культа могут отступить на время или вовсе сбежать с поля боя. Вот только где их найти?

Я с трудом выпил сразу три зелья здоровья, надеясь, что им удастся справиться с кровопотерей. Чувствуя, как мыслям приходит ясность, а перед глазами перестают плавать серые круги, я влил в горло ещё и два зелья Злобы — её запасы были абсолютно истощены. Видимо, временный безлимит на Злобу после окончания своего действия истощал все мои силы. Тень окутала мою фигуру, но больше не слушалась меня, Плащ Теней стал обычным Плащом, немного повышающим мою скорость, выносливость и вероятность вернуться от атаки. Я стал обычным ассасином.

Сперва я огляделся. Атака одержимых выглядела именно так, как должна была выглядеть атака кучи сумасшедших — они сгрудились у стены и под градом стрел и колдовского огня с помощью химер пытались из трупов погибших соорудить что-то вроде вала. Получалось не очень хорошо, но всё же получалось — куча плохо горящих мёртвых тел

уже возвышалась до середины стены.

Если бы это было единственным способом ведения войны у Культа, у них не было бы ни шанса на победу. Но я видел, как один за другим защитники убивали себя, причём, стараясь при смерти свалиться за городскую стену, тем самым обеспечивая материал как для вала, так и для дальнейших атак. Около дюжины жрецов Корда ходили по стене, совершая какие-то ритуалы, но помочь успевали далеко не всем.

Поняв, что вне битвы я так ни в чём не разберусь, я трусцой припустил по стене. Кровотечение уже остановилось, яд почти вышел из тела, только изредка там или тут вспыхивали короткие болевые приступы, но их сила угасала. В бою я потерял маску (задолбали меня эти рвущиеся кожаные завязки) и один арбалет, но пока будет достаточно Меча.

Продравшись сквозь толпу обороняющихся — от меня отшатывались, если видели, но враждебных действий не предпринимали — я просто сиганул на вал, благо прыгать пришлось уже не больше чем на трёхметровую высоту.

Меч Тени впился в горло одного из одержимых, разрубил голову второго, но боевого задора в нём не ощущалось — эти души были слишком слабы. Получив несколько ожогов, я, мечась из стороны в сторону, чтобы не угодить под френдлифаер, прорубил себе дорогу к подножию вала. Там стояла особо крупная химера, занимающаяся тем, что закидывала попавшихся под длинную руку одержимых на стену замка. Те либо попадали в обороняющихся и валились с ними, либо с переломанными руками и ногами пытались ползти по стене к лучникам, чтобы помешать им вести огонь по валу. Долго не жили ни те, ни другие, но сил и времени на них тратили много, отвлекаясь от основной цели — не дать вырасти валу до уровня стены.

Я одним ударом снёс некро-химере одну из метательных конечностей, ещё несколькими подрубил короткие ноги, от чего она завалилась на бок. Я успел изрубить часть метателя в капусту прежде, чем одержимым поступил приказ задержать меня. Они навалились на меня толпой, но я достиг своей цели — вал перестал расти. Теперь ход за защитниками города.

Я срубил около дюжины сумасшедших прежде, чем им удалось зажать меня в кольцо. Женщины, старики, дети визжали и смеялись, неуклюже протягивая ко мне руки. Но ловкость и не была им нужна, они давили числом, не обращая внимания на потери. Я развешивал Метки, крутился юлой, то наступал, то отступал, стараясь пробить хоть какие-то бреши в их рядах, не давая кольцу сжаться, но долго это продолжаться не могло.

К счастью, защитники города тоже не сидели сложа руки. Стрелы и огонь лились на толпу безумцев. Этого было мало, но я надеялся, что у них есть хоть какой-то козырь.

И он был.

Городские ворота неожиданно распахнулись, и на дорогу высыпался конный клин. Это было около полусотни тяжеловооруженных конников с длинными копьями в руках и бастардами, прицепленными к поясам. Они буквально растоптали двух химер поменьше и врезались в толпу одержимых. Штурм должен был превратиться в избиение младенцев, но не всё так просто. Будь на месте одержимых обычное ополчение, они бы разбежались, потеряв всего несколько десятков человек, а кавалерия начала бы преследование убегающих, но одержимые просто принялись закладывать дорогу конницы трупами. Чего-чего, а уж пушечного мяса у них было достаточно — из полутра тысяч к этому моменту полегло не больше пятой части.

Но я успел вырваться из кольца, едва, правда, не угодив под кавалерийский удар.

Вглядевшись в ночной лес, я увидел их — улыбочатых, зрячих, нюхачей и слухачей. Всего их было около двух десятков, причём почти половина мелкие. То есть, фактически, это были дети, которых оккультисты превратили в своих. Во время штурма прошлого города погибло не меньше десятка служителей, что наверняка было большими потерями, так что в этот раз они решили руководить боем из укрытия. Их право, мне же будет легче.

Я быстро раскидал полдюжины меток и выпустил девять стрел — последние, что у меня остались. Все девять попали в свои цели, и у трёх служителей Культа появились дела поважнее, чем сводить с ума людей. Один мелкий даже умер. Через несколько секунд я оказался у леса и свалил одного помеченного.

Только в этот момент остальные начали понимать, что что-то не так — часть одержимых принялась разбегаться, а две из полдюжины оставшихся в боеспособном состоянии химер, наплевав на всё, устроились жрать. Я почувствовал, как оккультисты забеспокоились, как начали вести какой-то ментальный диалог. Я в этот момент вытаскивал запачканный кровью и мозгами клинок из головы пятой своей жертвы.

Меня заметили, когда я съёс голову шестому. Двое попробовали атаковать ментально, но комок не дал моему разуму угаснуть даже на долю секунды. И тогда оккультисты побежали, мне удалось догнать только одного из них.

Где-то в глубине леса зашевелилось нечто большое, злобное и могущественное.

«Мы сквитаемся, предатель», — пообещало оно мне.

«Договорились», — ответил я ему и понял, что меня услышали.

Я убрал меч Тени в «карман» и тяжело уселся прямо на снег. Мне хотелось помыться, чего-нибудь выпить и спать, спать, спать...

Я даже не помню, как меня погрузили на лошадь и отвезли в город. После мне сказали, что меня спутали с мёртвым героем из местных, иначе зарубили бы на месте. Ошибку осознали только утром, когда один из жрецов Корда собирался провести надо мной обряд по усопшему, но к тому времени все уже искали меня с чётким приказом привести к Старейшему.

Мне было плевать на то, что я ночевал в груди трупов, на то, что меня искали. Я просто спал до самого вечера.

Договор III

Мне чётко дали понять, что я нежеланный гость. Но и выгнать (или, что хуже, убить) меня не могли — некто Старейший отдал чёткий приказ меня не трогать и вообще всячески угождать. На вопросы кто это такой я обычно слышал что-то вроде «ну, просто Старейший, и всё». Я был уверен, что уже видел его, ночью на стене, именно с ним я разговаривал о возможном союзе. Может, и нет, но слишком уже тот человек в плаще привык командовать. Хотя Старейший не был ни конунгом, ни управляющим города... Кажется, он вообще никем не был, но при этом все без его разрешения и чихнуть боялись.

Я съел плотный ужин — простая овсяная каша, хлеб и кусок разваренной говядины — и вышел проветриться, так как гостей пока можно было не ждать: трактирщик сказал мне, что Старейший обычно решает дела ближе к ночи и всегда приходит сам.

Драконий Клык представлял собой груду деревянных и каменных построек (часто над каменными первым или вторым этажом надстраивали ещё один деревянный, видимо, места для новых построек не осталось, а народу в городе не убавлялось). Все дома были втиснуты в невеликие по периметру стены. Строились как попало, и ни одного прямого участка улицы длиной полсотни метров во всём городе найти было нельзя. Кроме того ландшафт порядочно повышался от северной границы к южной, так что улицы упорно позли вверх, к самому замку местного конунга. На самой вершине города стояли два больших здания — поместье конунга (по сути две башни, соединённые двухэтажной постройкой) и храм Корда, оба здания были обнесены дополнительной стеной.

Раньше в городе жило, наверное, тысячи две человек. Сейчас здесь ютились не меньше четырёх тысяч, и это с учётом того, что последние события порядком проредили местное население. Таверна, в которой я жил, была переполнена, но места в других тавернах, у родственников и друзей, а так же в храме Корда, всем, понятное дело, не хватало. Беженцы ютились в каких-то шалашах из палок и тряпок, жгли мусор, чтобы согреться. Женщины, дети и молодые парни с угрюмыми и озлобленными лицами. Несколько сот человек, которые понимали, что они, фактически, обречены на смерть от холода и голода. Но здесь у них был хотя бы шанс выжить. Любыми способами.

Парень лет тринадцать продавал своих сестёр в возрасте от десяти до двадцати лет. Когда я проходил мимо он принялся выкрикивать цены за одно использование или ночь, причём, он с пустыми глазами предлагал и свои услуги. Рядом с этим семейством стояла женщина лет тридцати, она торговала городскими крысами, и этот товар пользовался популярностью, хотя, казалось бы, деревенские должны были тащить с собой еду. Невдалеке толпились и шлюхи-старожилы недовольные наплывом дешёвых конкурентов, но деваться им было некуда.

Я прошёл около квартала, но подавленный увиденным решил вернуться. В таверне у меня была отдельная коморка, куда я заказал ужин. В полном перечне услуг оказалась ещё и бадья с горячей водой, так что я взял и её — последний раз я мылся ещё за пару дней до отплытия сюда. За всё я заплатил монетой, заслужив первый радостный взгляд от трактирщика: он нёс убытки, содержа беженцев, и плата за мытьё хоть как-то покрывала его расходы. После той нищеты, увиденной на улице, было неудобно так шиковать, но мне хотелось смыть трупный запах, впитавшийся в мою кожу. Это не был запах разложения,

трупы при минусовой температуре не разлагаются, но буквально каждую пору моего тела пропитал запах смерти.

За мытьём меня и застал Старейший. Как я и думал, это был тот человек в бесформенном плаще. Войдя в мою комнату, он на секунду остановился, вроде бы пожал плечами (вроде бы потому что из-за плаща было не понятно, что он на самом деле сделал) и медленно сказал:

— Я подожду. — Голос Старейшего был необычайно молодым. Он уселся на край лежака — дальше пройти мешала бадья.

— Я уже закончил, — быстро ответил я и выпрыгнул из воды.

Слуги убрали бадью и притащили небольшой столик, на который симпатичная служанка приволокла целый ворох закусок и кувшин с пивом. Всё это время мой гость сидел на лежаке, а я в одних нижних штанах ютился на трёхногой табуретке.

— Принеси нашему гостю нормальный стул и оставь нас, — сказал Старейший, когда служанка поставила на стол последнюю тарелку со строганной вяленой олениной.

Я уже поел, причём, во второй раз последние часа полтора, но сразу же запустил руку в тарелку с копчёной рыбой. А, пересев в глубокое плетёное кресло, взялся за пиво, налив сначала гостю.

— Я обычно не пью, но с тобой, пожалуй, глоточек выпью, — сказал Старейший. — Но сначала мне нужно раздеться, мне очень неудобно ходить в плаще. Надеюсь, мой внешний вид тебя не шокирует.

Старейший лукавил. Именно шокировать он меня и собирался, но на моём лице не дрогнул ни мускул.

Не одни оккультисты ставят эксперименты над людьми. Под плащом Старейшего скрывалось толстое тело с большой женской грудью, при этом лицо самого Старейшего было худым и молодым. Но старейший пришёл не один, если можно так выразиться, просто его сямский близнец пока что спал. Хотя называть торчащего из области правой ключицы ребёнка лет трёх близнецом Старейшего было нельзя, слишком велика разница в возрасте, да и лицо не слишком-то похоже. К тому же, ребёнок явно был приделан к телу носителя искусственно — я видел большой шрам, связывающий поясницу ребёнка и тело Старейшего.

— Мои родители были странными людьми, — сказал Старейший. — Но очень любили своих детей. Мы гуляли втроём по лесу, когда на нас напал шатун. То, что ты видишь — всё, что удалось сохранить от нас. Сестра погибла, но части её тела позволили выжить нам двоим, хоть и в несколько своеобразном виде. Ты их осуждаешь за это?

Я покачал головой, не зная, что сказать.

— Это хорошо, иначе мне бы пришлось тебя убить, и Клинок Тени тебе бы не помог, будь уверен.

— Не говори это моему мечу, — сказал я, усмехнувшись.

— Мечу? — удивлённо переспросил Старейший. — Меч Ложной Тени был утерян больше тысячи лет назад, и это был полноценный бастард, а твой ножичек на меч явно не тянет.

Я, недоумевая, вытащил из «кармана» Меч Тени. Ему не нравилось то, что его беспокоят просто так, он сразу же захотел выпить жизнь моего гостя, но, повинаясь одному моему приказу, Меч притих.

— Вот.

Старейший вздрогнул, но видя, что меч своевольничать не собирается, осмотрел его,

стараясь всё-таки держаться от клинка подальше.

— Ну, а я что говорю? Какой же это меч, это обычный тесак, хотя работа хорошая. Твоё оружие называется «Клинок Тени». Я понимаю, если женщина или маленький ребёнок перепутают меч с тесаком: для них всё, что длиннее ножа — меч, но тебе не нужно было вводить меня в заблуждение.

Я постарался не краснеть и убрал Клинок Тени в «карман».

— Что ж, думаю, нам пора перейти к делу, — проговорил Старейший, делая крохотный глоток из кружки. — Ты оказал нам неоценимую услугу, убив одного из высокопоставленных оккультистов и разогнав других, но уже сегодня после полудня одержимые начали стягиваться к городским стенам. Думаю, до следующего штурма у нас есть три или четыре дня. Некоторые одержимые за это время, конечно, умрут, но гасповским прихвостням ничто не мешает привести новых, так что нам нужно торопиться. Ты говорил, что ты гонец и предлагал союз, а значит, на севере сохранилась какая-то группировка пришлых. Сколько вы можете выставить людей? И на каких условиях поможете нам? Скажу сразу — слишком много не просите, у нас вполне хватает сил, чтобы продержаться за стенами пару недель, а там уже угроза взятия стен будет снижаться с каждым днём.

— Для этого вы и решили провести тактику выжженной земли? — догадался я. — Чтобы ни один одержимый не пережил зиму?

— Именно, — сухо сказал Старейший, — но, кажется, мы говорили о союзе?

— Нам нужно место, чтобы перезимовать. Припасов, оружия и прочего у нас достаточно, но у нас совершенно нет крыши над головой. А мы поможем вас справиться со слугителями Культа и будем охранять вас всю зиму.

Лицо моего собеседника скривилось.

— Ты не представляешь, сколько раз я уже это слышал. Мы пришли, чтобы помочь. Мы обеспечим охрану. Деньги на стол и ты забудешь, что такое опасность. В последний раз я слышал это от похожего на тебя пришлого. Он тоже был уверен, что делает и нам, и себе благо, и он тоже мне не нравился. Этот пришлый говорил о нашей безопасности, а его друзья в этот момент насильовали ту милую девушку, что принесла нам пиво. Знаешь, что я с ним сделал? — Старейший воздел над головой руки. То, что я до этого принимал за жир, оказалось мышцами. — Я раздавил ему голову вот этими руками, а мой брат вгрызся ему в горло и высосал из него остатки жизни.

— Не стоит меня запугивать, — холодно проговорил я. — И не нужно говорить, что вы справитесь. Я был на стене вчера ночью, и если бы трёхголовая химера убила тебя, стены бы пали. Вы и без химеры-то почти проиграли.

— Откуда ты знаешь? У меня есть пара козырей за пазухой.

— Знаю, потому что сижу перед тобой живой и здоровый, а не валяюсь в отвале с другими трупами.

Старейший вздохнул и слабо улыбнулся.

— Да, не поспоришь. Но пойми меня, мы с таким трудом перебили или изгнали прошлую вашу партию, что люди не захотят видеть вас в городе. Заметь, в и без того переполненном беженцами городе. У меня шестьсот человек умирают на улице, а ты предлагаешь разместить здесь ещё как минимум сотню человек?

— Несколько меньше.

— Пусть даже так. Конечно, кто-то погибнет в бою. Уверен, много кто погибнет, особенно из трёх сотен ополчения, что мы собрали. Но всё равно остаётся слишком много

народа на улице, а зима не за горами. Что ж, пусть я разрешу вам жить за стенами города, пусть вы действительно будете помогать нам всю зиму. Здесь встаёт второй вопрос. С каждого, кого я впустил в город, мы брали определённую долю припасов. Не денег, а именно припасов: деньгами я беженцев прокормить не смогу, из монет не сварить супа для голодающей семьи. Внесёте ли вы свою долю, чтобы жить за стеной? Думаю, нет, потому что ты сейчас скажешь, что за вашу помощь мы ещё и кормить вас должны, хотя только что говорил о том, что припасы у вас есть. Ваши зелья и оружие — не то, что нужно городу. Городу нужна лишняя еда, а ты предлагаешь кормить мне лишнюю сотню человек. А у нас еды столько, что до конца зимы хватит только трём тысячам человек, да и то придётся подтянуть пояса. В городе же сейчас три тысячи восемьсот шестьдесят три человека. Я на полном серьёзе раздумываю на том, чтобы уже начинать через жрецов Корда говорить о том, что одержимые — уже не люди, что их сущность извращена, и запрет на каннибализм на них не действует. В этом случае у меня будет ещё несколько сотен туш мороженого мяса. К весне их начнут выкапывать все, но, понимаешь, я не хочу доводить дело до голодных бунтов и воровства даже таких припасов.

— У нас есть припасы, — упрямо повторил я и тут же прикусил язык.

Очнувшись, я прочитал вчерашнее сообщение от Корума о том, что клан уже выдвинулся в дорогу. Что им поставили ультиматум, предложив или убраться по добру по здорову сейчас, и тогда им по старой дружбе дадут драккары для переезда, или ждать, пока к замку не подойдёт Хегле с Песцами, и тогда разговор будет совсем другой. Последней фразой была: «Выдвигаемся налегке, будем через четыре дня».

— Нет у вас припасов? — горько усмехнулся Старейший. Его брат тем временем зашевелился. Что-то пробормотав, он принялся ковыряться в одежде старшего брата. Через несколько секунд он освободил большую отвисшую и дряблую левую грудь Старейшего и принялся её сосать. Я старался не смотреть на это, иначе не выказывать отвращение у меня не вышло бы.

— Нет, — согласился я после долгой паузы.

Мой собеседник тяжело вздохнул.

— К сожалению, мы действительно находимся в тяжёлом положении, — сказал он. — У меня... то есть у конунга Уле сейчас полсотни тяжёлой конницы, восемь десятков обученной пехоты и почти две с половиной сотни ополчения, которые только и могут, что из луков стрелять. Против нас несколько десятков оккультистов, два их полубога и тысячи одержимых. Весной мы бы с ними справились. Сейчас — нет. Потому я не имею права отказываться от союза. Так что я выслушаю твоё предложение и начну торг.

Я мысленно перевёл дыхание. От союза никто не отказывается. Но и я сам в некотором роде в патовом положении: помочь местным, но обречь клан на голодную смерть зимой я не могу, не помочь — тоже, потому что это верная смерть.

Но у нас всё-таки есть ряд преимуществ. У нас есть деньги, каждый из нас — боевая единица, в конце концов, многие смогут охотиться даже зимой.

— Нам нужно место для зимовки, — сказал я. — И даже будет лучше, если оно окажется вне стен города — я заметил косые взгляды со стороны твоих... со стороны людей конунга Уле. И нам нужны припасы до весны. Скажем, на полсотни человек. На этих условиях мы согласны снять с города осаду и помогать в боевых действиях зимой. Весной мы уйдём.

— Я могу дать припасы на три десятка человек. Место... место мы покажем. На

восточном склоне горы есть крепость, принадлежащая конунгу, мы её освободим для вас. Сотню человек во внутренних помещениях разместить можно, дров там достаточно. В крайнем случае, мы хотели забрать оттуда сторожевой отряд и сжечь там всё, что горит, но теперь мы делать этого не будем. Как тебе такой расклад?

— Припасы на сорок человек.

— Тридцать пять.

Я тяжело вздохнул. Вполне возможно, что после битвы от клана не останется и тридцати пяти человек.

— Пойдёт.

Руки здесь не жали, так что Старейший просто похлопал своего брата по спине и сказал прекращать трапезу. Уродец оторвался от груди и уставился на меня. Лицо у него было постариковски сморщенным.

— Он мне не нравится, — пропищал он.

— Здесь никто никому не нравится, — ответил Старейший, — но у нас нет другого выбора. Я прикажу принести ещё пива, а завтра тебя ждёт конунг.

— До завтра, — кивнул я.

Старейший надел свой плащ и ушёл, я же быстро настрочил послание Коруму. Ответ пришёл быстро. Писал, кажется, Репей.

«Из хороших крыс получают хреновые дипломаты, но лучшего предложения нам не поступало. Амулеты действуют».

Что ж, хоть нам этом спасибо.

Пришла служанка. Узнав, что её изнасиловали игроки, я чувствовал себя при ней не уютно. Но сделать уже ничего нельзя. Да и не извиняться же за чужие грехи.

— Мы вас спасём, — сказал я, когда она уже уходила.

Служанка вздрогнула и, не сказав ни слова, ушла, хлопнув дверью. Вот она, кажется, меня за чужие грехи винила.

Зимовать подальше от горожан было хорошей идеей.

Я стоял на стене, угрюмо наблюдая за тем, как служители Культа подгоняют к городу очередную порцию одержимых. По моим оценкам здесь собралось уже не меньше восьми сотен сумасшедших и, наверное, ещё столько же оставалось в лесах. Мне, привыкшему к небольшим деревенькам на севере, эта прорва народу представлялась сплошным человеческим морем. А если закрыть глаза и только слушать, то начинало казаться, что одержимых как минимум в три раза больше.

Сплюнув в сторону армии противника, я принялся спускаться со стены. Через час меня ждёт конунг вместе со Старейшим, нам нужно будет разработать совместный план действий. До крепости идти не больше получаса, но лучше не опаздывать.

При солнечном свете городские улицы, переполненные беженцами, выглядели ещё хуже, чем вечером. По дороге я наткнулся на двух умерших стариков, присыпанных свежим снегом. Родственники усопших ругались с двумя городскими стражниками, решая, кто будет убирать трупы. У стражников была другая работа, а беженцы не желали сниматься с насиженного места, справедливо полагая, что за время их отсутствия укрытие — палатку из плотной ткани, поставленную на крошащиеся кирпичи — займёт кто-то другой.

Мрак.

Что хуже — бродить по вымершим северным землям или здесь, среди людей, единственная цель которых — прожить ещё хотя бы день? Кто-то из игроков говорил при мне фразу «Сдохни ты сегодня, а я — завтра», описывая кроткий нрав жителей какой-то деревеньки, куда он с пати забрёл ещё до объединения с кланом Серверной Рати. Сейчас этот закон повторялся в куда большем масштабе.

Но никого даже нельзя винить. Люди, не желающие уносить своих стариков в отвал для трупов, заботятся о собственных детях, которые в этот момент испуганно жмутся друг к другу на толстом слое соломы в палатке. Дети не понимают, что происходит, что случилось с их бабушкой, зачем взрослые притащили их в это негостеприимное место, зачем они сожгли такой приличный и уютный дом. Если погибнут эти дети, погибнет будущее. Можно нарожать других детей? Скажите это их родителям.

Я подошёл к стражникам и протянул им две последних серебряных монеты.

— Уберите их, пожалуйста.

Деньги решали многие проблемы, эту в том числе. Один из взрослых, ругающихся со стражниками, признав во мне пришлого, плюнул мне в след. Я не обратил на это внимания. Не для него старался.

Я выбрался из своеобразных трущоб, занимающих три квартала в длину и обхватывающих нижнюю часть городской стены. Пошли дома побогаче, построенные целиком из камня, улицы расширились. Здесь беженцев уже не было. Интересно, когда Старейший вчера говорил о том, что им не хватает еды, распространялось ли это на жителей верхней части города? Чёрт его знает. Люди — лицемеры, и я ничуть не лучше.

Мне дорогу перегородила стайка молодых парней. Они вели себя очень агрессивно, один напрямую предложил мне убраться, заявив, что плевал он на приказы Старейшего.

— Скажи ему это в лицо, — ответил я, кивая ему за спину.

Парень побледнел, но, обернувшись, понял, что никакого Старейшего рядом нет.

Остальные тоже заозирались. Именно этого я и добивался.

— Ах ты ублюдок! — заорал он. — Я тебе...

Я ушёл в тень и продолжил свою дорогу, больше не обращая на агрессивно настроенную молодёжь никакого внимания. У парней нет причин ненавидеть лично меня, но есть причины ненавидеть игроков в целом. Вот в чём загвоздка.

Это поколение тоже отравлено. Тьмой, пролившейся на эту землю. Тёмными воспоминаниями, которые останутся от тёмных времён. Счастливо жить смогут лишь те, кого не затронули бедствия, или те, кто их не запомнит. Рассказы очевидцев, призывающих к ненависти, одно, быть очевидцем — совершенно другое.

Под Скрытностью идти было куда спокойней. Я инстинктивно уворачивался от редких прохожих, но всё моё внимание было отвлечено на размышления. Простые, в общем-то, мысли, которые пришли мне в голову только сейчас.

Мы здесь чужие. Несколько десятков тысяч человек, за короткий срок свалившиеся на голову здешним обитателям, в местных масштабах вызвали настоящую гуманитарную катастрофу. Мы нежеланные гости, которые были призваны кем-то, чтобы решить определённую задачу — убить главного босса. Чтобы решить эту задачу, нам нужно было выполнить кучу куда более мелких насущных задач. Прокачаться. Набрать оружия. Припасов. Всё это мы могли сделать только за счёт местных.

Как бы я отнёсся к чужаку, ввалившемуся в мой дом и потребовавшему, чтобы я отдал ему свою одежду, еду, деньги, да ещё и одолжил собаку, чтобы потренироваться на ней наносить смертельные удары. При этом деться от незнакомца мне некуда. Поначалу я согласился, дал еды и денег, но вместо собаки предложил ему потренироваться на гопниках из соседнего подъезда, надеясь, что незнакомец не вернётся. Но тут пришёл ещё один незнакомец, за ним другой... Еда и деньги у меня закончились. Но, что самое страшное, начали кончаться гопники, а часть незнакомцев уцелела и теперь снова требует мою собаку. Я отдаю собаку, но этого уже слишком мало, и незнакомцы говорят, что теперь они убьют меня. Что мне остаётся? Конечно, собраться с соседями и дать им отпор. Нам это удалось, незнакомцы либо повержены, либо разбежались, но тут появляются обиженные гопники, вернее их остатки. Им сильно не понравилось то, что мы обидели их чужими руками, они жаждут мести. У нас начинается вполне привычное противостояние, пусть и куда более горячее, чем обычно. Но тут опять появляются незнакомцы, только уже из другой партии. Они говорят, что они хорошие и добрые и помогут нам справиться с гопниками. Но мы уже это слышали.

Теперь нужно представить, что нас, местных, не так уж и много, и большая часть о незнакомцах ничего не знает. Это делает катастрофу страшнее вдвойне или втройне.

Но, что самое страшное, я понимаю, что незнакомцам просто нет места в этом мире. Они совершенно лишние. Пускай выполняют свою задачу, но подальше от меня. Я хочу жить спокойно. И я понимаю, что, возможно, те, что выполняют свою основную задачу, уйдут, да и то не факт. А те, что сидят у меня у порога? Что тогда мне остаётся делать с этими жадными, прожорливыми, наглыми и опасными людьми?

Я остановился у какого-то дома и опёрся на стену. Мне было страшно. Было плохо. Я чувствовал, как меня захлёстывает отчаянье.

Нам ни в коем случае нельзя оставаться здесь на зиму. Мы и без того слишком отстали. Что сейчас происходит в центральных, куда более тёплых, частях материка?

Но как мы будем продолжать дорогу практически без припасов и денег посреди зимы?

Никак. Поэтому за город придётся бороться. К тому же, вполне возможно, что именно Драконий Клык станет одним из оплотов порядка в этой части материка, а куда лучше за своей спиной иметь спокойные земли. Потому что на крайний случай всё-таки придётся сюда отступить и как-то зимовать.

Немного придя в себя, я понял, что меня видят. Всё-таки редкостное дерьмо эта обычная Скрытность. Оглядевшись, я увидел двух девушек, непрерывно за мной следящих. Поняв, что я их заметил, одна махнула мне рукой, призывая следовать за собой. Я подчинился.

Мы вышли на центральную улицу города. Направлялись мы туда же, куда я, собственно, и собирался попасть — к замку. Но, как оказалось, не совсем. Потому что рядом с замком был ещё и храм Корда. Причём, я, кажется, был здесь нежеланным гостем — одна из девушек жестами дала мне понять, чтобы я вёл себя как можно тише и незаметней.

Это здорово походило на ловушку. Нежелательный элемент дерётся с местной золотой молодёжью, а потом начисто исчезает. Но я был в себе уверен. В случае чего пройду по трупам этих засранцев, стражников, жрецов, кого угодно, кто попытается мне помешать, выйду из города и пойду навстречу клану — черепа помогут нам пересечь эти проклятые земли, а уже дальше, возможно, мы найдём место, где можно перезимовать.

Храм представлял собой настоящую крепость — практически никаких украшений, узкие бойницы вместо окон, да и сама конструкция напоминала мощную приземистую башню с окружённым высокой стеной задним двором. Внутри напротив входа располагался большой зал с алтарём в центре, а по стенам вились лестницы, ведущие в кельи жрецов и жриц. На виду в храме не было ни души. Меня быстро отвели по лестнице в одну из келий, где и оставили в одиночестве.

Возможно, если я потерял веру в людей, мне нужно обратиться к богу? Ну уж на хрен. Тем более, это абсолютно бесполезно.

У меня оставалось ещё около получаса до встречи с конунгом. Если кто-нибудь быстро со мной не поговорит, придётся так же тихо отсюда слинять. Но долго ждать меня не заставили.

Старик, вошедший в келью, явно был в храме не последним человеком. Коротко остриженный, высокий, с холодными серыми глазами, он навис надо мной, как коршун, но лишь на миг — запугивать меня никто не собирался. Жрец уселся рядом со мной и неожиданно неуверенным голосом проговорил:

— Мне сказали, что ты здесь, покажись.

Вот тебе и главный местный слуга главного божества.

Я сбросил Скрытность. Жрец вздрогнул, но быстро взял себя в руки, его взгляд вновь обратился в сталь.

— Я вызвал тебя не просто так, игрок.

— Я догадался.

— Моё имя — Эрвир, я главный жрец Корда в Драконьем Клыке. Как мне называть тебя?

Вот так вопрос, Старейшего моё имя (ну, или прозвище) не слишком-то заинтересовало.

— Игрок сойдёт.

— Просто Игрок? По моим источникам через пару дней вас здесь будет больше трёх сотен, и как же мне тогда отличать тебя от других?

— Зови меня Доктор.

— Опять какое-то жалкое прозвище, — немного раздражённо проговорил Эрвир, — но уже лучше. Я знаю, что ты идёшь к конунгу Оле, и что ты торопишься, поэтому перейду сразу к делу. Что тебе предложил этот урод за защиту нашего любимого города? Дай догадаюсь — горсть монет, немного еды и какое-нибудь далёкое укрытие за пределами городских стен. Я прав?

— В целом, да.

Старик фыркнул.

— Этот ведьмовской выродок всегда отличался скупостью. Послушай меня, Доктор, я, Эрвир — глава храма Корда, и я клянусь своим богом, что ты не услышишь от меня ни одного лживого слова.

Старейший — гнойник на теле не только нашего славного города, но и всех этих земель. Нечеловеческий эксперимент собственных родителей, он был отравлен их злобой и сейчас только и занимается тем, что продолжает творить зло. Знаешь ли ты, что именно он приказал убивать твоих предшественников и многих убил сам? При этом все последние годы он заигрывал с Культом, стараясь уничтожить всю власть почитателей Корда. Его мать — мерзкая ведьма, а отец по молодости якшался с Крылатым Зоггом. Именно из-за него сейчас наш город осаждают эти нелюди.

Он попирает власть Корда. Своим существованием он оскверняет эту землю.

Я обращаюсь к тебе потому, что вижу твою приверженность делу Света. Ты в одиночку убил Крылатого Зогга и ты обещал привести армию для защиты города...

Что бы я делал, если бы мой сосед имел что-нибудь такое, что я хочу иметь? Власть особенно. Натравил бы незнакомцев на соседа и пообещал им награду? Просто так они моего соседа ведь не убили бы.

— Что ты мне предлагаешь в обмен на то, что этот... выродок... умрёт во время боя с Одержимыми?

Эрвир, уже опять отвлекшийся на рассказ о том, какой Старейший плохой человек, замолчал и заулыбался.

— Ты не только отличный воин Света, но и умный человек. Я обещаю, что, в случае смерти Старейшего, после победы над Культом твоя армия станет личной армией конунга Оле. Вы будете кататься как сыр в масле.

Или плавать как кусок мяса в реке, наполненной плотоядными пираньями, не говоря уже о том, что зимовка в городе в мои планы не входит. Интересно, почему жрец не учитывает мнение старой гвардии конунга и, что самое главное, самого конунга?

— Я подумаю, — сказал я. — И донесу твоё предложение до своего командира, человека, определённо, светлого и доблестного. А пока мне нужно идти к конунгу, чтобы не вызвать подозрений.

Я исчез, в очередной раз заставив растеряться жреца. Всё-таки понятно, почему он в городе играет вторые роли — местные ценят силу, а её у Эрвира не хватало. Да и действовал дедок как-то топорно. Хотя, какие у него ещё были варианты?

Я не опоздал. Стоило мне войти в «тронный» зал, как я понял, почему мнение самого конунга никто не спрашивал — мальчишке едва исполнилось шесть. Он буквально тонул в обитом замшей кресле. Рядом с ним стояла нянька, постоянно утирающая сопливый нос, а сам вседержитель куда больше интересовался банкой с засахаренными фруктами, чем политикой.

— Я знаю, что много сладкого ему нельзя, но по-другому заставить его сидеть на

переговорах нельзя, — сказал мне Старейший вместо приветствия.

— Хочу сладкого мороженого молока! — закапризничал Оле.

— Ты и так заболел, — резко произнёс Старейший, и уже мягче добавил: — Как только сопли пройдут, я сделаю тебе фруктового замороженного молока. Ладно, — обратился он к няньке, — наш союзник представлен конунгу, веди его играть в лошадки.

Конунг покинул зал, напоследок показав Старейшему язык.

— Мальчику пришлось несладко, — сказал «слуга зла», — его отца убили на его глазах.

— Дай угадаю, другие игроки? — мрачно спросил я.

— Нет. Кузен. Но он заручился поддержкой игроков. Кстати, его родной брат у нас главный в храме.

— Ясненько.

— Что ж, давай начнём планировать операцию по снятию осады с замка. Начнём завтра вечером. У тебя с собой та волшебная бумажка?

Что бы я сделал, если бы сосед попытался натравить незнакомцев на меня? Чёрт знает. Ведь я не могу судить со стороны хозяина, я сам незнакомец. И я чувствую себя пешкой в местных играх. И мной, как и пешкой, очень легко пожертвовать. Я потерян, не знаю, кому верить, но я хочу, чтобы другие пешки, мои соратники, выжили.

Как это сделать?

Смерть V

Солнце медленно клонилось к горизонту, от чего фигуры кавалеристов с поднятыми копьями отбрасывали неправдоподобно огромные тени. Полсотни конницы, построены в два ряда, тянулись метров на сто пятьдесят в глубину города, уже середина отряда терялась за поворотом улицы, из-за этого казалось, что войско тянется до самого замка и имеет куда большую численность.

К сожалению, у Оле было всего пятьдесят всадников, а иллюзия посетила только меня, ни разу не видевшего настоящую конницу. Сейчас эти полсотни человек должны были рискнуть жизнью, чтобы я мог выбраться из города незамеченным послушниками. Без подробных рекомендаций Старейшего по поводу снятия осады решили не драться, а на небольшой пергамент так много текста не влезло бы.

Второй целью атаки была отсрочка нападения. Мы со Старейшим рассудили, что чем больше времени у оккультистов займёт набор критической массы одержимых, тем позднее они начнут штурм. Было одно большое «но»: если из леса появится нечто, назвавшее меня предателем, штурм начнётся незамедлительно, и вполне могло случиться так, что это произойдёт ровно в момент атаки конницы, и всю её перебьют за стеной. А без неё у города практически нет шансов выжить.

Впрочем, сами кавалеристы не слишком-то переживали. Они подшучивали друг над другом, спорили, кто сколько убьёт одержимых. Они привыкли, что любая пехота становится смазкой для их копий, что от первого же удара те, что не погибли, бросаются бежать, а те, что умерли, втаптываются в грязь. Позавчерашнего урока им, кажется, не хватило. Или, быть может, они просто бахвалились друг перед другом.

По команде Старейшего, маячившего рядом в своём огромном бесформенном плаще, ворота начали открываться. Конные сорвались с места.

Я дождался, пока за воротами исчезнет последний конский хвост, и выскользнул уже через закрывающиеся створки.

Атака конницы выглядела красиво. Первые ряды шли прямо, снося всё на своём пути — некрупную химеру втоптали в землю, разогнали десятка два одержимых. Потом строй немного изменился, вместо двух колон образовались две косых шеренги, стремительно несущиеся вниз по склону. Это было прекрасное и смертоносное зрелище, больше похожее на сход лавины.

Но в этот раз оккультисты подготовились к нападению. Из леса выскользнули три крупные некро-химеры, а за ними бесформенной толпой повалили одержимые — три или четыре сотни, и это не считая тех, кто сейчас собирался на склоне, охватывая конницу со всех сторон. Одна из химер с неожиданной прытью атаковала правый фланг конной шеренги и своими длинными лапами вырвала одного из всадников из седла, а коня повалила на землю. Две другие разорвали шеренги посередине. Но, подчиняясь командам командира, кавалеристы на свободном ещё месте перестроились в клин и врезались в толпу одержимых.

Дальнейшие боевые действия я не видел, не было времени. Я несся по лесу к условленному месту встречи, параллельно пытаюсь выследить, где же засели сами служители Культа.

Лес будто вымер, и дело вовсе не в оккультистах. Нечто, выползшее из своего укрытия, буквально отравляло саму атмосферу, распугивая всё живое. Мне бы тоже следовало напугаться, но я не мог себе этого позволить.

Служители Культа засели в трёх местах, и на этот раз их было куда больше, чем два десятка. Центральный отряд располагался прямо рядом с дорогой, в зарослях кустов. Только в нём я насчитал восемнадцать ублюдков. Видимо, это те, что руководили одержимыми. Другое «лежбище» было в нескольких сотнях шагов восточней, как раз там, откуда выбежали химеры. Здесь число оккультистов определить было сложнее, но, думаю, не меньше полудюжины. А вот третье, то, что западней, засело глубоко в лесу, чуть ли не в километре северней центрального. И оно мне понравилось меньше всех. Всего четыре оккультиста, но все крупные, ни одного ребёнка.

Я хотел навесить на них метки, но решил, что так меня могут вычислить. Конечно, у Старейшего остался пергамент, чтобы в случае отсутствия новостей от меня он мог отдать приказ к атаке, но всё же лучше мне добраться до своих живым и без боя.

Два с половиной километра я преодолел минут за двадцать, быстрее в сгущающихся сумерках по лесу двигаться не представлялось возможности. Здесь, в глубоком овраге, меня должен дожидаться клан. Если, конечно, всё нормально.

Оказалось, что всё нормально. Вот только на то, что осталось от Серверной Рати, больно было смотреть.

Сорок два человека, как минимум пятеро ранено так тяжело, что в битве на них рассчитывать не приходилось. Блицкриг по материку дался не просто. Не говоря уже о том, что моим соклановцам приготовили тёплый приём.

— Человек десять, как мне думается, перебежало к Песцам, — рассказывал Корум, баюкая на коленях сломанную левую руку. — По крайней мере, исчезли они организованно и бесследно, ещё дня четыре назад, как раз незадолго до нашего выхода. Здесь нас сначала встретила парочка твоих знакомых, но крысиные черепа помогли. Ну и тогда на нас натравили этих чёртовых химер. Последствия на лицо.

— Я бы сказал на лицо, — прошипел Репей, трогая едва-едва сросшуюся левую ноздрю. — Всё-таки крысиные черепа — не панацея, на очень близком расстоянии не слишком-то они и помогают. Но без них мы бы там полклана оставили. И я в жизни больше

не буду в носу ковырять.

— Зато мы свалили с десятков химер, — твёрдо сказал Корум. — Как я понимаю, неплохой результат.

— Ну вот и объяснение, почему у города их так мало, — кивнул я. — Но нам нужно торопиться — трупов у стен накопилось достаточно, и уже завтра вечером химер будет столько, что и на нас, и на город хватит с головой.

Я рассказал обстановку в городе и за его стенами. Выходило, что атака завтра перед рассветом — лучший вариант. Но мы вполне обосновано опасались, что стены эту ночь могут не выдержать, тем более, Репей рассказал о полутора десятках химер, движущихся от Чёрного Клыка к Драконьему. Оккультисты тоже не сидели, сложа руки.

— Кость срастётся часа через полтора, — проговорил Корум. — Тогда и нападём. А ты пока к Тёме сходи, я прям отсюда вижу, как она тебя глазами ест.

Если честно, я не слишком-то хотел разговаривать с Тёмной Матерью прямо сейчас. Совесть, проспавшая все последние дни, снова грызла меня не хуже стаи крыс. Но выбора как будто не было.

Тёмная Мать сразу отвела меня подальше от остальных. Изуродованную половину её лица закрывала аккуратная повязка.

— У меня даже зрение восстанавливается, — говорила магичка, утягивая меня к ручью из-за которого, собственно, овраг и образовался. Но что-то в её тоне не давало мне покоя. Она была как будто зла на меня.

— Вот так, — сказала Тёмная Мать, наконец, остановившись. — Нам нужно поговорить.

Я забеспокоился ещё сильнее.

— Я тебя слушаю.

Магичка перевела дыхание.

— Я всё понимаю, — медленно, стараясь скрыть злость, проговорила она. — Что я теперь не такая уж красавица. Но к весне я стану такой же, как и была. И я требую, — её голос сорвался, — чтобы больше твои измены не повторялись. Особенно... с этими! — Магичка сняла со спины свой рюкзак. — Потому что я это терпеть не намерена. Я всё понимаю, у них ни души, ни разума, это вроде как секс-игрушка. Но мне неприятно думать о том, что ты предпочёл мне игрушку. Поэтому я её сломала.

Уже совершенно не скрывая своей злости, Тёмная Мать швырнула мне к ногам свёрток. Я уже видел такие, знал, что внутри.

Но не мог поверить.

Как во сне я развернул тряпки.

Полуоткрытый рот с замёрзшей слюной, спутанные от крови волосы, белки закатившихся глаз белеют из-под полузакрытых век.

— Что ты сделала? — прошептал я. — Что ты сделала? Зачем? Она же была живой. Как ты. Как я. Она совсем не игрушка.

— А кто же? — взвизгнула Тёма. — Игрушка! Моб! Кукла!

— Мы не в игре. Уже давным-давно не в игре. Это — реальная жизнь, неужели ты не понимаешь?

— Нет! Нет-нет-нет! — Тёмная Мать зажала уши ладонями и замотала головой. — Не может быть! Так не бывает! В жизни так не происходит! В жизни не убивают твоих друзей и знакомых! В жизни не режут детей на части, чтобы сделать себе новое тело! В жизни нет

таких чудовищ! Нет мобов! Нет статгов! Нет магических способностей! И кукол таких нет! А у тебя больше и не будет. Я не потерплю.

— Пошла вон, — тихо проговорил я. — Больше я не желаю тебя видеть.

Это шокировало Тёмную Мать. Шокировало и разозлило ещё больше. Она стояла напротив меня с широко раскрытыми от удивления глазами, её руки безвольно повисли. Магичка понимала, что я не шучу, что всё кончено.

— Ты сумасшедший? — спросила она. — Ты променял меня на моба? Это же кукла! Кукла! Я живая! А она — нет!

— Если ты немедленно не уйдёшь, ты станешь такой же мёртвой, как и она. Я повторяю в последний раз — не попадайся мне больше на глаза.

Она ушла, пылая от негодования, но всё же подавленная. Не потому что она считала, что сделала что-то плохое, а потому что испугалась меня. Для неё это было так же, как удалить у своего парня любимую игру с компьютера, потому что он слишком много времени проводил за ней. Она так делала в другом мире. Рассказывала мне, хвасталась, какая она гордая и как не терпит компромиссов. Или она, или игра.

Трясущимися руками я как мог осторожно завернул голову Топлюши в тряпки и похоронил рядом с ручьём. Ей должно понравиться около воды.

Пусть мир не погибнет из-за моих проступков. Но за всё нужно платить. Плохо, когда платишь ты, ещё хуже, когда это делают любимые. Я стоял над могилой Топлюши и смотрел в пустоту, что была внутри меня.

Но эта пустота быстро заполниться. И я знаю — чем.

Я не плакал, не было смысла, да и не хотелось. Я просто знал, что вместе с Топлюшей сегодня была похоронена большая часть меня.

Я вернулся к остальным через час, когда все уже почти приготовились к атаке. Ко мне с большими глазами прибежал Алексей. Он зачем-то измазал лицо мелом, из-за этого его уродливые шрамы выглядели ещё хуже.

— Ты как? — спросил он. — Мне тут Тёма...

— Я не в порядке, — ответил я, прерывая друида. — Но драться смогу.

И даже лучше, чем всегда. Потому что я был очень зол.

«Мы еле держимся» — такое сообщение пришло нам от Старейшего час спустя. Впрочем, мы и так уже почти были готовы к походу.

Мы разбились на два неравных отряда. Первый, в который входил, фактически, весь клан, под командованием самого Корума должен был заняться одержимыми и химерами. Мы же с Репьём и ещё тремя воинами собирались проредить ряды оккультистов. Раненых пришлось оставить в овраге, где им ничего не грозило. Ну, не должно было грозить.

Первый отряд ломанулся вперёд по дороге, создавая как можно больше шума. Мы следовали в пяти минутах ходьбы за ними и старались держаться как можно тише. Фактически, пока что мы выполняли роль арьергарда, способного в случае чего принять удар в тыл, полноценное разделение должно произойти у самого города.

На острие атаки шёл сам Корум, его поддерживали несколько воинов. Друиды и маги шли по центру, их прикрывали три оставшихся в живых убийцы и два воина. Несмотря на крохотную численность, мы рассчитывали на то, что нам удастся справиться. В случае разгрома всем был отдан приказ прорываться к оврагу, откуда двигать на юго-восток, в обход Драконьего Клыка. Корум рассчитывал, что мы как минимум стянем все неприятельские силы к городу, и дорога окажется свободной, да и служители Культа после победы, скорее всего, займутся городом, а не нами — человеческого материала у нас мало, да и добычей мы были зубастой.

Шум битвы нарастал. Крики сумасшедших, рёв химер и вопли раненых создавали непередаваемую какофонию звуков. Пара воинов, идущих с нами, задёрнулись, то ли предвкушая сражение, то ли опасаясь его. Я же чувствовал абсолютное спокойствие и абсолютную злобу. У меня время от времени начинала кружиться голова, но это из-за того, что лес кругом то окрашивался в багровый, то выцветал, буквально становясь прозрачным. Я видел каждую букашку, каждую мышь, стоило им ступить в тень.

И я чувствовал Нечто, набирающее сил где-то в глубине леса. Боль, страдания, отчаянье и сумасшествие дерущихся людей, одержимых и химер придавало чудовищу сил. Его атаки не избежать, но я не слишком-то беспокоился за клан, ведь первой жертвой чудовища стану я. А там уже посмотрим, что к чему, смогу ли я драться или мне придётся уходить, отвлекая монстра от клана и города. Впрочем, если чудовище останется в живых, город всё равно обречён.

А ещё меня как будто кто-то звал. Буквально на грани восприятия, то переходя её, то вновь исчезая. Я не обращал на зов никакого внимания, концентрируясь исключительно на предстоящей битве.

Конница конунга совершала уже третью вылазку за стены города, стараясь отбросить одержимых от стены. Одержимые несли тяжёлые потери, но им было плевать на погибших соратников и усталость. А вот кавалеристы устали, да и осталось их не больше трёх с половиной десятков. Атакующий ряд уже не выглядел таким ровным, судя по всему, из-за потерь, да и атака вышла вялой — шеренга почти сразу увязла в плотном ряду одержимых, а к ним уже бежало с полдюжины некрупных химер.

Весь невнятный хор голосов на секунду перебил один единственный крик — боевой клич Корума. Это был необычайно громкий и звонкий вопль ярости. Босс сразу же впал в

состояние берсеркера. Он сбросил со своего цвайхандера все тряпки, и всё внутри меня похолодело — это был чёрный меч, который ковал Гризли.

В ветвях деревьев зашумел ветер, над полем боя начали собираться тучи. Хлынул ливень, через секунду превратившийся в ледяную бурю. В землю ударили молнии, запахло влагой и палёным одновременно. Над местом атаки друидов поднимался пар, прибываемый к земле резкими порывами ветра. Одна из погибших и изрубленных чуть не в клочья химер тяжело поднялась на подрубленных ногах, но вместо того, чтобы атаковать игроков, она набросилась на товарку, плюя в неё желудочным соком и заливая землю гнилой жижей, вновь текущей по её жилам.

Активизировались горожане. В сторону вновь поднявшегося вала трупов хлестнули два организованных залпа, а после запылали шары их жидкого огня. Огонь пожирал мёртвую плоть, как сухой валежник.

Буря утихла, чтобы тут же начаться в другом месте — теперь друиды и маги выбрали своей целью химер, скучковавшихся у кромки леса. Конница перестроилась и атаковала то, что осталось от толпы одержимых. С другой стороны их поддержали наши воины. Корум ещё раз дико закричал, чёрный меч поднялся над его головой и опустился наискосок, разрубая сразу двух одержимых. Такого удара не смогли выдержать даже сумасшедшие, управляемые чужой волей. Они бросились в рассыпную, оставив лежать на поле почти половину своего «войска». Остатки химер тоже исчезли в лесу, отойдя к восточной «ставке» оккультистов.

Нашей атаки явно не ждали. Мы побеждали. Но химеры и одержимые — только половина дела.

И тут в бой вступил наш отряд. Мы с Репьём быстро развешали метки на нескольких оккультистов из главного лагеря. Это было сигналом к действию. Три воина набросились на них из леса, а мы с рыжим убийцей не жалели стрел — мне удалось пополнить их запас во временном лагере.

Служители Культа не ожидали этой атаки. Я убрал двух, ещё одного Репей, а воины втоптали в землю сразу двоих. От нас на самом деле проку было немного — даже пронзённый двумя длинными стрелами оккультист продолжал двигаться. Но всего их осталось тринадцать, и в ближнем бою многие из них не были такими уж слабаками. Трое мелких набросились на одного из воинов, хватая его за ноги, а четвёртый прыгнул ему на загривок. Их мелкие ножи быстро заработали, выскивая прорехи в доспехах, и быстро нашли их — воин повалился на землю, крича от боли и обливаясь кровью. Я утыкал одного нюхача стрелами так, что он мало отличался от ежа, но тот дёргаясь и содрогаясь от боли всё равно продолжал кромсать оголившееся горло поверженного до тех пор, пока не смог поднять его отрезанную голову на вытянутой руке, и только после этого свалился замертво.

— Назад! — рывкнул Репей.

Два оставшихся в живых воина отступили. Одержимые не стали их преследовать, видимо, решив, что им нужно переформироваться. Что ж, их проблема. Третьим местом атаки наших кастеров стало именно их лежбище. Деревья ломались под градом ледяных глыб, чёрные шары металась по кустам, выскивая себе жертву, ветер буквально сбивал с ног. Этому оккультисты ничего не смогли противопоставить.

Но отомстить за смерть они смогли. Оба наших воина на миг остановились и диким хохотом принялись стягивать с себя шлемы — их обереги то ли куда-то пропали в стычке, то ли не помогли, возможно, группа сосредоточившихся только на них служителей Культа смогла перебить защитную магию. Произошло это чертовски быстро, один мгновенно

вскрыл себе глотку, проигнорировав «рисование» улыбки на своём лице, а второй одним ударом вбил в глазницу собственный кинжал.

— Твою мать, — простонал мой босс.

— У нас ещё одно дельце, — быстро сказал я, одновременно навешивая Метку на одного из оккультистов из тайного лагеря. — Видишь их?

— Да.

— Они собираются сделать что-то очень нехорошее, и нам нужно прервать их как можно быстрее.

— Без пушечного мяса?

— Я стану пушечным мясом.

— Твоё дело.

Тем временем наш отряд ближнего боя объединился с городской дружиной и преследовал отступающих. Кастеры больше не использовали массовых заклинаний, выбивая одержимых поодиночке точечными заклинаниями так, чтобы не зацепить своих или союзников.

Я рассказал Коруму, где располагалось второе лежбище оккультистов, так что когда убегающие одержимые принялись уводить преследователей восточнее, ударная группа, ведомая самим главой клана, ударила туда, куда надо было. Хотя мне чертовски не нравилось то, что наши силы разделились на две части.

Мы уже почти добрались до тайного лагеря, когда у меня в мозгу вспыхнула короткая фраза «Все сюда!», а вместе с головной болью пришла и вторая «Оккультисты в городе!». Это явно был Старейший.

— Наше дело важнее, — быстро сказал я Репью. — Я быстро с ними расправлюсь.

Надеюсь...

Но босс мне поверил.

Их было четыре. Два крупных, причём, у одного было две головы, и два мелких. Один крупный был трёхротым, второй являлся слухачом и нюхачом одновременно. Мелкие представляли из себя совершенно плачевное зрелище. Это были две настоящие развалины с отсутствующими конечностями, с абсолютно гладкими яйцеобразными головами, их тщедушные тела едва прикрывали какие-то пахнущие смертью тряпки. Но у каждого из них было по три лобные доли, расположенные по окружности. Это явно какие-то медиумы, а значит, я совершенно прав, решив, что их убийство — первоочерёдная задача. Они лежали совершенно неподвижно, и только время от времени открывающиеся на шеях глубокие раны говорили о том, что слуги Гаспа живы.

— Так вот как дышат безротые, — пробормотал Репей. — Интересненько.

— Стреляй по большим, — шепнул я. — Начнём с двухголового.

— Так точно, командир.

Я нырнул на полянку, низко приклоняясь к траве. Над моей головой практически одновременно прошелестели три стрелы, но каждая из них каким-то неведомым образом пролетела мимо двухголового оккультиста. Трёхротый, почувствовав меня, раскрыл свои пасти в широченных улыбках, но сразу же искривил их от ярости — комок Тьмы действовал безотказно.

Я налетел на двухголового с Клинком Тени. Я попытался распотрошить ему брюхо, а вторым ударом разрубить носатую голову, но первый мой выпад едва поцарапал его, второго же вообще сделать не удалось — толстая мускулистая рука ухватила прямо за лезвие

Клинка и крепко его сжала. Из клинка без моего ведома выстрелило полдюжины языков тени, пронзившие в нескольких местах тело оккультиста, один из них насквозь пробил ушастую голову, но двухголового это не остановило. Я попытался вырвать из захвата свой тесак, но оккультист держал его слишком крепко. Второй рукой он ухватил меня за запястье и дёрнул к себе. Я выхватил обычный тесак и рубанул оккультиста в бок, но клинок, глубоко войдя в рёбра противника, застрял так, что я не смог его выдернуть. Приходилось танцевать около врага, уворачиваясь от его ударов, и слушать, как трещат кости моей правой руки. Даже если бы я захотел бросить Клинок Тени прямо сейчас, у меня бы это не получилось. Но и отдавать главное своё оружие врагу я не собирался.

Всё совсем плохо. Причём, мы оказались в патовой ситуации — ни я, ни оккультист не могли оторваться друг от друга. Бросив обычный тесак, я выхватил арбалет и выстрелил в противника, но тот даже на стрелу, принявшуюся терзать его плоть изнутри, не обратил внимания. А арбалет был моим последним козырем — перезарядить его одной рукой, да ещё и во время беспорядочного обмена ударами, не получится, до ножей не дотянуться. Долго наше стояние продолжаться не могло — стрела делала свою работу, а из раны на ладони хлестал уже даже не гной, а нечто чёрное. Но время терять было нельзя — лобастые делали свою работу, а трёхротый и вовсе исчез из поля зрения.

Трёхротый выпрыгнул на меня как чёртик из коробочки. И плевать ему было на два торчащих из его живота дротика, он собирался умереть, но забрать меня с собой. Он пырнул меня в бок ножом, но кольчуга выдержала. Тем не менее удар был чудовищной силы, если бы двухголовый меня не держал, я бы повалился на землю. Второй удар пришелся мне по маске, она слетела, а я одним махом лишился половины зубов.

Понимая, что ситуация безвыходная, я набросил на себя Плащ Тьмы, который собирался сохранить на бой с боссом — полностью использовать его новоприобретенные качества можно было один раз в шесть часов.

Материализовавшаяся тень поднялась над нами и заключила в кокон. По моим рукам побежали чёрные змеи, они принялись терзать двухголового сразу в двух местах — его левую руку, сдерживающую Клинок Тени, и правый бок, в котором засел тесак. Второй оккультист бессмысленно бился о защищающую меня тень, иногда и вовсе промахиваясь и по инерции уходя в сторону. Его рты беззвучно раскрывались, он яростно вертел головой, будто пытался рассмотреть меня несуществующими глазами.

Двухголовый сдался. Он отпустил меня и попробовал отступить, но я успел перебросить Клинок Тени в левую руку (правая действительно оказалась сломана — запястье и ладонь были смяты и деформированы) и одним ударом разрубил носатую голову.

Репей тоже не терял времени. В рукопашной от него проку не было, стрелы только летели мимо, но вот с оставшимися беззащитными лобастыми он успел разделаться, хотя это далось ему не легко — из левого глаза рыжего ассасина текла слеза, из носа и ушей тянулись струйки крови.

— Как будто кто-то пытался голову раздавить, — сказал Репей слабым голосом. — Или наоборот взорвать, сложно судить. — Он утёр рот и подбородок. — Ну, справились мы, командир?

Я какое время не отвечал, буквально выблёвывая осколки своих зубов на снег. Нижняя челюсть, кажется, была сломана, но кости с тихим хрустом уже вставали на место.

— Нет, — ответил я спустя минуту. Язык едва ворочался, каждое слово давалось с большим трудом и жуткой болью. — Они успели вызвать босса.

Возможно они, а возможно боль и страх сражающихся в километре отсюда людей и одержимых.

— И что теперь делать?

Мне было плевать. Злоба прошла — Плащ выпил её всю, фактически, в пустую. Я чувствовал слабость, а моя правая рука горела огнём, не говоря уже о челюсти. Хотя, кто знает, какая из моих костей сейчас в худшем положении. Рука багровела на глазах и уже начала распухать.

— Поищем зубную фею, у меня к ней крупное предложение. Оптовая партия. Тебя беру в партнёры по бизнесу.

Репей сдержанно хмыкнул.

Я выпил зелье здоровья и с трудом — меня жутко начало тошнить — залил себе в горло два зелья злобы. Репей ограничился тем, что поправил своё здоровье. Сейчас он вырубал из тела трёхротого одолженным у меня тесаком свои дротики.

— Возвращаемся в город, — сказал я, поразмыслив. — Возможно, Старейший вытравил крыс, а может и нет. Да и что-то мне кажется, что не такую уж убедительную победу мы одержали в поле.

— Двинули, — кивнул Репей, возвращая мне тесак.

Мы повернули к городу.

А в моей голове настойчиво звучал глубокий злобный голос, твердящий одно и то же: «Я убью тебя, предатель!».

Нападение внутри города не было самым плохим, что произошло за последние минуты. Окультисты не будь дураками организовали ловушку для преследователей. Сами погибли — вторую их ставку накрыл Корум с другими воинами клана — но конницу заманили в лес, где на них набросились те полтора десятка химер, о которых говорил Репей ещё перед боем. Пятерых удалось убить нашим кастерам, но от городского конного отряда осталось полтора десятка всадников.

Химеры оказались не последним сюрпризом. Видимо, кто-то из послушников из основного отряда пережил магическую атаку или же была четвёртая ставка. Наши воины уже отступали к городу, чтобы ввязаться в драку с химерами, как их накрыла очередная волна одержимых. И это действительно была волна — не меньше пяти сотен сумасшедших, прущих валом и сметающих всё на своём пути.

В лесу же поднялся настоящий вихрь смерти. Я буквально чувствовал, как с дороги поднявшегося босса окультистов убирается всё живое. Двигался он быстро, но всё же не достаточно — у нас ещё было три или четыре часа, чтобы решить проблему с остальными.

Что-то мне казалось, что мы не успеем.

Бой шёл уже добрых четыре часа, причём, клан участвовал в нём минут сорок от силы, а от ударного отряда осталось не больше десяти человек да полтора десятка кастеров с тремя убийцами — одна из химер, прикинувшаяся мёртвой, оказалась очень даже живой и здорово порезвилась в отряде поддержки.

Наши друиды с магами раскручивали очередную бурю над рядами одержимых, которые едва-едва не смели Корума с воинами. Но берсеркер, казалось, справится и с ними — он без устали размахивал не докованным мечом, который уже окрасился в красный цвет его ярости. Красные отблески хаотично мерцали вокруг главы клана, отбрасывая на одержимых — и живых, и поверженных — чёрные густые тени. Вой Корума иногда перекрывал все звуки битвы.

Не хотелось бы показаться пессимистом, но такие вещи даром не проходят. Использование проклятого оружия — тоже. Впрочем, без впавшего в боевую ярость Корума воины давным-давно бы разбежались, а друиды с магами прожили ровно столько времени, сколько потребовалось бы для того, чтобы волна одержимых докатилась до них.

— Может, здесь поможем, командир? — спросил Репей. Он уже не ёрничал, называя меня командиром и спрашивая, что мы будем делать.

— Наши должны справиться, — стараясь сделать так, чтобы мой голос звучал уверенно. И хотя бы более или менее внятно. — Нам нужно в город — кто лучше ассасинов выловит крыс? Да и что мы будем здесь делать? Никаких одиночек дорезать не получится, их здесь просто нет. Хочешь в рукопашную рвануть? Да и нашим минут через десять не останется ничего другого, кроме как отступить к городу.

Рыжий покачал головой.

— Если поле осталось за одной из сторон, её считают победителем.

— Это только первая драка за долгую ночь.

Мы побежали к воротам. На наше счастье мы успели протиснуться вместе с отступающей конницей. Теперь от них будет прок только в случае бегства одержимых —

шестнадцать всадников, часть из которых к тому же ранена, собой большой ударной силы уже не являются.

Нам нужно было найти Старейшего, а я точно не знал, где он находится. Оставалось только предположить, что пока мутант не нужен на стенах, он охраняет конунга. Молча указав Репью следовать за мной, я бросился вверх по улице.

Молчал я потому, что моя нижняя челюсть взбесилась. Она похрустывала и трещала, а то, что я сначала принял за осколки старых зубов, торчащих из дёсен, оказалось новыми острыми, как у какого-то хищника, зубами. Причём, по дороге я выплюнул несколько и не пострадавших от удара. Комок тьмы разбушевался внутри моей левой руки, я чувствовал что-то вроде нитей, пронизавших всё моё тело. Но главное пока то, что челюсть как будто срослась, да и с правой руки опухоль спадала буквально на глазах, я уже даже мог пошевелить кистью.

В городе царил настоящая паника. Беженцы, живущие на улицах, с начала боя устроили лагерь у храма Корда и замка конунга, но сейчас активно разбегались по ближайшим кварталам и старались найти хоть какое-то укрытие. Местные, заколотившиеся в своих домах, на помощь им не спешили. Нам сильно не мешали, лишь один раз пришлось отойти в переулок, чтобы пропустить бегущую толпу человек в тридцать. Но главное то, что я угадал направление — если люди бегут прочь от замка, значит, слуги Культа напали именно там.

Замок был оцеплен, туда никого не пускали, а вот площадка около храма была усыпана трупами, как стражников, так и обычных людей. И многие из них (если не все) погибли вовсе не от рук оккультистов, те не рубят головы и не пользуются луками. У ворот храма стоял заслон из двух дюжин стражников.

— Где Старейший? — рывкнул (или, вернее, очень громко прошипел) я в лицо какому-то стражнику, которого принял за офицера.

— В храме! Но туда никого...

Я растолкал стражников — одного пришлось не очень-то ласково приложить рукоятью тесака по затылку — и продрался во двор храма. Репей шёл следом.

Я остановился на пару секунд около груды трупов. Как мне и показалось с самого начала, никаких признаков того, что здесь побывали слуги Культа, не было.

— Школько народа в храме? — спросил я у Репья и выплюнул последние два своих старых зуба. Разбушевавшаяся боль в челюстях сводила меня с ума.

Рыжий постоял несколько секунд, склонив голову так, будто прислушивался к чему-то.

— Не меньше дюжины. Очень сложно определить точнее — как будто заслон какой прикрывает весь храм.

Я прошипел нечто невнятное и махнул рукой, мол, следуй за мной.

Внутри храма тоже произошла бойня. Зал у алтаря был усыпан трупами, и вот среди них я заметил пару ребят с улыбками Глазго. Видимо, беженцы, решившие спрятаться в храме, принялись резать себе глотки, это вызвало панику, народ хлынул на улицу, и тут их встретили стражники, которые не слишком-то разбирались, кто обычный человек, а кто оккультист.

— Безумие, — пробормотал Репей. Я кивнул, соглашаясь.

— Сам храм пуст, — сказал ассасин. — Все где-то во внутреннем дворе.

Проход во внутренний двор найти было легко. Как Гензель и Гретель шли по хлебным крошкам, так мы шли по трупам. Оккультистов мы нашли всего двух, и оба были буквально

разорваны на куски. Уверен, это Старейший постарался. Мы зашли за алтарь, нырнули в небольшой люк, прошли по узкому коридорчику и вышли во внутренний двор.

Я много повидал, но даже мне стало немного не по себе. Тайный храмовый двор покрывала белоснежная брусчатка, сейчас измазанная сажей и кровью. Двор имел диаметр в пятнадцать метров и был сжат со всех сторон высокими каменными стенами, от чего складывалось впечатление, что мы очутились внутри большого каменного стакана. В центре располагался второй алтарь, на нём сейчас как петух на жерди сидел Эрвир, у его ног расположились две знакомые мне послушницы, у их ног ещё тлел костёр. Алтарь окутывала сероватая пелена, иногда вспыхивающая всеми цветами радуги, она-то и не давала голому по пояс и измазанному кровью с ног до головы Старейшему добраться до главы храма.

Ну а по стенам двора по здешней традиции были развешаны выпотрошенные трупы, их органы, части тел. В итоге не меньше дюжины человек, все — послушники храма, судя по остаткам одежды. Развешивали и потрошили их наспех, знакомые мне ведьмовские узоры были выведены кровью очень грубо и с ошибками. Но нельзя сказать, что Эрвир со своими сучками не старался.

Настоятель храма как будто обрадовался моему появлению.

— Доктор! Убей его! Убей это ведьмовское отродье, и я, как и обещал, сделаю тебя начальником гвардии!

— Угу, — промычал я. — Шейщаш. Конунг в норме? — спросил я уже у Старейшего.

— Да, в замке, ему ничто не грозит.

— Жнашит, убиваем этого уroda, и дело в шляпе?

— Я не могу до него добраться. Сила Корда его охраняет, а я — и мои родители — действительно якшались по молодости с ведьмами.

— Они тебе такие сиськи вырастили? — насмешливо спросил Репей, но он явно бахвалился, вид Старейшего произвёл на него сильное впечатление. — А мы их всех перебили, как я теперь себе такие сделаю?

— Умолкни, — оборвал я напарника. — Так то, что он тут вытворял, на него никак что ли не повлияло? Это же явный оккультизм.

— Я не оккультист! — взвизгнул Эрвир. — Я покорный слуга Корда! Но сила его теперь изменилась! Она изменила меня и моих слуг вместе с собой! — Он повернулся к нам шеей, показывая два тёмно-коричневых пятна на своей коже. — Теперь сила Корда впитала в себя силу Гаспа для того, чтобы карать выроdkов-оккультистов и таких, как ты, Старейший! Теперь мы соберём все свои силы в кулак, чтобы...

Он упал с алтаря уже не в состоянии разговаривать, ему мешал дротик, засевший у него между зубов. Пелена, окутывающая алтарь спала, оставив жриц беззащитными.

— Я с ведьмами дела не имел, — сказал Репей, явно довольный собой. — Ну, теперь вы, сучки!

Сучки ждать расправы над собой не собирались, тем более они были посильней своего хозяина. Жрицы с пронзительным воем двинулись на нас абсолютно синхронно, щеря клыкастые рты. Они вытащили из-под своих просторных одежд мерзкого вида чеканы, явно подражающие молоту Корда, и напали на Старейшего. Мутант отступил, предлагая нам тоже вступить в бой. Рыжий швырнул второй свой дротик, но тот, выбив сноп искр, отскочил от плаща жрицы, как будто тот был сделан из металла. С арбалетным болтом произошло то же самое.

Я набросил на жриц Метки и применил Плащ Теней. Благодаря ему мне удалось уйти от

молниеносного выпада одной из жриц, чекан ударил в землю, раздробив брусчатку. Я сумел ответить только пинком в бок — правая рука ещё не действовала, я едва-едва мог пошевелить застывшими пальцами, а левой драться я не слишком-то умел. То есть, вообще не умел. Репью так же не давали пользоваться луком, а в рукопашной его кинжал явно уступал чеканам жриц.

Но спрятавшийся за нашими спинами Старейший не собирался отступать. Пара секунд передышки позволила ему учинить что-то нехорошее. Один из трупов на стене взорвался, окатывая оказавшуюся рядом жрицу коричнево-красной жижой. От белоснежного плаща жрицы повалил пар, резко запахло горелым мясом. Но голые участки кожи — руки, лицо и шея — сопротивляться заклинанию не смогли. Жрица упала на колени и с раздирающим уши криком боли схватилась за лицо. Её кожа и мясо слезали с костей, оголяя кости. Жертва мучилась несколько секунд, а потом кулём упала в лужу разлагающейся плоти.

Вторая жрица попробовала отступить к алтарю, но Репей, у которого развязались руки, подстрелил её в левую щиколотку. Жалобно вскрикнув, жрица упала на брусчатку, а Репей уже прострелил её правое запястье, а третьей стрелу вогнал прямиком в зоб.

— Благодарю, — пробормотал Старейший, тяжело переводя дыхание. Его брат тихо посапывал, уткнувшись в шею старшего. — Одному мне бы с ними ни за что не справиться. Показывай руку, — сказал он мне.

Я протянул ему правую руку. Мутант быстро её осмотрел и, тихо крякнув, покачал головой.

— Я тут ничем помочь не могу, да и незачем — через пару часов кости сами срастутся. Эй! — резко окликнул он Репья, направляющегося к алтарю. — Твой дротик, конечно, штука полезная, но я бы так не рисковал: тайный алтарь Корда, даже осквернённый — не самая безопасная вещь. К нему могут прикасаться и приближаться только служители храма.

— Но пелены-то нет.

— А кто сказал, что она через секунду не появится?

— погоди, — сказал я, с трудом расцепив челюсти, — Эрвир — потомок Корда?

Старейший смерил меня долгим взглядом.

— Нет, — медленно сказал он. — А вот наш конунг — да, по матушке. С чего ты это спрашиваешь?

— А ты конунгу кто, тоже дядя? По матушке я имею в виду.

— Он мне внучатый племянник.

Тогда у меня ничего не клеится. Это я и сказал вслух.

— А что у тебя должно клеиться? — любопытно спросил Репей. — И кто такие потомки Корда?

— Потомки Корда сходят с ума и поддаются влиянию тёмных сил Гаспа, — пояснил я, игнорируя второй вопрос. — Нервил, тот кузнец Гризли. На счёт кузнеца не уверен, но думается мне, не просто так он стал хранителем осколка Молота. Их как будто скверна пожирает какая-то. Вроде той, что убивает всё живое на севере, но в начальной стадии.

— То есть хранители осколков — потомки Корда, я понял. Логично, всё в семью. Может, скверна ещё и служителей Корда затронула? — предположил Репей. — Помнишь коричневые пятна у этого засранца? Может, это и есть скверна.

— Помоги-ка раздеть её. — Я указал на жрицу, которую подстрелил ассасин.

— Пока тёпленькая ещё, а? Я чур второй.

— Меня иногда от твоего юмора подташнивает.

— Не тебя одного, — пожал плечами Репей, — меня тоже. Но что поделатъ?

Плащ жрицы к счастью превратился в обычный кусок ткани. Репей быстро высвободил тело из плаща и рванул завязки куртки на груди. Дальше искать не пришлось — правую грудь и рёбра жрицы покрывали коричневые пятна, под которыми явно виднелись опухоли.

— Ты был прав, — сказал Старейший. — Скверна поразила жрецов Корда. Хорошо, что я уже отдал приказ уничтожить выживших.

— А с оккультистами ты как собрался без них сражаться? — буркнул я.

— От того, что идёт из леса, жрецы не помогут, — покачал головой Старейший. — И атака уже закончилась — оккультисты ждут своего хозяина, а ваши друзья уже расположились внутри городских стен. У нас есть три часа передышки... — Мутант запнулся. — А к тебе что ли мои слова про алтарь не относились?

— Он осквернён, — ответил я. — А я хочу узнать, есть ли в нём что-то необычное. Возможно, удастся...

Моя ладонь прикоснулась к камню алтаря.

Как будто бы ничего не изменилось. Но и в то же время тончайшая стена, отделяющая меня от нечта тёмного, рухнула.

Я видел скверну. Она распространялась в тех местах, где сосуды, по которым текла негативная энергия к Сердцу Тьмы, лопались и рвались. Зло концентрировалось там и убивало всё, что могло жить или имело хотя бы какое-то подобие жизни. Процесс происходил медленно, но неотвратимо. «Пролитая» негативная энергия цеплялась за людей, заставляя их делать отвратительные поступки. Но больше всего она тянулась к алтарям храмов, которые были понастроены ровно по направлению сосудов.

И больше всего зла сейчас скопилось в центре материка, Сердце Мира. Оно гибло, как гибла и его противоположность — Сердце Тьмы. Одно умирало, захлёстываемое потоками негативной энергии, второе от нехватки этих потоков. Когда одно из них погибнет — этот мир обречён. Но время ещё было, какие-то крупинцы времени, возможно, несколько недель или месяцев.

Храмы... Корд... Сердце...

«Корд разбил этот мир надвое, — сказала нечто внутри меня. — Выбросил всё злое и грязное в подмир. Подмир хоть и как будто вне этого мира, но их связь никуда не исчезла — всё же это были две части когда-то единого целого. Корд решил использовать эту связь.

За тысячелетия войны в этом мире скопилось слишком много зла, его первопричиной было зло и безумие Гаспа. Это зло не было обычными человеческими негативными эмоциями, это было зло бога, а значит, оно могло воздействовать на других, на людей в частности, но больше на всякую нежить и прочих недобрых тварей. Этот мир стоял буквально грани смерти — война шла слишком долго, люди, помня старые обиды и только множа новые, готовы были перебить друг друга до последнего, им помогали родственники твоей Топлюши... ну и мои, конечно.

Когда Корд изгнал Гаспа из этого мира на достаточный промежуток времени, он взялся за эту проблему. Сначала он создал Сердце Тьмы, прямо на могиле Алу, своей возлюбленной, предварительно выбрав оттуда всю положительную энергию и оставив только отрицательную. А зла — впрочем, как и добра, она всегда впадала в крайности — в Алу было предостаточно. Добрую часть Алу он поселил в умирающую деревенскую глухую дурочку, тем самым создав ни в чём не повинное существо, на котором и женился. Потом он построил на материке множество храмов, связал их единой энергетической цепью, а потом

выбросил её в подмир, оставив храмы каналами для откачки негативной энергии. Ну а после ему оставалось только влить силы в Сердце Тьмы, и оно заработало, выкачивая отрицательную энергию из этого мира в подмир, а после и дальше, во мрак и пустоту, где эта энергия бесцельно блуждает в бесконечности не в силах причинить кому-либо вред.

Но каким-то образом кому-то удалось эту цепь нарушить, что ты и сам уже видел».

Я стоял, поражённый тем, что со мной происходило. Казалось, что я мысленно разговариваю с самим собой, но второе «я» вело этот разговор без ведома первого. Да и откуда бы у меня такая информация?

«Кто ты?» — осторожно спросил я.

«Я? Комок, Комок Тьмы, как ты меня называешь. Мать Тьма выбрала меня для того, чтобы я помог тебе. Она хочет жить. Просто раньше я не мог с тобой общаться, а теперь могу, алтарь раскрыл барьер для моего разума».

«Почему я?»

«Ты и сам знаешь, ты же дошёл до всего сам, когда покидал ту часть мира, где ещё спокойно. Зачем мне подтверждать твои догадки, тем более, если ты сам считаешь их истинными? Поздравляю, ты был прав. Я бы и не стал рассказывать, как Корд всё это обустроил, но ждать, пока ты догадаешься, слишком долго.

А сейчас извини, я делаю тебе новые нормальные зубы, а не те недоразумения, что у тебя были, и мне ещё руку тебе сращивать».

«Спасибо» — промямлил я.

«Не за что. Просто теперь я тоже хочу жить, я больше не часть единого потока, я — личность! А ты меня так долго не замечал».

Комок исчез. Вернее, он никуда не делся, он всё ещё сидел в моей левой руке, просто его разум будто бы отвернулся от моего. Если вообще можно это так назвать.

— Что ты видел? — спросил Старейший.

Судя по всему, прошло несколько минут с того момента, как я прикоснулся к алтарю.

Я судорожно сглотнул. Радоваться мне тому, что Комок теперь со мной общается, или наоборот грустить от того, что я стал ещё ближе к Тьме?

Узнаю потом. Сейчас это как минимум сулит мне большие выгоды.

— Что ты видел? — настойчиво повторил Старейший.

Я пожал плечами.

— Этот мир гибнет.

Милосердие II

Оккультисты взяли передышку. Торопиться им было некуда — босс ещё не пришёл, да и раны тоже нужно было зализать. Какая-никакая организация у них всё же есть, так что им не меньше, чем нам, нужно было оценить свои потери.

Наши же потери можно и не оценивать, так и так выходило, что они близки к катастрофическим. Конницы осталось всего пятнадцать человек. От клана — двадцать восемь да пяток раненых в том овраге. По крайней мере, ребята успели отойти за стену практически без потерь.

Остатки нашего клана собрались в той таверне, где я ночевал. Кто-то ел, кто-то проверял оружие, некоторые спали. Окровавленные, уставшие, воняющие гарью и смертью жалкие остатки той Серверной Рати, что контролировала приличный кусок земли и брала штурмом замок конунга Нервила. И пополнить состав клана в ближайшее время никак не получится.

Алексея унесли куда-то в замок конунга, Старейший обещал о нём позаботиться. Некродруид рвался в бой, утверждая, что потеря левой руки для кастера не так уж и критична, но я прекрасно видел, насколько он был слаб и подавлен. Тёма отделалась лишь парой синяков, но на неё мне было наплевать. Корум тихо матерясь и яростно, если не сказать безумно, сверкая глазами, слонялся из угла в угол. В руках он баюкал чёрный меч, лицо его было сплошной маской из гари и чужой крови.

Местные маги тем временем выжигали поле боя. Ну, или старались выжигать — трупы не слишком-то хотели гореть. Начавшийся густой снег превращался в дождь, со склонов текли чёрные ручьи. Воняло гарью, жжёным мясом и смертью.

— Какая-то мрачноватая обстановочка, — заметил Репей.

Я промышчал что-то невразумительное, слишком был занят едой. У меня в животе уместились уже три чашки каши, а сейчас я разжёвывал и дробил зубами баранью кость — новые зубы требовали много кальция.

— Ну-ка улыбнись, — сказал мне рыжий.

Я оскалился.

— Красавец. На Алукарда похож.

Я не знал, кто такой Алукард, но кивнул. Выросшие зубы были крупными и острыми, с ярко выраженными клыками, хотя те не мешали закрываться рту. В общем, не человеческие зубы, но и не звериные, нечто среднее. Комок ещё отмалчивался, видимо, был занят кистью. Я уже мог шевелить пальцами, но суставы как будто застыли.

— Сколько у нас ещё времени? — спросил меня кто-то.

— Пара часов, — ответил я. — Ублюдок заворачивает к оврагу, чтобы разделаться с нашими ранеными.

— Нужно их спасти, — быстро сказал Репей. — Корум, слышишь?

Наш босс в ответ яростно сверкнул глазами и выматерился.

— Бесполезно, — угрюмо заметил убийца. — Предлагаю выбрать нового главу клана... то есть уже пати. Без нормального командования нам точно крышка.

— А чего тут думать, пусть Доктор командует, — сказала Тёмная Мать. — Он нас в эту жопу притащил, ему и вытаскивать.

Раздалось пара смешков, но неожиданно для меня моя кандидатура на нового главу клана совершенно не встретила сопротивления. Мне припомнили мои «подвиги» в замке Нервила, идею с крысиными черепами, то, что я в одиночку добрался до города, да ещё и сумел договориться с местными. Выходило, что я прямо настоящий герой. Корум в это время тяжело сопел в углу зала — он беспокойно спал в обнимку с мечом, часто вздрагивая и вскрикивая во сне.

— Ладно, — угрюмо сказал я, поднимаясь из-за стола. — Хрен с вами. Хотя, вообще спасибо. Нам нужно вытащить наших раненых. И я знаю, кто нам в этом поможет.

План созрел быстро. Десяток кавалеристов в сопровождении шести наших проскочили через пожар под носом одержимых и оккультистов и ушли в лес. Вернулись они через неполный час, ведя за собой трёх химер и с сотню сумасшедших, но тут за дело взялись наши друиды при поддержке Старейшего и полудюжины его учеников. Под ногами одержимых грязь превращалась в болото, на их головы падал ледяной и огненный дождь, валил пар, слышались безумные вопли страданий.

Но мы справились, не потеряв ни одного человека и порядочно потрепав противника. Репей назвал меня удачливым сукиным сыном, Тёмная Мать пыталась со мной поговорить, а проснувшийся к этому времени Корум согласился с моей кандидатурой и снова принялся слоняться по таверне, не взяв в рот и крошки.

— Я напьюсь тёмной крови своих врагов, — сказал он со смешком.

Кто-то принял его слова за шутку, но один из воинов, сражающихся вместе с Корумом в первых рядах, посмотрел на бывшего главу клана с ужасом.

К нам зашёл Старейший в сопровождении двух травниц. Он сказал, что раненые под надёжной защитой, и что о них хорошо позаботятся.

— А пока я осмотрю вас, — добавил он. — Пусть ваши раны и не серьёзные, но лучше будет, если их обработать.

Всего в бой могли вступить двадцать два человека из клана. Три убийцы, девять воинов и берсеркеров, десять кастеров. У горожан был Старейший, десять магов, пятнадцать конников и две сотни ополчения, годного только на то, чтобы осыпать одержимых стрелами. Опыт ближнего боя был только у пятидесяти человек ветеранов да стражников, но их мы собирались поберечь уже для решительного удара по разбегающимся одержимым. Или обороны улиц, если ворота или стены падут.

Но, если стены падут, они на самом деле уже будут не нужны — у оккультистов появится четыре тысячи новых одержимых. Или четыре тысячи тел для создания новых химер. На этот случай я лично сказал каждому члену клана, куда нужно удирать, и указал место встречи за стенами города.

Я доедал уже пятую чашку каши, когда ко мне подошла та служанка, что обслуживала нас во время первой моей встречи со Старейшим. Она долго смотрела на меня со странным выражением лица. В ней как будто боролись страх, ненависть и решимость одновременно.

— Нам нужно поговорить, — сказала она наконец.

— Хорошо, только тарелку с собой возьму.

Мы ушли под яростное шипение Тёмной Матери. Я посмотрел на неё один раз, и та так поникла, что я понял — служанке ничего не грозит. Но, в общем, ей ничего и не могло грозить, не станет же она спать со мной после того, как её изнасиловали другие игроки.

Да и я, откровенно говоря, не горел желанием даже приближаться к женщинам с этой целью. Мне хватило одного трупа.

Мы зашли в какой-то чулан, где едва умещались крохотный столик, лежак с тюфяком и сундук, видимо, с личными вещами.

— Что тебе нужно? — пробубнил я, утыкаясь в тарелку с кашей. Еда буквально сгорала в моём желудке, но с каждой ложкой я чувствовал себя лучше и лучше.

— Поговорить, — сказала служанка, усаживаясь на лежак.

— Тогда говори.

Девушка помедлила несколько секунд. Но когда она начала говорить её голос звучал уверенно.

— Не скажу, что была недотрогой. Мужиков у меня было порядочно. Не вижу ничего плохого в том, чтобы потерпеть какое-то время за лишнюю монету. Или по любви. Или ради удовольствия, чего уж греха таить. Но насиловать меня никто не пытался, понимали, что если уж я не хочу, то не хочу, даже за деньги. Ухажёров у меня тоже хватало, и каждый из них мог объяснить, что меня трогать не нужно.

Но ваших ублюдков я ненавидела. Ни разу я не давала чужаку, даже если он мне золотые горы обещал. Потому что вы другие, как будто и люди, и не люди вовсе. — Служанка пристально посмотрела на меня. — Ты меня понимаешь, потому что ты сам другой. И не наш, и не чужак. Ты вообще не понятно кто.

В общем, отказала я одному из чужаков. А он меня на следующий день с одним помощником купца увидел. С дружками подкараулил меня после работы за дверью. Трое держали, один трахал. И так по очереди. И никто им не мог помешать, потому что понимали — это верная смерть.

Но пришёл Старейший и убил их всех. А потом сказал, чтобы все убивали чужаков. И мы начали их убивать. Я лично отрубила голову одной из девок. Её, конечно, перед этим изнасиловали и не так как меня, а грубее, гораздо, гораздо грубее.

Когда все чужаки были убиты или разбежались, мы успокоились. Я успокоилась, потому что понимала, что была отомщена, что все изнасилованные или убитые были отомщены. Когда пришли оккультисты, я приготовилась умереть. Знала, что проживу ещё несколько дней, а потом или сойду с ума или умру. Я даже нож приготовила на тот момент, когда они ворвутся в город. Вот он, — она вытащила из-под тюфяка хорошо наточенный кухонный нож. — Чик по горлу, и я уже никому не достанусь. А превратят в химеру, так мёртвой мне уже плевать на всё будет.

Но тут появился ты. Злой как будто человек, видно, что злой и жестокий. И что на нас тебе по большей части плевать. Но ты взялся помогать нам. Знаю, чтобы спасти своих. Но ты и не вспомнил про то, что мы убили так много ваших. — Губы служанки стянулись в кривую ухмылку. — Ты просто пошёл драться, прямо как какой-нибудь герой из легенд.

Старейший говорит, что всё в мире замкнуто в круг. Что если конфликт с чего-то начался, то этим он должен и закончиться. Что если один бог пришёл на смену другому, то кончится это тем, что его место займёт следующий. Для нашего города всё началось с того, что меня трахнули чужаки. По крайней мере, для меня. И я хочу, чтобы этим всё и кончилось.

Служанка поднялась с тюфяка и распутала завязки своего платья, оголяя тяжёлую грудь. Она осторожно взяла мою раненую ладонь и сунула её себе за пазуху.

— Ты можешь отказаться.

Я тихо рассмеялся.

— Для меня много началось с того, что одна девушка, с которой я спал, погибла. Пусть

в этот раз всё кончится сексом без смертей.

Впрочем, меня уже никто не слушал. Рука служанки уже забралась в мои штаны, второй рукой она задирала свои юбки. Я подтолкнул её к лежаку, но она повернулась ко мне спиной и согнулась, придерживая юбки. Я вошёл в неё, мои руки уже тискали её грудь. Служанка застонала только один раз, еле слышно и зло. Я кончил через минуту.

Я уселся на тюфяк, тяжело переводя дыхание. Моя любовница выпрямилась и занялась завязками своего платья.

— Награда будет ждать победителя, — сказала она. — А теперь уходи.

Я, так и не спросив её имени, ушёл. В общем зале меня ждала Тёмная Мать.

— Нужно поговорить, — сказала она, хватая меня за руку.

— Мы с тобой уже поговорили в овраге.

— Нет, мы должны поговорить ещё! Ты хочешь растоптать нашу любовь? Я понимаю, что ты мстишь...

— Я не мщу, — тихо и зло проговорил я. — Не было никакой любви, сейчас я это знаю точно. Но ради того, что было между нами, я не буду тебя убивать. Это всё, что я могу для тебя сделать.

— Подожди, — простонала магичка. — Ну, ты же ещё хочешь меня? Я готова всё стерпеть. Я могу сделать всё, что хочешь. Я...

— Ты просто хочешь быть женщиной главы клана, — прервал её я. — Ты и не думала ко мне возвращаться до тех пор, пока на меня не обратил внимание Корум. Ты говорила мне, что не потерпишь больше измен, а сейчас говоришь, что сделаешь и стерпишь всё.

Я угадал. Лицо Тёмной Матери исказилось, но она быстро взяла себя в руки.

— Даже если и так, то что? Я не собираюсь быть подстилкой для какой-то посредственности. Я, чёрт тебя дери, многое сделала и многое пережила. И я достойна награды.

— Ты достойна лишь жалости. Куда больше, чем та женщина, с которой я только что был.

— Я всё равно буду твоей, — прошипела магичка и, отшвырнув мой рукав, будто обожглась, ушла.

«Самки доставляют слишком много проблем, — сказал мне очнувшийся Комок. — А ещё они слишком сильно давят на твои эмоции. Я знаю, причина в твоих половых органах. Хочешь, я их отключу?».

«Я тебя сейчас отключу!».

«Не сможешь. Но я понял, что они тебе нужны, хотя зачем — для меня секрет.

Как твоя рука?».

Я несколько раз сжал правую руку в кулак.

«Лучше, чем была».

«Отлично. Тебе нужно быть готовым к битве, босс Культа скоро прибудет к стенам. Я пока уйду, чтобы проверить работоспособность твоего тела. И ещё я попробую настроить канал, по которому ты тянешь силу, чтобы твои способности можно было использовать чаще».

Комок «ушёл».

Я вышел на улицу. Шёл крупный пушистый снег, улицу уже покрывал толстый белый слой.

У таверны, тихо поскуливая, сидел щенок с ободранной рожой и перебитой передней

левой лапой. Увидев меня, он с тихим писком подполз к моим сапогам и лизнул подмётку.

— Кто же тебя так? — пробормотал я, поднимая несчастную скотину.

Щенок с тем же жалким писком лизнул чёрную кожу моей перчатки и обмочил её.

— Ты не выживешь, — сказал я ему, как будто он меня понимал. — Возможно, никто в этом городе не выживет. Но ты умрёшь, даже если город устоит. Мне нужно прекратить твои мучения, понимаешь?

Псина пискнула и ещё раз лизнула перчатку. В её глазах читалась мольба.

Крохотное, избитое, одинокое, страдающее существо. И я. Для него — большой и всесильный. Последняя надежда на жизнь. В его голове нет таких мыслей, он просто страдает и хочет есть.

А я собираюсь его прихлопнуть. Походя. Убеждая себя в том, что это — милосердие.

Так зачем тогда вообще бороться? Зачем сейчас стараться защитить этот город? Ведь самое лучшее, что можно сделать для жителей Драконьего Клыка — это быстрая смерть. Мёртвым не страшны одержимые и оккультисты. Они не боятся голода и болезней. Они мертвы. И мёртвым уже не помочь.

Я здесь не за тем, чтобы быть милосердным. Пусть жизнь причиняет боль. Пусть так трудно за неё цепляться. Но если её не будет, не будет вообще ничего. Всё, что мы сделали, сделано впустую.

Кругом тысячи страдающих людей. Их насиловали. Их били. Их пытались убить. И они делали то же самое в ответ. Они такие же безжалостные убийцы, как и мы. Потому что и они, и мы — люди. А иногда чтобы жить, нужно убивать других. Но и они, и мы выжили. И нам нужно продолжать бороться за жизнь, а не за лёгкую смерть.

Щенок просит только кроху еды и глоток молока. А я собирался подарить ему лёгкую смерть.

Я отнёс щенка к служанке и приказал накормить его.

— Он и пару часов не переживёт...

— Ему нужно дать хотя бы шанс.

Он не поняла. Плевать. Главное, что я понял.

— У-у-у-у-у...

Одержимые подняли вой. Их крики перестали быть беспорядочной какофонией, теперь они выли на одной ноте, как единое целое. Впрочем, они и стали единым целым. Там, за стенами, осталось лишь телесное воплощение страдания, когда-то бывшее сотнями людей.

— У-у-у-у-у...

Рядом завизжал стражник. Он упал на колени и, схватившись за голову, принялся стенать. Старейший одной оплеухой свалил его на землю. Стражник задёргался в агонии и умер, исходя пеной изо рта. Из его ушей текла кровь.

— У-у-у-у-у...

Корум расхохотался и сорвал со своего меча тряпку. По оплавленной стали побежали кроваво-красные искры. Вокруг берсеркера закружился ало-чёрный вихрь, растапливающий снег. Стоящий рядом с берсеркером Старейший отшатнулся от него, прикрывая своего младшего руками. Корум оскалил зубы, по его бороде потекла кровь — он откусил кончик своего языка. Ещё раз сухо хохотнув, он опустил забрало своего шлема и сторбился, готовясь атаковать в полном одиночестве: даже соклановцы поспешили отойти от него подальше.

— У-у-у-у-у...

Лес зашевелился. В неверном свете пожара к стенам замка поплыло чёрное нечто. Стоило присмотреться, чтобы понять, что это единый вал одержимых. Они бежали вперёд, втаптывая в грязь останки погибших. У нескольких загорелась одежда, но они даже не обращали на это внимания — физическая боль была ничем по сравнению с тем, какие муки им причиняло присутствие того, что выползло из леса.

— У-у-у-у-у...

Вперёд толпы одержимых вывалились последние двенадцать химер. Они бежали так, будто им на пятки наступал сам Гасп.

— У-у-у-у-у...

Оно вышло из леса. Бесформенное нечто, постоянно меняющее форму. Из шевелящейся плоти, исходящей чёрным гноем, то тут, то там вылезали головы с искажёнными мукой лицами. Тонкие человеческие руки и ноги беспорядочно вылезали из тела чудовища, от чего казалось, что оно не идёт, а катится по земле. Гниль, которую источало его тело, сливалась с грязью и плыла за своим хозяином огромным полем, стелящимся по земле. За чудовищем тянулась полоса абсолютно мёртвой земли, в которой белели кости — остальное поле гнили и смерти разлагало.

— Это Многоликий! — крикнул Старейший. — Многоликий! Третий после Гаспа в Культе!

— Колобок, Колобок, я тебя съем! — крикнул Репей и рассмеялся. В его глазах прыгали огоньки. Убийца ждал драки, и плевать ему было на всё остальное.

— У-у-у-у-у...

Когда вал одержимых приблизился к городу на триста метров, их крик перекрыл звук взрыва. Земля вздыбилась, полыхнул огонь. В разные стороны хлестнули потоки горячего воздуха, тащащие за собой грязь, кровь и ошмётки тел. По порядочно поредевшему строю противника ударили единым фронтом наши кастеры, маги из города и лучники.

На пятьдесят метров ближе то же самое случилось с химерами — клан не просто так метался по полю то нагоняя противника, то отступая.

Многоликий остановился в полукилометре от стен, видимо, раздумывая, что делать дальше.

— Вперёд! — взревел Корум и рванул в открывающиеся ворота. За ним никто не последовал.

— Вперёд! — рявкнул я через пару секунд.

Остатки наших контактников и городской конницы вылетели из открывающихся ворот.

Большая часть работы уже была сделана бомбами, стрелами и магией. Корум гонял истерзанную химеру, последнюю оставшуюся в живых. Мы занялись остатками одержимых. Жалкие группки всё ещё пытались бороться, но некоторые перегорели — я видел несколько раз, как израненные безумцы просто ложатся на землю и умирают, исходя мелкой дрожью.

Проблема в том, что даже этих жалких групп было ещё достаточно много. Один из одержимых показавшийся мне мёртвым (у него не было нижней половины тела) неожиданно схватил меня за сапоги, а второй без одной руки навалился на меня, стараясь сбить с ног. Клинок Тени запел, забирая их жизни, но я сбился с темпа и отстал от основной группы. В общем-то, плевать, я и один мог бы нормально повоевать, но тут Многоликий сделал свой ход.

Чёрная грязь под моими ногами вздыбилась, мгновенно становясь невероятно липкой и вязкой. Запах смерти чуть не свёл меня с ума, но Комок управился с ядом на «отлично». Грязь полилась за голенища моих сапог, но вреда она не причиняла.

«Ты не один из нас», — сказал в моей голове Безликий.

— Да-а, а как ты догадался?

«Что ты?».

— Я — Судья.

«Ты не можешь быть Судьёй, Судья вершит Суд при ярком белом свете, а твой удел — Тень».

— Тень говорит о присутствии Света, а не его отсутствии.

«Возможно. Но мне нет до этого дела. Если я не могу убить тебя магией...».

Многоликий двинулся вперёд. Поле Скверны вокруг него росло, поглощая всё больше и больше трупов. Конница, находящаяся ближе всего к чудовищу, рассыпалась на звенья и бросилась удирать, но тут поле резко скакнуло вперёд, и три коня упали. Раздался крик, но он продолжался недолго — Скверна разлагала плоть практически мгновенно.

Из поля выстрелили три языка, свалившие ещё троих. А потом ускорился сам Многоликий. Он с бешеной скоростью скакнул вперёд, Скверна создала что-то вроде трёх кос, которые — одна за другой — прошила уже двух замешкавшихся наших. Первая разрубила их пополам, полностью проигнорировав доспехи, вторая превратила их тела в вонючую жижу, а третья слизнула эту жижу с костей.

— К стене! — рявкнул я. — Все уходите к стене!

Я рванул вперёд. Плащ раскручивал вокруг меня Тени, но это было лишь жалкое подобие того, что я мог бы сделать — до отката мощного плаща оставалось ещё несколько минут. Сколько — я не знаю, Комок лихорадочно крутился в моей руке, уверяя, что он делает всё, что может.

Впрочем и эта Тень меня спасла. Многоликий повторил фокус с лезвиями кос, но все три прошли в полуметре от меня. Я ответил залпом из арбалетов, но такое чудовище плевать

на них хотело. Я отступил.

— Огонь... — едва слышно донеслось до меня.

Единственная в городе катапульта зашвырнула в Многоликого свой заряд. С сюрпризом от Старейшего. Это было тело Эрвира. Оно угодило прямо в Многоликого и взорвалось, истекая зеленоватой жижей. Туда, куда эта жижа попадала, плоть мгновенно начала разлагаться. Но Многоликий знал, как с этим бороться. Его разложившаяся плоть начала затягиваться новой. Щупальца скверны принялись хватать тела с поля и закидывать их прямо в рану, видимо, тем самым расходуя силу заклинания Старейшего на их разложение.

В бой вступили маги. Но потоки огня, пара и льда причиняли слабый ущерб гноящейся плоти Многоликого. Второе тело — судя по одежде очередного жреца Корда — упало мимо. Третье едва зацепило чудовищу бок.

А Многоликий готовил свой удар. Из его «ауры» Скверны выстрелило несколько десятков чёрных копий. Я ушёл из-под удара, а вот лучники на стене — нет. Они падали один за другим, корчась в агонии. Я думал, что Многоликий вновь прекратит атаку, но эти копья после выстрела никуда не делись. Они потеряли форму и, извиваясь, принялись хлестать по стене, превращая людей в окровавленные куски плоти, высекая из кладки целые камни. Ворота мгновенно превратились в решето. Одна створка со скрипом рухнула, погребя под собой двух всадников.

И тут в бой пошли последние служители Культа. Жалкие полтора десятка вырожденков, но они каким-то образом умудрились подобраться к воротам слишком близко, вероятно, многоликий как-то их замаскировал. Они ввалились в город. Во второй раз за вечер поднялись вой и стенания, но в этот раз уже внутри города.

— В город! — рявкнул я своим. — В город! Убейте их всех!

Огонь и лёд начали свою пляску уже на городских улицах. Остатки наших воинов пробежали по упавшим воротам и начали вылавливать оккультистов по одному, но им всё равно удалось посеять в городе панику. Впрочем, не думаю, что они проживут там долго.

Многоликий в очередной раз замер и атаковал меня косами. Всё так же безрезультатно. Мне нужно было приблизиться к нему, чтобы пустить в ход Клинок Тени, но Комок предостерег, что с такой сильной аурой Скверны он не справится, и я точно так же быстро превращусь в грудку гнилого мяса. Меня — и то не факт — мог спасти новый Плащ Тени, но он всё ещё не восстановился.

Чудовище, видимо, поняло, что я никак не могу его атаковать, и двинулось на меня. Аура Скверны хлынула по земле, два отростка выстрелили вперёд, охватывая меня с флангов, и, достигнув стены, поползли по ней вверх.

А потом...

Резкая вспышка, отдавшаяся в моей голове чудовищной болью, и одно из щупалец, отсечённое от источника силы, опало на землю, рассыпаясь в чёрную жирную сажу.

Я забыл про Корума, все забыли про него, а он всё ещё был здесь. Берсеркера окружал кокон из красно-чёрного пламени, по его мечу бегали языки такого же пламени. Стоило кокону соприкоснуться с аурой Скверны, как та начинала «гореть», превращаясь в сажу. Корум запрокинул голову и буквально изрыгнул из себя нечто среднее между воплем ярости и безумным хохотом. А после, подняв над головой меч, рванул на Многоликого.

Чудовище поняло, что что-то идёт не так. Все отростки влились в общее поле. Перед берсеркером выросла бесформенная гора тьмы, но тот разрубил её пополам, вверх выстрелил поток ядовитого чёрного дыма. Корум шагнул вперёд, продавливая своим пламенным

коконом то, что осталось от заграждения, а продавив, сорвался на бег.

Не докованный меч разрубил гниющую плоть Многоликого, обнажая переломанные кости. Отрубленный кусок свалился на землю и разложился, поглощённый Скверной. Монстр буквально начал поглощать сам себя. Корум отскочил назад, уходя от нескольких выпадов отростков плоти, отрубил один из них, опять сошёлся с Многоликим и вырубил его тела ещё два куска.

Внутри чудовища зародился не то стон, не то вой. Его тело содрогнулось и изрыгнуло из себя поток смерти, подобный тому, которым воспользовался против него Старейший, но чёрный огонь, исходящий от меча, сжёг его. Корум ещё раз расхохотался и нанёс ещё три болезненных ударов по чудовищу.

Я заметил, что поле Скверны начинает уменьшаться. Оно буквально стягивалось к Многоликому. Пламя меча жгло его, валил дым, весь мир, казалось, бился в агонии вместе с чудовищем. А неостановимый Корум метался вокруг Многоликого как пчела вокруг улья и жалил, жалил, жалил...

В бой опять ввязались наши маги, значит, всех служителей Культа за стенами города перебили. Но ни обычный колдовской огонь, ни глыбы льда не могли нанести и десятой доли того урона, что причинял чудовищу Корум.

Я обошёл скукоживающееся поле Скверны дважды по кругу. Этого хватило, чтобы понять — поле неоднородно. В некоторых местах по нему пробегала дрожь, а сама смертоносная аура иногда прижимается к Многоликому чуть ли не в упор. Чтобы оценить период изменения хватило нескольких секунд.

Выждав момент, я атаковал монстра, намереваясь отрезать от него кусок, да ещё и выпить при помощи Клинка Тени часть его жизненной энергии.

И тут Многоликий напомнил мне, почему его называю Многоликим. Я едва ушёл от трёх щупалец Скверны, ни причинив противнику вообще никакого вреда, а мою левую ногу зацепило поле.

Ощущение было такое, будто ногу в кислоту опустил. Уходя, я дважды наступил на левую ступню, и понял, что кожа уже начала разлагаться. Скрипя зубами от боли, я всё-таки как-то умудрился уйти от выпадов Многоликого (думаю, благодаря Коруму, практически полностью завладевшему вниманием чудовища), упал за землю и, укатившись по грязи подальше, принялся лакать зелье здоровья. Комок верещал в моей голове, кляня за опрометчивость, но я-то помнил, что он поддержал мой план атаковать.

На дороге тем временем вышел Старейший, а за ним гуськом весь наш клан и местные маги. Мутант размахивал руками, указывая, что делать. С неба снова хлынул поток огня, но теперь пламя выжигало Скверну с земли, а не пыталось атаковать Многоликого. И это принесло свои плоды. Кусок поля был полностью выжжен, и тогда Старейший применил очередное своё заклинание — с земли поднялись незатронутые Скверной трупы и, медленно переваливаясь, поплелись к Многоликому. Тот попытался отмахиваться от них, но зомби хватались за отростки плоти и буквально начинали «течь», своим разложением заражая Многоликого.

Корум тоже не сидел, сложа руки. От его доспеха уже валил пар, его аура тоже сжалась до минимума, но меч по-прежнему горел огнём, отсекая куски плоти один за другим. А потом Корум заметил в теле чудовища что-то такое, что ему не понравилось больше всего, и он врubilся в этот кусок плоти с утроенной энергией.

Закричали дети. Завыли мужчины. Женщины принялись стенать. Старики исходили

воплями агонии. То, что когда-то было людьми, а теперь телом Многоликого издало отчаянный предсмертный вопль, и тело чудовища осело на землю бесформенной мёртвой тушей.

Корум запрокинул голову и издал лающий смех. Он воткнул меч в землю и двумя руками снял с головы свой шлем. Его плоть обгорела до черна, только белые зубы выделялись на красно-чёрном лице. Шлем отлетел прочь, от него, да и вообще от доспехов берсеркера, поднимался пар.

— А теперь обсудим дела клана, — сказал он.

Меч буквально вскочил обратно ему в руки.

— Выношу смертный приговор всем предателям клана Серверная Рать. Доктор, Тёмная Мать, Репей! Я приговариваю вас к смерти за предательство. Клан — это я! Вас не спасёт даже то, что вы когда-то были хорошими друзьями и преданными соратниками. Вы выполнили своё предназначение, завоевали новую базу для клана. Теперь я объявляю себя властелином этих земель и нового клана Серверной Рати!

Корум за какую-то долю секунды оказался рядом с кучкой наших кастеров.

— Ты, предложившая кандидатуру Доктора, первая, кому я приведу смертный приговор в исполнение!

Корум был слишком быстр. Две ледяные глыбы испарились от соприкосновения с огненной аурой берсеркера. Меч Корума поднялся и опустился лишь один раз, и разрубленное от макушки до паха тело Тёмной Матери упало в грязь.

— Репей! Ты — следующий! А следующий ты, Доктор!

Я с шипением встал на ноги. Комок более или менее справлялся с болью в ступне, но каждый шаг всё равно давался мне с трудом.

— Давай-ка ты разберёшься сначала со мной! — рявкнул я Коруму.

Тот, впрочем, метался по полю в пустую — Репей умудрился уйти из-под самого его носа, а остальная часть клана разбежалась. Старейший, кажется, тоже не собирался вмешиваться в наши дела. И что он сделает с этой защитой из чёрного огня, если она даже со Скверной смогла справиться?

Берсеркер увидел меня. Сложно было прочитать что-то на его лице, но я заметил, что оно исказилось ещё сильнее в гримасу какой-то абсолютной, всепоглощающей ярости. Кожа на скулах Корума лопнула, раны начали исходить сукровицей. Он двинулся вперёд...

Нет, чёрт возьми, он молниеносно очутился рядом со мной и нанёс удар. Огненный меч с шипением пропахал землю. Корум зарычал от ярости, а я рассмеялся.

Мир выщвел. Кругом стоял серый туман, поглощающий собой всё. Лишь фигура Корума горела красно-чёрным огнём. От неё исходили языки огня, сплетающиеся с пламенем, охватившим уродливый оплавленный кусок металла. Безумие Гризли поселилось в этом мече, и теперь этим безумием заразился Корум. Пламя выжгло всё остальное, оставив лишь жажду мщения, а так как Корум потерял пока только власть, он хотел отомстить Репью, предложившему сместить его, Тёмной Матери, предложившей мою кандидатуру, и мне, непосредственно занявшему его место. Если бы безумие кузнеца владело берсеркером ещё хоть какое-то время, он бы отомстил всему клану.

Я разрядил в берсеркера арбалет. Стрела высекла из доспеха сноп искр и ушла в сторону. А Корум опять сократил расстояние между нами и нанёс плоский удар мечом, намереваясь разделить меня на две половинки — нижнюю и верхнюю. Я же собирался вспороть бывшему главе клана горло, но тот успел отскочить назад. На миг Тень и чёрное

пламя встретились, сцепились и тут же разошлись, не понеся никаких потерь.

— Ну, иди же ко мне! — сказал кто-то из нас, а второй рассмеялся. Или, быть может, мы оба сказали эту фразу и оба смеялись.

Корум завыл. Плачь Берсеркера заставлял противника бежать или бросать оружие и валиться с ног, у меня же он отдался только резкой болью в ушах. Корум взвыл ещё раз и, изогнув шею, плюнул в меня. Слюна попала на плащ и задымилась, прожигая кожу, но Тень сгустилась в том месте, и огонь погас.

Я наскочил на Корума, делая быстрые выпады своим тесаком, но тот ушёл от первого удара, а второй и третий спокойно принял грудью, сам попытавшись задеть меня мечом. Меч пропорол полу Плаща, но Тень сразу же срастила кожу. Но я успел зайти в бок безумцу и полоснул его по боку Клинком Тьмы. Доспех не выдержал и лопнул, разбрасывая в разные стороны искры и кольца панциря.

Берсеркер зарычал и попробовал достать меня мечом, а потом, резко сократив расстояние, едва не заграбастал мой плащ левой рукой. Снова огонь сошёлся с Тенью, и на этот раз Тень проиграла — сгусток огня прожёл серый вихрь, и на моей груди образовалось выгоревшее пятно. Кольчуга нагрелась. Я буквально чувствовал, как на моей коже вздуваются волдыри.

Я подсёк Коруму левую ногу, и тот всей своей закованной с ног до головы фигурой повалился в грязь. Я рванул вперёд, чтобы добить противника, но меня остановил поток перегретого пара, поднявшийся от берсеркера. Обожжённый и полуослепший, я отшатнулся назад. Корум в один миг оказался на ногах и, широко размахнувшись мечом, обрушил его на меня.

Я не успел уйти. Единственное, что я успел, это подставить под удар Клинок Тени, придерживая его за лезвие левой рукой. Меня как будто кувалдой ударили, я упал на колено, но удар отразил. Корум зашипел мне в лицо и надавил на меч. Серый и чёрно-красный вновь сплелись в бешеной пляске, давя друг на друга. Над нами поднимался чёрный дым. Корум рассмеялся, я закричал в ответ. По лицу берсеркера полз язык Тени, выгрызающий его плоть. Я чувствовал, как горит кожа моих перчаток. На меня впервые за долгое время нахлынула чёрная безысходность. Я не знал, что делать. Я проигрывал. Вот-вот я умру...

И тут раздался звон.

Меч Корума сломался, кусок лезвия ударил меня в грудь, но не сильно, кольчуга выдержала. А я сжал в левой ладони горсть железных осколков, располозовав к чертям всю ладонь, а самый длинный осколок даже проткнул её насквозь.

Берсеркер выпрямился, сжимая в руке рукоять с тридцатисантиметровым куском грубого клинка. Пламя, бегущее по железу, гасло. Выматерившись, Корум отбросил бесполезный кусок металла и выдернул из ножен толстый нож. Пламя, охватившее его с ног до головы, и не думало гаснуть, но теперь он не просто жгло Корума, оно его сжигало. Безумцу было на это плевать, он собирался убить меня, а там хоть трава не расти.

Я вскочил на ноги, в моей правой руке уже был обычный тесак. То, что Клинок Тени сломался, слишком меня шокировало, и я не успел среагировать. Корум налетел на меня и сбил с ног. Тень боролась с его огнём, но не с ножом — лезвие, пробив кольчугу, глубоко вошло мне в левый бок. Я закричал, но Корум заткнул меня мощным ударом кулака в скулу. Хрустнула кость, а я начал проваливаться куда-то во тьму.

«Продержись ещё минуту! Он сгорит, сгорит сам!».

Минуту, ха!

Из груди Корума высунулось окровавленное острие дротика Репья. Слышал я, что у него есть вероятность пробития доспеха насквозь. Мне уже было плевать. Тень яростно билась, стараясь защитить своего хозяина, пламя не причиняло мне никакого вреда. Шею Корума насквозь пробил два серых лезвия.

Я каким-то образом умудрился принять очередной удар своим локтём и почувствовал, как во второй раз за ночь трещат переломанные кости правой руки. Корум зарычал и боднул меня головой в лицо, ранив себя о маску, но та слетела, и второй удар сломал мне нос. Я извернулся, и мы покатались по земле. Но я практически ничего не мог сделать, Корум был слишком силён. Он смял мне левое плечо.

Я вспомнил про трофейный нож, припрятанный у меня за пазухой. Но его нужно было как-то достать, достать... достать...

Ещё один удар в лицо, и на шипах латной рукавицы моя кровь смешалась с глазной жидкостью. Следующий удар пришёлся в рёбра. И ещё один. Переломанные кости хрустели при каждом движении. Боль пробилла даже тот заслон, что пытался поставить Комок.

Мы остановились. Окровавленные и перемазанные кровью грязью. Но в первый раз я оказался сверху. Сжал левую ладонь в кулак и ударил Корума в лицо, надеясь, что торчащий из неё осколок железа нанесёт хоть какой-то урон.

Моя ладонь раскрылась, выплёвывая всё железо. Шрамы, оставленные мне тем, чем был Комок до того, как поселился в меня, превратились в три концентрические окружности, полные клыков. Из центра ладони выстрелил длинный шип, он вонзился Коруму в ноздрю и вошёл в мозг, а я накрыл лицо берсеркера ладонью. Обгоревшая плоть моего противника мгновенно превратилась в кашу. Шип рвал мозг берсеркера на куски, но тот продолжал судорожно наносить мне удары пока, наконец, не замер.

Я тяжело свалился на выжженную землю. В рот попала грязь. Я пошевелил языком, стараясь вытолкнуть грязь, но только наглотался новой. Да и плевать. Кажется, я умираю.

Чьи-то руки перевернули меня на спину. Во рту появился сладковатый привкус зелья здоровья. Я подавился и сблевунул, но меня крутили как куклу, толстые пальцы залезли мне в рот, прочищая его от рвотных масс. Меня вырвало ещё раз, а потом я замер, чувствуя, как накатывая страшная, никогда ещё мной не испытанная боль.

Моё лицо оказалось рядом со сморщенным личиком Младшего.

— Ты мне не нравишься, — пискнул он.

И я отключился.

Интерлюдия. Игрок

Снега навалило столько, что я с трудом пробирался по лесу. Кости верхней челюсти едва слышно похрустывали, становясь на место. Скоро стану таким же красавцем, как и был.

Комок пообещал мне новый глаз, куда лучше первого. Поверю на слово — те зубы, что он мне вырастил, выдержали даже удары Корума. Кроме этого он предлагал мне вырастить ухо получше, побольше и пооттопыреннее, чтобы я лучше слышал, но, к счастью, рана была нанесена слишком давно.

«Я нашёл источник вашей силы, — бубнил Комок, — вы вроде как все к одной титьке присосались. И титьку эту создали искусственно. Видел бы ты её — огромное облако над всем полем игры. Сила этого энергетического поля ограничена, но вы высосали ещё далеко не всю. Да и чем меньше вас становится, тем больше может сосать каждый выживший — энергия вроде как находит в круговороте».

«Значит, нужно как можно сильнее присосаться этому полю?».

«Нет, в дальнейшем от него нужно отсоединиться, и я тебе в этом помогу. Ограничения касаются не только общего количества энергии в облаке, но и индивидуально каждого игрока. То есть, достигнув максимума, прыгнуть выше головы ты уже не сможешь, если не найдёшь дополнительный источник энергии. Иногда тебе удаётся открывать каналы, но нужно научиться делать это постоянно».

Ну да, максимального пятидесятого уровня я уже достиг.

Вместе с аурой, заработанной за убийство того игрока, у меня было семьсот девяносто два ловкости, пятьсот пятьдесят силы и шестьсот восемьдесят два очка выносливости.

Скрытность теперь усилена, да ещё и действует постоянно. Отравленные стрелы вызывают отравление и паралич в двадцатипроцентной вероятности; тридцать процентов вероятность того, что стрела попытается достигнуть сердца противника (действуют параллельно). Яд с клинка теперь вызывает не только муки и паралич, но и может ослепить противника. Плащ Тени ускоряет, даёт мисс и повышает сопротивление яду и магии, каждый параметр достиг пятидесяти процентов. Метка не только даёт обзор по противнику, но и баффает каждую способность на двадцать процентов при драке с помеченным противником. Всё благодаря новой пассивной способности «Сила Тени».

— Будет мороз, — сказал я самому себе.

Снегопад закончился ещё вчера вечером. Сегодня шёл пятый день с момента драки с Многоликим. И Корумом.

... Три дня я отлёживался в полном одиночестве — Старейший никого ко мне не пускал. Я был ему благодарен: я чувствовал себя совершенно подавленным и не хотел никого видеть. Клинок Тени сломан. Корум сошёл с ума, а я его убил. Тёмная Мать мертва. Алексей лишился руки. Моя левая половина лица — сплошная мешанина из шрамов, да ещё и выглядит словно смятая консервная банка.

Тот момент в драке с Корумом, когда я уже готов был сдаться, повлиял на меня больше всего. Комок сказал, что, вероятно, именно из-за моей слабости я и лишился Клинка Тени. Я подчинил его волю своей, и когда она дала трещину, Клинок тоже сломался. Или, быть может, он попытался спасти меня, сломав меч Берсеркера, но не выдержал. Второе предположение звучало дико, но почему-то мне казалось, что оно более вероятно.

А ещё я продолжал чувствовать Клинок. В «кармане» его не было, даже рукоять куда-то исчезла, но знакомое чувство присутствия никуда не делось.

Вчера приходили Алексей с Репьём. Комок уже сказал мне, что нам придётся уйти. Он не собирался терять несколько месяцев, отсиживаясь за городскими стенами. Я сказал об этом парням. Хотя они и сами всё поняли, увидев полностью собранную заплечную сумку, аккуратно разложенное оружие и мой новый плащ.

— Да брось ты, — заплетающимся языком сказал Репей — он не переставал отмечать победу. — Ты же наш босс. Если уйдёшь ты, что останется от клана?

— И какого хрена ты вообще собрался уходить, — буркнул Алексей. Он кутал культю в свой друидский плащ, стараясь спрятать от чужих глаз. Ему и так пришлось несладко — его девушка не пережила нападения слугителей Культа на город.

И тогда я им всё выложил, всю подноготную, всё, что знал о себе, этом мире, Тьме, Комке, богах и их потомках.

— То есть ты просто больная лживая тварь, — констатировал Репей. — Что ж, можешь валить, если тебе на нас плевать.

Я тяжело вздохнул.

— Не в том дело. Мне на вас не плевать. И потому я уйду. Быть может, мне удастся сделать так, чтобы ваше весеннее путешествие стало проще. Или вообще закончить всё это дерьмо с Сердцем Мира до конца зимы.

— Не многовато на себя берёшь?

— Нет. У вас же ещё куча работы. Вы должны собрать всех игроков, что прячутся в лесах. Уверен, там ещё десятки людей. Вы должны возродить клан.

— А если придут Песцы? — спросил Алексей. — Если они нас просто вырежут?

— Не вырежут, — проворчал Репей. — У них был конфликт только с Корумом. А мы тут его самостоятельно пришили. Договоримся. У нас есть осколки, которые им нужны. И они вовсе не собираются убивать игроков, иначе давным-давно бы нас раздавили.

Я кивнул, чувствуя явное облегчение.

— А ещё он — владелец проклятого оружия, хоть оно и сломалось, — проговорил Старейший, появившийся неведь откуда. — И с ним вполне может произойти то же самое, что и с прошлым вашим ярлом. Как вы тогда планируете с ним совладать? У меня на это сил точно не хватит. У вас есть какой-нибудь обладатель древнего и мощного оружия, созданного великими мастерами древности?

Репей зыркнул на меня. Он совершенно чётко угадал основную причину моего ухода.

— Выберите нового босса, — сказал я, собирая своё снаряжение. — Хотя я могу оставить приемника.

— Временно исполняющего обязанности, — поправил меня Алексей.

— Отлично. Репей, ты временно исполняющий обязанности главы клана. Алексей, ты как коммуникабельный человек, назначаешься его замом по связям с общественностью. Наладишь контакты с местными, с Песцами и попробуешь собрать остатки игроков по лесам. А потом отдыхайте и копите силы на весну, быть может, где-нибудь на юге я буду вас ждать.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Прежде, чем выйти, я натянул на лицо новую маску, подаренную мне жителями Драконьего Клыка в благодарность за спасение. Чёрная воронёная сталь изображала череп какой-то длинномордой твари, лишь отдалённо похожей на человека. Сталь заговорил сам Старейший. Но я надевал её не ради защиты, просто не

хотел пугать детей на улицах своим видом. Старейший пошёл со мной.

— Хочешь попрощаться с Фиалкой? — спросил он.

— Хочу забрать своего пса.

Мы шли по засыпанным свежим снегом улицам. Беженцев меньше не стало, но у них было совершенно другое настроение. Они готовились зимовать — укрепляли временные постройки, очищали улицы от мусора и снега. В их глазах читалась надежда. И не было ненависти во взглядах, обращённых ко мне. Я слышал о разговорах местных. Мы были другими, говорили они, мы сражались за них и умирали, мы победили врага. Цветов к моим ногам, конечно, не клал — где их найти зимой? — но даже отсутствие агрессии было приятным изменением. Остатки клана перезимуют нормально, и это для меня главное.

Но не всё должно складываться хорошо.

Мой пёс валялся в куче помоев, хотя ещё вчера вечером он был жив. Видимо, не пережил ночь. Я осторожно поднял щенка. Ещё тёплый.

— Подавился едой, — сказала появившаяся на пороге Фиалка. — Я сделала всё, что могла. Удивительно, как оно вообще так долго прожил. Он хорошо цеплялся за жизнь. Ты ко мне?

— Нет, я за ним.

Я осторожно сжал щенка в ладонях. Воспалённые раны на морде, перебитая лапка, переломанные рёбра. Прямо как у меня три дня назад. Его глаза уже затронул туман смерти, они слабо поблёскивали на ярком зимнем солнце.

Я не знал, что произошло потом. Мою правую руку окутала тень, а внутри меня — где-то в груди — что-то как будто шевельнулось. Тело щенка свела судорога, он резко выпрямился, будто его током ударило. И я почувствовал, как забилося его сердце. Щенок тихо пискнул и уставился на меня левым глазом, всё ещё затуманенным смертью. И эта пелена вовсе не собиралась никуда пропадать.

Фиалка ахнула, а Старейший смачно выматерился.

— Теперь ты мне тоже не нравишься, — сказал он. — Я так и не узнал, что ты, а ты ещё и такие фокусы выкидываешь.

Я пожал плечами.

— Тогда можете не провожать, я выйду сам...

... Я отпустил Оскала в снег. Тот утонул в нём по макушку, но принялся смешными прыжками прокладывать себе дорогу. Хотя ничего смешного или милого в Оскале не было — это была чертовски злобная и жестокая скотина, мои перчатки едва сдерживали его ярость, когда он решал поиграть со мной. Оскал мог убить какую-нибудь птичку и бросить, едва распробовав кровь. Эта тварь убивала не только ради пропитания, но и для удовольствия. Если не удастся подавить в нём эту привычку, придётся полностью подчинить зверюгу своей воле.

Оскал остановился, принюхиваясь (изуродованная морда кривилась, уши стояли торчком), а потом с тихим угрожающим рычанием рванул влево, к плотной полосе деревьев. Я последовал за псиной, готовя оружие для драки.

«Там что-то слишком опасное», — пробормотал Комок, но тут же как будто испарился. Я почувствовал, как реальность начинает привычно двоиться.

Мы вышли на заснеженную поляну. Там нас ждали двое — невероятно красивая девушка в зелёно-коричневом плаще, сделанном из кожи какой-то чешуйчатой твари, и громила в полном доспехе. Шлем без забрала громила держал в руках, так что я мог оценить

длину его волос — чёрная грива буквально мела по снегу. Их не окружали ауры или что-то подобное, но я чувствовал их мощь, превосходящую даже силу Многоликого в разы.

— Пришёл-таки, — угрюмо проговорил мордovorот, неодобрительно глядя на меня.

— Я же говорила, — пожалала плечами девушка. Она одарила меня ослепительной улыбкой и подмигнула. — Вот только прости, дальше мы тебя не пустим.

— И вообще я закрываю этот долбаный проход, — резко пробасил громила. — Давно пора было. Ходят тут всякие... убийцы.

— Вы кто такие? — поинтересовался я. — И зачем меня ждали?

— Чтобы не пустить сюда, — улыбка буквально не сходила с лица девушки. И тут я узнал её голос. Именно она в начале игры говорила мне о том, что я получил новую способность или новый уровень. И её голос действительно походил на голос Рилай.

— А ответ на первый вопрос дам я. Я — Игрок, а это моя дочь — Алая. Мы следим за игрой. Да что там уж говорить, именно я подкинул её идею Властелинам, так что считай, что мы им служим. Хочешь что-нибудь по этому поводу сказать? Я не вижу твоего лица, но знаю, что хочешь. Можешь попробовать, конечно, но я прихлопну тебя как муху.

Алая звонко рассмеялась.

— Не можешь, папочка, он — важная фигура. На него поставили, и поставили много. А ещё он не далее как пять дней назад убил другого ставленника, и наш благородный повелитель Свинорыл поплатился за это жизнью, растеряв остатки своей силы. Впрочем, ты тоже ничего сделать не сможешь, — обратилась она ко мне, — по крайней мере, пока. А теперь смотри, мой сладкий.

Я уставился в указанном направлении.

Из леса медленно вышла группа из дюжины человек. Одеты они были разношёрстно... Впрочем, как и любая другая пати игроков. Вот только это явно были местные. И выглядели они тёртыми калачами.

— Это те, кто решит проблему, — с гордостью сказал Игрок. — Не то что вы, неженки.

— Эти неженки не плохо себя показали, — возразила Алая. — Посмотри на нашего друга. Настоящий герой.

Я стиснул в бешенстве зубы и, молниеносно выхватив арбалеты, разрядил их в Игрока. Тот отбил обе стрелы неуловимым движением левой руки, а вторым движением — более медленным и небрежным — отшвырнул меня к дереву, мой тесак полетел в другую сторону. И плевал этот ублюдок даже на работающий на полную катушку Плащ Тени.

— Она же сказала — ничего ты мне не сделаешь.

— Не попробуешь, не узнаешь, — прошипел я, вставая на ноги. Комок что-то лепетал, призывая меня быть благоразумней. Оскал скалился и бросался на Игрока, щёлкая мелкими зубами, но тоже не мог к нему даже приблизиться.

— Это вторая партия игроков, — сказала мне Алая. — Настоящие воины и маги, герои этого мира. Шесть тысяч двести пятьдесят четыре избранных. Мы держали некоторые лазейки в общий мир именно для того, чтобы пропустить их сюда, а сейчас закроем, чтобы они вместе с вами могли закончить игру.

Вслед за первой группой прошла вторая. В ней я различил несколько раненых. Значит, дорога сюда далась им не просто так.

Я сплюнул. Новая проблема, как будто старых не хватало.

— И что же теперь, ещё и с ними драться?

— А это уже как хотите, — ответил Игрок. — Лично ты можешь наброситься на них

прямо сейчас, я с удовольствием посмотрю, как из тебя сделают котлету.

— Папа, не груби. — Алая подмигнула и, приблизившись ко мне, нежно поцеловала в губы. — Я за тебя болею. А теперь иди назад, мы будем закрывать портал.

Как во сне я развернулся и поплёлся назад. Оскал недовольно ворча прыгал следом за мной. Я едва различал слова Игрока, выговаривающего что-то дочери. «... и это при живом отце!», — было последним, что я услышал.

«Ещё шесть тысяч игроков, — присвистнул вновь появившийся Комок, — да, будет жарко. Но теперь надежда не только на ваших».

«Мне нужны новые каналы связи, — сказал я мысленно. — И как можно быстрее. Я должен убить этого ублюдка».

«А кишка не тонка? Он меня подавил своей силой так, что я слово вякнуть не мог».

«Не попробую, не узнаю».

«Ты уже попробовал».

«Буду пробовать, пока не убью его или сам не сдохну».

«Вот таким ты мне нравишься. Чуешь то дерево в паре километров впереди? Чуешь, как от него пахнет смертью? Ты должен выпить его силу».

Я сунул Оскала за пазуху и отправился к кривому чёрному дереву, возвышающемуся над всем остальным лесом на пару саженей.

Мы шли втроём по белому снегу, оставляя за собой полосу глубоких чёрных следов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net